

Doctor
WHO

DECALOG

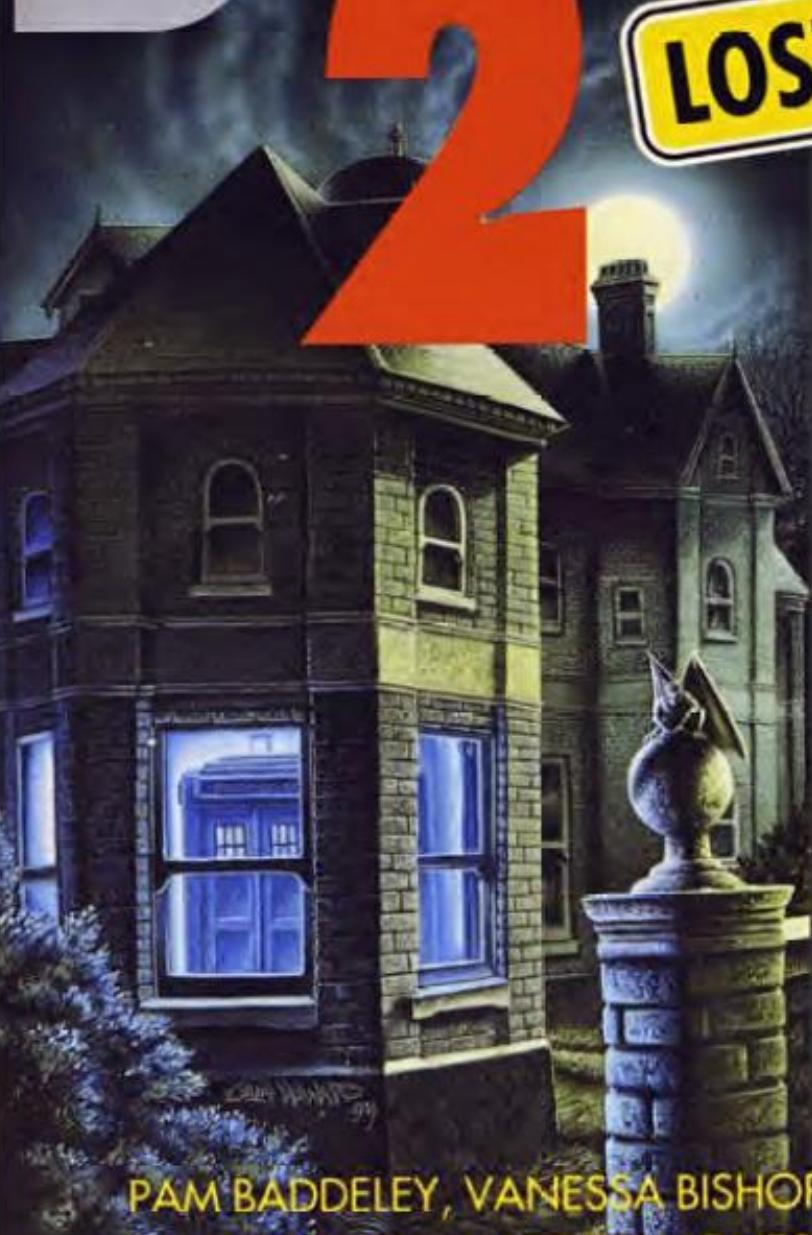
2

LOST PROPERTY

**TEN
STORIES**

**SEVEN
DOCTORS**

**NO FIXED
ABODE**

PAM BADDELEY, VANESSA BISHOP, DANIEL BLYTHE,
PAUL CORNELL, MATTHEW JONES, ANDY LANE,
DAVID MCINTEE, TIM ROBINS, GARETH ROBERTS,
MIKE TUCKER & ROBERT PERRY

EDITED BY —

MARK STAMMERS & STEPHEN JAMES WALKER

Доктор Кто

**Декалог 2:
Утраченная
недвижимость**

Десять рассказов
Семь Докторов
Без определённого места жительства

Под редакцией
Марка Стэммерса
и Стивена Джеймса Уокера.

Перевод осуществлён **ssv310**
на сайте [Notabenoid](https://notabenoid.com)

Примечание редакторов.

Добро пожаловать в «Декалог 2», наш второй сборник рассказов о Докторе.

В значительной степени это пример «повторения по заявкам читателей». Первый «Декалог» оказался одной из наиболее продаваемых книг фирмы Virgin по мотивам телесериала «Доктор Кто», и заработал множество положительных отзывов от читательской аудитории. Разумеется, нам это было очень приятно. Но, что более важно, он показал чрезвычайный спрос на рассказы и жизнеспособность серии сборников «Декалог».

Во втором томе мы немного отошли от формата первого в том, что не стали объединять все десять рассказов общим сюжетом. Вместо этого мы предложили авторам рассмотреть общую тему, а именно, судьбы различных домов, которыми владел Доктор во время своих странствий по пространству и времени.

Тем не менее, «Декалог 2» напоминает своего предшественника тем, что каждый из семи телевизионных Докторов упоминается хотя бы один раз, и тем, что десять рассказов охватывают широкий диапазон стилей и жанров. Акцент на разнообразии был намеренной политикой с нашей стороны, мы придавали ей очень высокий приоритет. Она не только

отражает эклектичность самого телевизионного сериала, но также, благодаря ей любой читатель этой книги найдёт в ней что-то, что соответствует его или её личным вкусам.

Это последний «Декалог», который редактируем мы, но мы знаем, что есть редакторы, жаждущие составить похожие сборники, и мы думаем, что будет справедливо предоставить им такой шанс. Пользуясь случаем, мы хотели бы поблагодарить всех, кто писал для этой и предыдущей книг (включая тех, чьи предложения по тем или иным причинам мы, к сожалению, не смогли использовать), а также, конечно же, Питера Дарвилла-Эванса, Ребекку Левин, и их коллег в Virgin.

ВИХРЬ СТРАХА

Гарет Робертс

Брачиннен пошевелился. Действие снотворного завершалось. Он сел на скомканных простынях своей постели, оглядел комнату — свою адскую, не изменяющуюся комнату! — посмотрел на часы с позолоченными цифрами, стоявшие на полке. Его суставы болели, по всему телу прошёл спазм.

Скоро появится Доктор.

Не смотря на то, что у него в голове что-то стучало и отдавалось болью в висках, он бросился к двери. Феррикс его, как обычно, запер. Повторяя то, что он делал уже, казалось, вечно, Брачиннен вынул из верхнего кармана своей пижамы запасной ключ и отпер дверь. Щелчок замка вселял небольшую надежду. Дверь открылась — это было событие, которое создал он, в исходной цепи событий его не было. Это было важно; это доказывало, что у него осталась хоть какая-то свободная воля.

Он побрёл по коридору. Густой ворс красного ковра приятно ласкал его босые ноги. Со стороны лестницы, сверху, из гостиной, доносились два голоса. Похоже, это Кья и Лит в очередной раз спорили о перспективах доходов с земельных участков на территориях Бриер. Кья одерживала верх. Она почти всегда была победительницей. Перед Брачинненом

были ещё одни часы, высокие и зеркальные; в них отражалась его сухопарая фигура, коротко стриженые волосы, выбритое лицо, широко раскрытые от ужаса глаза — вылитый сумасшедший. Но время на часах было правильное, с точностью до нескольких минут такое же, как и в его комнате, так что на данный момент сдвиг был минимальным.

На данный момент. Брачиннен провёл языком внутри пересохшего от лекарств рта, словно смакуя смысл фразы. На данный момент.

На мгновение он отвёл глаза от циферблата часов. Когда его взгляд вернулся, часы показывали на пятнадцать минут больше. Чёрт, это значит...

— Мы все считаем, что будет лучше, если ты поспишь, — в конце коридора стоял Феррикс. На его лысой голове блестели блики от света люстры, — Мы обсудили это, и все переживают о тебе.

— Я твой друг, в прошлом я делал тебе много одолжений, поэтому ты переживаешь особенно сильно, — горько пробормотал Брачиннен, готовясь бежать. Он знал сценарий.

Феррикс удивлённо приподнял бровь:

— Да. Именно это я хотел сказать. И ни к чему такой тон, — он поднял инъекционную подушечку и подошёл ближе. — Давай вернём тебя в спальню, хорошо?

Брачиннен снова посмотрел на часы. Ещё пятнадцати минут как не бывало. Теперь не было смысла бежать; Доктор должен появиться только через час. Он вздрогнул. Иногда (иногда — ещё одно из тех понятий, которых ему так не хватало) он думал о том, есть ли у сдвига разум, знает ли сдвиг о нём. Время от времени сдвиг давал ему шанс вырваться, удрать, увидеть синюю деревянную дверь ТАРДИС. Но потом всегда крушил его надежды, удерживая его, отталкивая от цели. Не давая добраться до Доктора. Захлопывая дверь перед самым носом. Сдвиг действовал тайком, переводя часы, когда он отводил взгляд. Память была не такой, как раньше, сейчас она больше походила на разрозненные клочья тумана, но ему казалось, что он помнит, как сидел много часов перед одним из циферблотов, почти не моргая. Как только он отводил взгляд, сдвиг делал своё дело. Глотал минуту. Так был ли его враг думающим существом? Нет. Его настоящий враг сдавался.

— Давай вернём тебя в спальню, хорошо? — снова сказал Феррикс, приближаясь с инъекционной подушечкой в протянутой руке.

Брачиннен оценил возможные варианты. Сбежать, спрятаться, сопротивляться. Или заснуть. Хорошо спать. Во сне сдвиг его не настигал. Да, настоящий враг уже сдавался, но и он тоже уже устал.

— Вот так, — когда Феррикс приложил к его руке колючую сторону подушечки, и от сноторного весь коридор закружился, Брачиннен услышал свой собственный всхлип, жалкий, как у обиженного щенка.

Кья вынула изо рта длинный мундштук с сигаретой и выпустила в гостиную столб голубого дыма.

— Глупо выдвигать претензии против спорных прав на землю, когда твоя собственная компания покупает долю в этих земельных участках, — она старалась говорить спокойно, хотя её обуревала злость на глупость этого человека. — Либо ты поддерживаешь независимый разбор претензий на владение, либо нет.

Рыцарь сэр Лит поставил свой бренди на бар и длинным пальцем пригладил свои седеющие волосы.

— Дорогая моя, — ответил он снисходительным голосом аристократа, — именно это я и хочу сказать. Согласно текущим законам, если я буду действовать в соответствии со своими убеждениями, то перестану быть крупнейшим владельцем акций.

— Иными словами, ты борешься против нескольких своих интересов.

— А разве у меня есть другой выбор?

— Да, есть, но ты слишком упрям, чтобы признать это. Прекрати скучать участки в Бриере, выскажи

моральное негодование, и Палата будет на твоей стороне.

— Я выставлю себя дураком.

Кья улыбнулась:

— Лучше дураком, чем лицемером, дорогой, — она села, откинувшись на спинку ближайшего к камину кресла и потянулась, демонстрируя своё нежелание продолжать этот спор. — Сколько там осталось?

— Ровно четыре часа.

Он сидел напротив неё, опустив голову на руки. Дурак или лицемер? Дурак, — решила Кья. И через четыре часа он узнает, насколько он большой дурак.

— Скажи, — спросил он, — что ты сделаешь в первую очередь, когда вернёшься?

Ей пришлось прикусить язык. Ей очень хотелось сообщить ему правду, но оставалось всего четыре часа. Будет гораздо лучше увидеть его лицо в завтрашних новостях. Это почти окупит прошедший год, который она провела с ним в отсрочке.

— Оформлю жалобу в Агентстве, а затем проведу детей. Они для меня очень важны.

— Важнее, чем твой бизнес?

Она сверкнула глазами:

— Я доверяю своим представителям. Мой бизнес в надёжных руках.

Это была ложь. Ей не терпелось вернуться. Ей хотелось увидеть бухгалтерские отчёты.

В гостиную, озабоченно потирая подбородок, зашёл Феррикс. Он кивнул Кйа и сказал Литу:

— Я нашёл Брачиннена, он ходил по коридорам.

Лит вздохнул:

— Ты же должен был запереть его дверь.

— Я запер. Я уверен, что запер. Я дал ему ещё одну дозу снотворного и вернул в постель, — он налил себе выпить. — Ничего не понимаю. Вначале Кэндол, теперь Брачиннен. Это, наверное, влияние замкнутого пространства, этого чёртового ящика. Хорошо, что сегодня мыходим.

Кйа встала и положила ладонь на его дрожащую руку:

— Тебе нужно расслабиться.

Он слабо улыбнулся:

— Разве это возможно? Мы уже семь месяцев, как отрезаны. Что я узнаю, когда мы вернёмся?

Кйа скривилась. Ей казалось, что они уже тысячу раз это обсуждали. Занятно, — подумала она, — но у Феррикса, наверное, меньше всего причин переживать о своей судьбе.

— Я полагаю, что ты узнаешь об империи по производству кофеина ценой шестьдесят пять миллиардов.

Ради него она пыталась придать голосу уверенность. Кое-что в Ферриксе ей очень нравилось — он был абсолютно безобиден.

— Но мой заместитель, Хоррил, — он пригубил свой бокал. — Последние пару ночей я почти не спал. Не могу прогнать от себя мысль, что в повреждении коммуникатора виноват он. Я предоставил ему шанс, которого он ждал. Он всегда хотел обскакать меня. Всегда пытался подставить меня. Конечно, никогда не было ничего такого, чтобы предъявить в суде, никаких улик, но мои инстинкты меня не обманывают. Я так и вижу, как он сейчас сидит за моим столом, отдаёт указания моей секретарше. Флиртует с моей женой, чёрт его возьми.

Трясущейся рукой он поднёс к своим толстым губам бокал, пролив немного джина себе на подбородок.

— Расслабься, старина, — сказал Лит, указывая на один из диванов. — Через четыре часа ты вернёшься, и всё будет по-прежнему. Мы будем теми же, кем и были, просто на пару миллиардов богаче.

Кья мысленно ухмыльнулась его словам.

— За год очень многое может случиться, — ответил Феррикс, усаживаясь на диван.

— Не забывай, я уже в третий раз в отсрочке, — сказала Кья. Я знаю, что ты чувствуешь, последние несколько часов всегда самые худшие. Независимо от того, что на самом деле происходит в мире, — она направилась к двери. — Надоело мне тут... То одно, то другое. Пойду лучше прилягу у себя в комнате.

Зоуи было свойственно исследовать, понимать, и каталогизировать окружающее. Её любопытство в своих методах было строго научным, и её предыдущая работа в качестве астрофизика на космической станции придавала её жизни ощущение порядка. Во вселенной было столько всего ещё не познанного, и ей нравилось быть в буквальном смысле на передовом рубеже. Однако с тех пор, как она стала путешествовать на борту ТАРДИС с Доктором и Джейми, и приняла активное участие в нескольких приключениях, во время которых у неё было мало времени на то, чтобы думать, это ощущение безопасности пропало. Её разочаровывало, что Доктор — человек, которому она доверяла свою жизнь — был абсолютно не склонен к чётким объяснениям. Перед ней был человек, который, насколько она знала, знал ответы на все загадки пространства и времени, но был при этом жутко рассеянным. Его реакцией на проблемы, с которыми он сталкивался — начиная от непредсказуемого поведения ТАРДИС и заканчивая нападением ледяных воинов — часто была откровенная паника, и было очень сложно что-то у него выпытать. Он был невероятно скрытным. И сейчас, глядя на то, как он, обернув руку фалдой сюртука, нерешительно щёлкает тумблерами на перегревшейся панели консоли ТАРДИС, она решила,

что лучшего времени для того, чтобы прояснить волнующие её вопросы, не будет.

Она указала на панель, на которой он работал:

— Это органы управления пространственно-временной ориентацией, да?

— А? — он мельком взглянул на неё. — Нет, нет, Зоуи. Это регуляторы направления.

— А на прошлой неделе вы сказали, что это органы управления пространственно-временной ориентацией.

Чтобы привлечь его внимание, она щёлкнула одним из переключателей. Ничего не произошло.

Он быстро обошёл консоль и легонько шлётнул Зоуи по запястью.

— Не трогай, пожалуйста, дорогая. В неумелых руках ТАРДИС опасна.

Зоуи обиделась:

— Уж мои-то руки вполне умелые, Доктор.

Выждав секунду, она спросила:

— В данный момент мы движемся по пространственно-временному измерению, да?

Доктор сложил пальцы домиком, долго подбирая слова для ответа:

— Хм, да. Хм, нет. Ну, не совсем. Измерения как такового нет. Это скорее... Это больше похоже на вихрь. Это всё довольно сло... О! — он заметил на консоли мигающий огонёк и поспешил к нему.

Зоуи посмотрела на экран сканера. Когда ТАРДИС перемещалась, на нём отображалась головокружительная последовательность симметричных синих узоров — визуальное отображение Вихря, сквозь который они летели. Она завораживала Зоуи, хотя и Джейми и Доктор советовали ей не смотреть на узоры слишком долго. Это место — если его вообще можно было называть местом — она могла видеть собственными глазами, но не могла понять с научной точки зрения. Её это расстраивало. Иногда ей казалось, будто эти узоры вот-вот сформируют лицо Доктора. Из-за этого она не выдержала, и снова стала расспрашивать Доктора, но в этот раз решила зайти издалека. Противопоставить неопределённости его ответов неопределённость своих вопросов.

— Доктор, а этот пространственно-временной вихрь... Вы, наверное, можете считать его своим домом? Вы ведь много раз путешествовали сквозь него.

Он закончил работать с консолью и тоже подошёл к сканеру.

— Вообще-то нет, Зоуи. Вихрь — чрезвычайно недружелюбное место. Уверяю тебя, сделать в нём дом было бы очень большой глупостью.

В этот момент в отсек управления зашёл Джейми. Он, зевая, натягивал на себя серый свитер.

— Доктор в этом прав, — он указал большим пальцем на большие двери, ведущие наружу. Это как самый сильный шторм, который ты только можешь себе представить. Может порвать на части.

Сообразив, о чём говорит Джейми, Зоуи ахнула:

— Двери ТАРДИС раскрывались во время полёта?

— Ага, ну, это долгая история. Но поверь мне на слово, Зоуи, лучше тебе свой носик туда не высовывать.

Любопытство Зоуи осталось неудовлетворённым.

— Тогда как защищена ТАРДИС?

Доктор суетился у консоли, на которой снова начала мигать лампочка. Свойственным ему небрежным тоном он ответил:

— Ну, это очень просто. У ТАРДИС есть экраны, которые защищают её от ветров времени.

— Ветры времени? Это, наверное, учёные-романтики придумали. Как время может дуть?

— Если бы ты испытала это на себе, девица, — сказал Джейми, — ты бы не спрашивала.

Доктор начал махать на них руками:

— Замолчите оба. Я принимаю какой-то очень странный сигнал. Вибрации? Явно нет.

Зоуи и Джейми беспокойно переглянулись. Постоянный гул приборов ТАРДИС стал более высоким.

— В чём дело, Доктор? — спросила Зоуи.

Доктор потянул рычаг на консоли.

— Система предотвращения столкновений не работает! — по-детски взвыл он.

— Столкновений! — воскликнула Зоуи.

ТАРДИС начало трясти из стороны в сторону. Доктор боролся с рычагом.

— Чёртов рычаг застрял! Им несколько веков не пользовались!

Джейми подошёл ближе.

— Потяните его изо всех сил, Доктор.

— Это я и пытаюсь сделать! — он снова приложился к рычагу, а потом отошёл от него, вытирая пот со лба носовым платком. — Не выходит. Попробуй ты, Джейми.

Зоуи смотрела как Джейми, напрягая трицепсы, пытался повернуть рычаг. ТАРДИС дёрнулась, и Доктор упал на пол. Рычаг отломался и остался в руках Джейми.

— О нет! — закричал Доктор, вставая на ноги. — Мы разобьёмся, если я не... — он почесал голову. — Если только... о боже.

ТАРДИС качнулась и Зоуи потеряла равновесие.

— Придумайте что-нибудь, Доктор!

Он стукнул себя по голове, словно пытаясь выбить заклинившую информацию.

— Переворот! Ну конечно! Материализация с сальто!

Он бросился обратно к консоли и принялся за работу.

— Ага, что же вы раньше не додумались? — пробормотал Джейми и отбросил в сторону отломанный рычаг.

Звон, с которым рычаг налетел на деревянный сундук в углу, был последним, что Зоуи услышала перед тем, как потерять от вибрации сознание.

Она очнулась от того, что Доктор легонько шлёпал её по щекам.

— Очнись, Зоуи. Мы уже в безопасности. Всё будет хорошо.

Как обычно, его голос не был уверененным.

— О, моя голова, — она подняла руку и нашупала на лбу большую шишку. — Наверное, я упала. Что случилось, Доктор?

— Вообще-то, это просто потрясающее. ТАРДИС чуть не столкнулась с... не знаю с чем, но в этой экстренной ситуации мне удалось забросить нас вовнутрь, — указательными пальцами он изобразил выполняющего сальто акробата.

Зоуи села и посмотрела на него так, что бы он понял, как она переживает:

— Внутрь чего?

— Э... чего-то.

— Не другой ли ТАРДИС?

Ответил на это Джейми:

— Если это другая ТАРДИС, то она гораздо красивее этой.

Зоуи встала и тоже подошла к экрану сканера, на котором было нечто, похожее на этаж в старом загородном поместье. Стены были со вкусом украшены картинами в резных рамках, пол был покрыт ковровыми дорожками, под потолком, словно перевёрнутый паук, висела хрустальная люстра. Вся эта роскошь казалась слишком продуманной, чтобы быть настоящей.

— Это, наверное, какая-то иллюзия.

— Сенсоры говорят, что нет, — ответил Доктор. — Что бы там снаружи ни было, оно настоящее. Но нет, это не другая ТАРДИС. Это что-то гораздо менее сложное. Вообще-то, мне кажется, что оно вообще не рассчитано на перемещение, — он жевал свой ноготь.

— Нельзя было сюда такое направлять. Ужасно примитивная штука.

Зоуи уловила в его голосе нотку любопытства:

— Мы пойдём на разведку?

Джейми покачал головой:

— О, нет. Лучше отсюда убираться. Хватит нам уже неприятностей от этой штуки.

— Она может привести к гораздо большим неприятностям, — обеспокоенно сказал Доктор. — Думаю, мне лучше проверить. Открой двери, Зоуи.

На ближайшей картине в резной раме была изображена многолюдная улица города. Зоуи почти не сомневалась, что это настоящая улица, пока не заметила в углах неровности натянутого холста.

— Это компьютерное изображение. Это место гораздо более технологичное, чем кажется на первый взгляд.

— Хм, — Доктор остановился, рассматривая деревянный столик, стоявший в центре холла. — Я бы сказал, Вторая Империя. Вся эта вычурность, роскошь. Декаданс.

— Что за Вторая Империя?

— В далёком от тебя будущем, Зоуи. Великая цивилизация, выросшая из небольшой земной колонии на далёком краю галактики, — он нахмурился и огляделся. — Я даже и не знал, что их технологии дорошли до такого уровня.

Джейми, несмотря на своё нежелание выходить, уже заглядывал за боковую дверь.

— Осторожнее, Джейми, — крикнул ему Доктор.

— Я заметила кое-что странное, Доктор, — сказала Зоуи. — Тут нет окон, — она вздрогнула. Вокруг была полная тишина. — Такое странное ощущение. Мёртвое. Кто мог согласиться здесь жить?

Кья отбросила книгу в сторону и откинулась на удобную мягкую спинку кресла. Она посмотрела на часы. До возвращения осталось всего три часа. Её действия по возвращении на Дэфис были спланированы с точностью почти до минуты. Вначале она выйдет из порта Вихря и подаст официальную жалобу; затем поедет на такси к своим бухгалтерам; пообедает в «Gruyere's» на Уитбороу Стрит, в полном одиночестве; и только тогда навестит детей. Они уже взрослые, но боль разлуки всё равно не давала ей покоя. Она подумала, что по возвращении может даже оказаться, что она уже бабушка! Мысли вертелись в её голове, не давая ей расслабиться.

Она прошла в общий пищеблок, чтобы заказать себе в автомате перекус с кофе, и увидела его. Увидев впервые за несколько месяцев незнакомое лицо, она вздрогнула. Затем быстро взяла себя в руки.

— А вы совсем не торопились! — крикнула она на него. — Связи не было уже семь месяцев.

Он недоверчиво смотрел на неё. От злости Кья едва соображала, но всё-таки заметила, что в появившемся человеке было что-то странное. Он был ещё совсем молодой, не больше двадцати, и хотя сотрудники Агентства были скромны, этот парень, бывший, судя по его виду, техником, смотрел на неё с дружелюбным, но невоспитанным выражением лица, явно плебейским. А самой странной в нём была

одежда. На нём было надето что-то вроде клетчатой юбки. Кйа не понимала привычки низших классов. Обычно она старалась не замечать их.

— Коммуникатор сломался, — продолжила она. — В контракте указано, что для ремонта любой неисправности изоляция в Вихре может быть нарушена. Вы понимаете, каково тут было последние семь месяцев? Кэндол с ума сошёл, бросился в мусоропровод. Брачиннен тоже уже спятил. Лит и Феррикс тоже уже на грани, — слова лились из неё рекой. — Мы отправили сигнал бедствия, — она вдруг заметила, что тычет в него пальцем. — Где вы были?

Он надменно пожал плечами:

— Простите, но я не понимаю, о чём вы говорите.

— Да ну вас к чёрту! — она указала вверх по лестнице. — Когда будете готовы, найдёте нас там. Предоставьте нам выход, и побыстрее.

Она прошла мимо него, предвкушая судебный иск, который она предъявит Агентству. Она обожала судебные тяжбы, а особенно она любила их выигрывать.

Брачиннен пошевелился. Действие снотворного завершалось. Он сел на скомканых простынях своей постели и налитыми кровью глазами оглядел комнату — свою адскую, не изменяющуюся комнату! —

посмотрел на стоявшие на полке часы с позолоченными цифрами. Его суставы болели.

Ещё один шанс. Скоро прибудет Доктор, возможно, уже прибыл.

Он попробовал открыть дверь. Заперто, разумеется. Но Феррикс не знал о запасном ключе.

Лит налил себе виски. Он сидел в гостиной один и изучал своё отражение в зеркале. Потерянный год. Сэкономленные на неуплаченных налогах два миллиарда. Стоило ли оно проведенного здесь года, семь месяцев которого были в изоляции? Последние несколько недель он пытался сохранять спокойствие, и действовал свои навыки руководителя, чтобы успокаивать остальных. Сильный лидер поощряет уважение и уверенность. Проблема была с Кья, которая не упускала ни единого шанса поставить его авторитет под сомнение. Ему казалось, что за её улыбкой прячется торжество, словно она что-то скрывает от него. Это не важно. Даже если она подозревает его в отношении Кэндола, у неё нет доказательств.

Она зашла в гостиную:

— А где Феррикс?

Не оборачиваясь, он ответил:

— С Брачинненом, — он провёл пальцем по волосам. — Мы решили, что лучше запереть

Брачиннена, пока нам выход не откроют. Никто из нас не может ему помочь.

— Давно уже надо было это сделать, — она вынула из лежащей на столе раскрытой пачки сигарету, зажгла её, и вставила в длинный марказитовый мундштук. — Агентство за это ответит. Адвокаты Брачиннена выпотрошат их подчистую.

— Вместе с твоими и моими.

— Точно, — она села. — А когда судебный процесс завершится, сомневаюсь, что после него останется Агентство.

— А вот их оборудование при этом не пострадает. Они, наверное, будут готовы распродать его по смешным ценам.

Покрытые толстым слоем туши ресницы Кийа захлопали, и она струсила пепел с сигареты.

— Ты знаешь, а я об этом не подумала.

Лит сел напротив неё.

— Но ты же всё продумываешь наперёд. Твоя земля в Бриере...

— Была приобретена на законных основаниях, — сказала она, повысив голос. — Твои моральные доводы против моих владений вызваны исключительно злобой и завистью.

Лит старался сохранять спокойствие:

— Ерунда.

— Разве? Отчего же тогда угрызения совести? А самое глупое в этом то, что у тебя самого есть участки в Бриере!

— Рынок вынудил меня приобрести их.

Кий фыркнула.

— О, боже мой! Мы же это уже столько раз проходили.

Спор продолжился дальше.

Доктор подёргал ручку двери в конце лестничной площадки, пожал плечами, и вынул из кармана звуковую отвёртку. Прикладывая её к замку, он сказал Зоуи:

— Хотя этот замок и выглядит обычным, на самом деле он приводится в действие электроникой.

Зоуи рассматривала стоявшую в углу вешалку для шляп. Протянув руку, она сняла висевший там похожий на корону головной убор, украшенный драгоценными камнями и перьями.

— Интересно, что случилось с жившими здесь людьми? Кем бы они ни были, они жили в роскоши. Этим камням, должно быть, цены нет.

Доктор кивнул:

— Верно. Впрочем, я думаю, что тут не так безлюдно, как кажется, — внутренний механизм электронного замка щёлкнул и дверь распахнулась. — Готово.

— Зоуи, Доктор!

Услышав голос Джеймса, они остановились. Он, качая головой, вошёл к ним в другую дверь.

— Я только что кого-то видел. Женщину.

— Значит, тут есть люди, — сказала Зоуи.

— Ну, не обязательно, — сказал Доктор, и на его морщинистом лице появилось беспокойство. У Зоуи сложилось впечатление, что туманность его объяснений была вызвана желанием что-то скрыть. — Джейми, опиши, что именно ты видел.

— Ну, я же сказал — женщину. Скорее даже даму, элегантная такая. Она кричала на меня, о каком-то Агентстве.

Доктор задумчиво постучал пальцем по подбородку.

— И ты уверен, что она видела тебя, и обращалась именно к тебе?

— Конечно, я уверен. Эй! — он взял из рук Зоуи головной убор. — На ней была надета такая же штука.

— Серьёзно? — Доктор посмотрел мимо Зоуи на ТАРДИС и едва заметно покачал головой. — Думаю, нам лучше всё-таки осмотреться, просто на всякий случай. Но вообще мне это место безразлично, — и он шагнул за дверь.

— Ты понимаешь, о чём он говорит? — спросил Джейми у Зоуи.

— Я даже не знаю, понимает ли это он сам, —
ответила она.

Они пошли за Доктором.

Улизнуть от Феррикса было просто, — думал Брачиннен. А улизнуть от сдвига было невозможно. Дважды на своём пути из комнаты он снова оказывался в ней, и ему приходилось начать сначала. Голова болела всё сильнее. Болеутоляющие почти не помогали. Сдвиг был повсюду, и единственный прыжок вперёд или назад мог вернуть острую боль.

Он услышал голос Зоуи — девчачий щебет — а затем сердитый ответ, который мог дать только Джейми. Они рядом. Буквально за хранилищем.

Брачиннен промчался по этажу личных апартаментов, пронёсся через пустое хранилище, заметил сломанный замок дальней двери — жертву особой отвёртки Доктора, и вошёл на этаж восточного крыла.

ТАРДИС не было. На ковре от неё осталась квадратная примятость. Ещё звучало эхо её двигателей. Он снова упустил их. Сдвиг снова победил.

Он упал в слезах и колотил себя кулаками по голове, рыдал, кричал, моля об освобождении, о смерти. Сквозь слёзы он заметил что-то синее.

ТАРДИС стояла рядом с ним. Сдвиг дал сбой, вернул её. Брачиннен встал на дрожащие ноги и начал стучать в дверь. Может быть, это раньше? Может быть, Доктор, Джейми, и Зоуи ещё не вышли? Хриплым голосом он звал их по именам, умолял их о пощаде, закрыл глаза — и снова оказался в постели. Он пошевелился. Действие снотворного завершалось. Он сел на скомканных простынях своей постели, по-прежнему в своей адской, не изменяющейся комнате. Его суставы болели. Он посмотрел на часы с позолоченными цифрами и нашупал в верхнем кармане пижамы запасной ключ.

За дверью была большая тёмная комната. По обе стороны стояли аккуратные ряды сложенных стопками ящиков. Зоуи подошла к ближайшему ящику и рассмотрела его. У него на боку была напечатана строка серийных номеров и логотип корпорации, представлявший собой летящую хищную птицу и циферблат. Джейми тоже подошёл и попытался снять крышку, но уже второй раз за сегодня его силы подвели его.

— Не выходит, Доктор, нужна ваша отвёртка.

— Глупости, Джейми, — Зоуи нажала на кнопку в углу ящика, и крышка легко открылась. Внутри лежали пластиковые пакеты с каким-то порошком. — Это что, пищевой концентрат?

Доктор кивнул и надорвал уголок одного из пакетов. Он подозрительно понюхал содержимое, словно боялся, что оно взорвётся.

— Курятина, — сказал он. — Просто добавь воды.

Зоуи открыла другой ящик — он оказался пустым.

— Этих запасов еды должно хватить на, скажем, восьмерых людей на восемь месяцев. Но кому нужно торчать так долго отрезанным от мира в пространственно-временном Вихре?

— Агентству? — предположил Джейми, облизнул палец, макнул его в пищевой порошок и облизал. — Знаете, а это неплохо. Получше вашей машины для пищи, а, Доктор?

— Агентство, — Доктор указал на логотип на ящиках. — Эта дама, которую ты видел, Джейми. Говоришь, она на тебя кричала?

— Ага. Она сказала, что уже семь месяцев, как сломался коммуникатор, и почему так долго пришлось ждать, что-то такое. Сказала, что кто-то сходит с ума, а кто-то умер.

— В самом деле? Что же, пожалуй, это не удивительно.

— Доктор, если вы что-то об этом знаете, то нечестно скрывать это от нас.

Внимание Зоуи привлекло нечто, похожее на старомодный бумажный журнал. Оно лежало на крышке одного из ящиков. Она взяла его в руки и

быстро перелистала, запоминая каждую страницу. Её способность запоминать большие объёмы данных на невообразимых скоростях была последствием её тренировок в школе парапсихологии на Земле. Некоторые из её коллег с «Колеса» не одобряли методы этой школы, и иногда Зоуи казалось, что продолжительные сессии электростимуляции мозга что-то в ней повредили.

— Доктор, Джейми! Кажется, я знаю ответы на ваши вопросы, — она показала журнал. — Это брошюра Агентства.

Доктор взял брошюру и изучил первые страницы.

— О боже! Это именно такие глупости, которых я и боялся.

Зоуи кивнула:

— Это не очень безопасно, да?

— Кто-нибудь может мне объяснить, в чём дело?

— спросил Джейми. — Я не дурак, но не возражал бы, если бы время от времени мне что-то сообщали.

— Это что-то вроде гостиницы, Джейми, — сказал Доктор. — Отель-люкс для очень богатых людей, которые хотят провести год вдали от дома, в пространственно-временном вихре.

Джейми почесал затылок:

— Но зачем? Тут же так уныло.

— Они с земной колонии на планете Дэфис 49, — терпеливо объяснила Зоуи. — Законодательство

Дэфиса позволяет не платить налоги гражданам, которые двенадцать месяцев были за пределами юрисдикции. До того, как этот закон стал более строгим, они могли провести год в космосе, или просто за пределами влияния этой планеты.

— Но теперь, — перехватил рассказ Доктор, читая из брошюры, — «можно избежать выплаты налогов только проводя год в отсрочке в пространственно-временном вихре. В нашем роскошном семизвёздочном авто-отеле», — он захлопнул брошюру и озабоченно потёр бровь. — Похоже, они придумали способ попасть в пространственно-временной вихрь, но перемещаться в нём не умеют.

Он осмотрел комнату.

— Этот их отель — стабильная зона в вихре, которая защищена экранами, похожими на экраны ТАРДИС, но гораздо хуже.

— Если это хуже, чем ТАРДИС, — проворчал Джейми, взявшись пальцами за пояс, — но лучше нам отсюда убраться, и как можно быстрее.

Но Доктор уже работал звуковой отвёрткой над дальней дверью.

— Если хотите, можете оба вернуться в ТАРДИС. Но я должен кого-нибудь тут найти и объяснить им, что это опасно. Если будет нужно, я закрою всё это собственными руками. Баловство с Вихрем до добра не доведёт.

— Хорошо, — сказал Джейми и развернулся.

Зоуи схватила его за руку:

— Ну что за глупости? Конечно, мы пойдём с вами, Доктор.

Лит не отрывал глаз от книги, подавляя в себе соблазн посмотреть на часы. Каждая страница давалась ему с трудом, так как его мысли постоянно возвращались ко времени, оценивая, как долго осталось ждать до открытия выхода. Он соскучился по толпам людей на Уитбороу Стрит, по запахам с рынка, которые разносились поверх зубчатых крыш элитного квартала, по звукам множества шагов, по крикам торговцев. Всего через пару часов он будет там, вдали от Кийа и её мелочности, вдали от Феррикса и его нервозности, вдали от слоняющегося по коридорам Брачиннена. Вдали от воспоминаний о том, что он сделал с Кэндолом. Будет наслаждаться, вдыхая естественный воздух, будет чувствовать прохладный ветер, дующий ему в лицо, будет есть еду, приготовленную человеческими руками. Он никогда больше не будет воспринимать удовольствия как что-то само собой разумеющееся. На Дэфисе сейчас должна быть зима. Возможно, даже снег выпал, а на городской площади дети катаются на коньках.

Сидевший напротив него Феррикс сменил позу в кресле, а затем встал. Он подошёл к двери и прижал ухо к дверной коробке.

— Я слышу голоса со стороны лестницы.

— Наверное, это Кья меня ругает, — чтобы продемонстрировать самообладание, Лит перевернул ещё не прочитанную страницу.

— Нет, голоса незнакомые, — лысая голова Феррикса блестела от пота. — Мужчины, двое. Должно быть, это из Агентства: мистер Иллифант со своим подчинённым. Они прибыли!

Лит прислушался.

— Похоже, что да, — он отложил книгу в сторону.

— Ну, вот. Я же говорил, что нет причин для беспокойства. Выход открыт, мы отправляемся домой. А теперь, ради бога, сядь на место. Не показывай им, что ты волнуешься.

Впервые за многие месяцы Феррикс улыбнулся.

— Ты прав, — он вернулся в кресло. — Хотя я почувствую себя в безопасности только после того, как окажусь на Дэфисе. Вернусь в свой клуб. Они сохранили за мной председательство.

Голоса стали громче, и дверь открылась.

Увидев зашедших, Лит вскочил на ноги. Кто бы это ни был, они были не из Агентства. Первым зашёл невысокий человек, одетый в потрёпанный и грязный чёрный пиджак немодного покроя и в мешковатые

брюки в клеточку. Его лицо было покрыто глубокими морщинами, в нём чувствовался авторитет. У Лита возникло такое чувство, будто перед ним была маленькая судьба, будто этот неряшливый человечек был кем-то очень важным. Второй человек был совершенно другим. Это был парень, одетый в какую-то первобытную племенную юбку.

— Хм, здравствуйте, — сказал невысокий мужчина и нерешительно помахал рукой.

Феррикс хлопнул ладонью по столу. Он говорил твёрдо, к нему вернулась та уверенность в себе, благодаря которой он построил свою империю кофеинового производства.

— Наконец-то! И чем вы занимались эти семь месяцев? Вы понимаете, что будете нести за это ответственность?

Паренёкзывающе шагнул вперёд:

— Слушайте, мне уже надоели эти оскорблении, — сказал он с сильным акцентом. — Мы вам не из какого не из Агентства.

— Что?

Невысокий мужчина кивнул:

— Да, боюсь, что Джейми прав. Вы неправильно поняли. Мы не из Агентства.

Лит инстинктивно почувствовал, что это правда.

— Тогда как же вы сюда попали? И кто вы такие?

Невысокий незнакомец вежливо протянул руку:

— Я Доктор, а мой юный друг — Джейми. Мы путешествуем в пространственно-временном вихре, — он улыбнулся. — Вы знаете, я почти рад, что встретился с теми, кому эта фраза понятна. Да, в общем, мы пролетали мимо и решили взглянуть на ваш... — его глаза бегали по комнате, не упуская ни единой детали, — дом. А вы тут очень неплохо устроились, правда?

Он взял со стола фрукт и понюхал его.

Феррикс снова опустился в кресло, его лицо стало белым, как простыня. Лит почувствовал, что его тоже охватывает паника.

— Да как, во имя Бога, вы сюда попали? Нам сказали, что это место защищено.

— Я за это прикончу Агентство, — сказал Феррикс. — Какая некомпетентность...

— У меня есть собственный корабль, — ответил Доктор, надкусывая яблоко. — Возможно, ваша защита не так хороша, как вам казалось.

Паренёк Джейми добавил:

— Мы только что прибыли, в ТАРДИС. Одна будка внутри другой.

Лит не знал, что и думать, но его деловая хватка взяла верх.

— Безопасность этого места нам гарантировали, — он постучал пальцем по наручным часам. — Мы возвращаемся на Дэфис через час. Я хотел бы, чтобы

вы пошли со мной. Учёным на моих фабриках будет очень интересен ваш корабль. Я предложу вам за него хорошую цену.

— Поверить не могу, — Феррикс опустил голову на руки. — К нам кто-то проник, просто взяли и зашли, а ты о деньгах думаешь, — он встал и начал, заламывая руки, ходить по гостиной. — Скорее бы уже открыли выход и выпустили меня из этого дурдома. Мне нужно вернуться на Дэфис, — он посмотрел на Лита, затем на незнакомцев, и проворчал: — Я не удивлюсь, если это окажется какой-то заговор.

— Это не заговор, — твёрдо сказал Доктор. Он повернулся к Литу: — Спасибо за предложение, но я боюсь, что ТАРДИС не продаётся. И я не уверен, что кто-нибудь из вас действительно вернётся на Дэфис.

— Что вы имеете в виду?

Не успел Доктор ответить, как вошла Кья. При виде незнакомцев она замерла, а потом натянуто улыбнулась:

— А, вы всё-таки явились, — она осмотрела одежду прибывших и их общую растрёпанность. — Боже, стандарты Агентства понизились.

Джейми вздохнул:

— Слушайте, я же вам уже говорил, мы не из Агентства.

— Ничего вы мне не говорили. Я вас первый раз вижу, — она повернулась к Литу: — Ты нас не представишь?

— Но я же говорил с вами! — настаивал Джейми.

— Не было ничего такого, — раздражённо ответила Кийа.

Как только Доктор и Джейми зашли в комнату наверху и увидели в ней людей, Доктор подал Зоуи знак, чтобы она не показывалась. Несколько секунд она слушала, что происходит за дверью, а затем услышала, что по ковровой дорожке лестницы кто-то спускается. Быстро подумав, она спряталась позади бюста с крючковатым носом и увидела, что мимо неё с важным видом прошла женщина — явно та самая, с которой внизу столкнулся Джейми. Зоуи пряталась до тех пор, пока женщина не зашла в комнату, а затем решила вернуться в ТАРДИС и ждать Доктора и Джейми там. Так будет безопасней.

Одно из последствий улучшения памяти, которым Зоуи дорожила, была способность хорошо ориентироваться. С четырёхлетнего возраста её память закаляли в ежедневных тестах, в которых она преуспевала. Когда она выросла, она стала немного стесняться демонстрировать свои способности; люди чувствовали себя не в своей тарелке, когда она их всё время поправляла. Если рассуждать логически, это

было бессмысленно. Любой ресурс нужно ценить. Но в Зоуи осталось достаточно человеческого, чтобы она понимала, что её попытки помочь могут быть поняты неправильно, а с тех пор, как она начала путешествовать в ТАРДИС, она стала меньше переживать об этом. И Доктор, и Джейми, постоянно безнадёжно сбивались с пути, и её способность вспомнить откуда они пришли была очень кстати.

С полной уверенностью в себе Зоуи тихо спустилась по лестнице, свернула за угол, прошла по залу, вошла в дверь хранилища, и...

Хранилища там не было.

Она не ошиблась, она не могла ошибиться. Дверь в конце зала, в который спускалась лестница, вела в хранилище, за которым была ещё одна лестница, которая вела к ТАРДИС. Всё очень просто, она не могла ошибиться и свернуть не туда. Но теперь за дверью вместо хранилища была другая, незнакомая комната, которая была гораздо темнее и меньше остальных. Хотя она была обставлена всё в том же роскошном стиле, она казалась более старой и менее посещаемой. Зоуи почувствовала себя тут лишней, как будто бы это была комната, в которой жил невидимый человек. Её глаза обеспокоенно бегали по сторонам, она вглядывалась во все тёмные углы, осмотрела дверь, через которую зашла — она была не такая, как та, которую она толкнула со стороны зала. Вздрогнув,

она выругала себя за такое нелогичное поведение. Всё можно объяснить рационально. Быть может, тут есть механизм, который меняет комнаты? Это бы всё объяснило, в том числе и возникшую тошноту. И, конечно же, никого тут не было. И не могло быть. Она была одна.

Одна в тёмной, серой, тихой комнате. Наверное, никогда раньше не было такой тишины, такой плотной и неподвижной.

Когда раздался звук, она дёрнулась. Звук был высокий; он доносился издалека, из-за нескольких дверей, но наверняка с этого этажа. В этом звуке было что-то тревожное, что-то отчаянное, испуганное. Это был крик, который повторялся снова и снова, призрачный голос ребёнка, кричавшего ребёнка. Слова разобрать не удавалось. Голос казался знакомым, в нём было что-то знакомое, но искажённое.

Она ахнула.

Это был её собственный голос, он отчаянно кричал:

— Доктор! Джейми! Доктор, Джейми, помогите!

Она была в ужасе, во рту у неё пересохло, желудок готов был вывернуться наружу. Зоуи распахнула дверь и выбежала из маленькой тёмной серой комнаты. Снаружи тоже было незнакомое помещение: узкий серый тоннель с металлическими стенами. Там была почти кромешная тьма. Она развернулась, чтобы уйти,

вернуться в предыдущую комнату, но дверь пропала, растворилась во мраке, и руки Зоуи беспомощно хватали пустое пространство.

Снова тишина. Голос — её голос — перестал звать. Она вздрогнула и потёрла голые руки, почувствовав, что они покрылись гусиной кожей. Её начала охватывать паника — наименее полезное в такой ситуации чувство. Она заставила себя сделать несколько глубоких вдохов и опёрлась на ближайшую стену. Не было смысла переживать. Должен был быть какой-то ответ.

Стена под её ладонью вибрировала. Значит, за этой стеной находятся какие-то механизмы. Когда её глаза привыкли к темноте, Зоуи начала медленно смещаться вперёд, прощупывая перед собой ногой каждый шаг. Она зацепила обо что-то ногой. Присела и протянула руку, ощупывая свою находку. Там было что-то мягкое, какие-то пряди. Может быть, ковёр?

Кончики её пальцев задели что-то холодное и круглое. Удары её сердца отдавались в голове.

«Холодное и круглое» было ухом.

Она взвизгнула и вскочила. Спустя несколько секунд она смогла успокоиться. Её любопытство снова взяло верх; она присела и взяла в руки голову. Щетина, челюсти, слабый запах алкоголя. Вокруг носа запёкшаяся кровь, на затылке шишка размером с

кулак. Убит всего несколько минут назад, — подумала она.

А где же тогда убийца?

Словно в ответ на её мысли, из темноты донеслись шаги. Зоуи быстро отошла оттуда, благодаря судьбу за то, что на ней были лёгкие туфли с мягкой подошвой.

Шаги приближались, становились громче. У идущего человека не было намерения прятаться.

Зоуи поискала позади себя какой-нибудь выход. Выхода не было. Впереди появился свет, шаги остановились.

Свет фонаря, который держал в руке мужчина, выхватил из темноты его лицо: карие глаза, проницательный взгляд, крупный нос, седеющие волосы. Бурча себе под нос, как это делают те, кто считает, что их никто не слышит, он поставил фонарь на полке и подхватил руками труп. Он развернул безжизненное тело так, чтобы отвратительно раскачивающаяся голова была напротив стены. На стене автоматически раздвинулись двери, и Зоуи услышала шум механизмов. Какой-то скрежет и хруст. Модуль переработки мусора.

Он поднял безвольное тело и втолкнул его вовнутрь. На мгновение в свете фонаря сверкнули невидящие глаза, а затем тело скрылось из виду. На несколько секунд скрежет и хруст усилились, а затем вернулись на прежнюю громкость.

Услышав это, убийца одобрительно проворчал и тихо сказал:

— Не получить тебе этой аренды, Кэндол.

Он взял в руку фонарь, и вытер капли пота, блестевшие у него под носом. Затем он пошёл вперёд.

Прямо к Зоуи.

Она вжалась в стену и закрыла глаза, слушая, как приближается размеренный стук его ботинок по полу, каждый удар словно новый гвоздь в крышку её гроба, и пожелала, чтобы она была в другом месте; в любом другом, лишь бы не здесь...

Шаги неожиданно остановились. Нет, — подумала Зоуи, — произошло что-то другое. Звуки шагов исчезли, их звук резко прекратился, словно кто-то нажал паузу на проигрывателе музыки. В тот же миг она, несмотря на сомкнутые веки, увидела, что изменилось освещение.

Она раскрыла глаза и увидела, что она снова в маленькой серой комнате, прижалась к двери. И она была одна. В отчаянии, она развернулась и потянула за ручку двери.

Дверь была заперта.

Её внезапно охватило тошнота, к горлу подступила рвота. Голова закружилась, её пронзила боль, словно между глазами воткнули нож. Колени у неё задрожали. Теряя самообладание, она начала плакать и стучать

руками и ногами по двери, как наказанный ребёнок, которого заперли в его комнате.

— Доктор! Джейми! Доктор, Джейми, помогите!

Джейми не испытывал тёплых чувств к этим напудренным, напомаженным тунеядцам, проживавшим в этом отеле. У них были ухоженные белые руки и большие животы. Его забавляло недоумение, с которым они смотрели на скачущего вокруг Доктора, нахмурившего в свойственной ему манере брови.

— А теперь мне очень нужно посмотреть на механизмы, которыми вы воспользовались, чтобы попасть сюда, — сказал он, обращаясь к встревоженным аристократам. — Кто из вас техник?

Наступила тишина; трое щёголей обменивались непонимающими взглядами. Доктор прикусил верхнюю губу.

— Среди вас есть техник?

— Он не нужен, — говорил мужчина постарше, тот, у которого были седеющие волосы и проницательные тёмные глаза. Джейми вспомнил, что мужчину звали Лит. — Агентство не предоставило техника.

— Всё оборудование было проверено перед тем, как нас отправили сюда, — сказала женщина, Кяя.

— А где я могу найти ваш модуль управления?

Тroe незнакомцев этого не знали. Мужчина помоложе — Феррикс — до этого нервно вертевший в руке стопку, внезапно встал.

— Какого чёрта тут происходит? Вы так до сих пор и не объяснили кто вы такие!

— Сядь, Феррикс, — сказала Кый, закуривая новую сигарету. — Не выставляй себя идиотом, — она улыбнулась Доктору: — Мы ничего не знаем о техническом устройстве этого места. Этим занимается Агентство. Платим мы им за это достаточно.

Феррикс сел и опустил свою дрожащую лысую голову на руки.

— Ну что же. Если вы мне позволите, возможно, я смогу помочь, — Доктор вынул звуковую отвёртку и начал что-то делать с переключателями на ней.

Джайми подошёл ближе.

— И что сделает ваша штучка?

Доктор улыбнулся и шёпотом сказал:

— Я настроил её, чтобы она нашла машины, которыедерживают это жилище в Вихре. Итак, — он включил своё устройство, вытянул руку, которой держал его, и медленно обернулся вокруг своей оси, словно осматривая комнату.

Когда отвёртка проходила мимо Лита, частота звуковых колебаний стала выше.

— А, — Доктор подошёл к Литу. — Вы не могли бы встать?

Лит проворчал:

— Не думаю, что от этого что-то изменится.

Он встал, и Джейми отодвинул его кресло. Феррикс взял его под локоть.

— Лит, мы не знаем, кто это такие, им нельзя доверять!

Лит высвободил руку.

Доктор изучал то место на стене, на которое ему указала звуковая отвёртка.

— Жаль, но придётся испортить ваши обои, — сказал он. Он протянул руку: — Джейми, не одолжишь свой кинжал?

Джейми подал ему нож и смотрел, как Доктор нацарапал на стене прямоугольник и отодрал вырезанный кусок обоев, под которым сверкала какая-то электрическая ерунда. Она выглядела ещё запутаннее, чем внутренности ТАРДИС; некоторое количество проводов было обёрнуто вокруг стеклянной сферы. Раз в несколько секунд в сфере вспыхивал белый свет, и при этом раздавался булькающий звук.

Доктор изменился в лице.

— О, боже мой, — он цокал языком и качал головой. — Это ж надо.

— Вы не могли бы объяснить, что вы делаете? — спросил Феррикс.

Доктор ткнул пальцем в комок проводов.

— Это очень плохо, очень, очень плохо. Комбинация грубой технологии коридора во времени и теории интерфейсов, — он оглядел комнату. — И мы все понимаем, что из этого следует.

— Эта система абсолютно безопасна. Я уже дважды бывала в отсрочке, — Кийа продолжала сидеть, не проявляя никакого волнения. — Единственная наша проблема — поломка коммуникатора.

Доктор подошёл к доминировавшему в комнате большому зеркалу, висевшему над камином.

— Вот это ваш коммуникатор, если я правильно понимаю?

Лит кивнул:

— Первые пять месяцев он прекрасно работал. А затем, вдруг — ничего. Мы ждали, что кто-нибудь прибудет отремонтировать его. Но никто не прибыл.

С удивительной лёгкостью Доктор снял зеркало со стены. За ним был ещё один ящик с электроникой. В центре ящика мигал зелёный огонёк.

— Никто не прибыл его ремонтировать, потому что он находится в рабочем состоянии.

Вперёд шагнул Феррикс:

— Что вы такое говорите?

Доктор спокойно посмотрел на него:

— Связь была прервана извне.

— Нет, это невозможно! — Феррикс тряс Доктора за плечи. — Это невозможно!

Вот это Джейми было понятно. Он бросился вперёд и оттащил Феррикса.

— Оставьте Доктора в покое! — швырнул он Феррикса обратно в кресло.

— Зачем Агентству прерывать контакт? — спросила Кья. — Это бессмысленно. Разве что на Дэфисе произошла какая-то катастрофа.

— Я так не думаю, — Доктор вернулся к осмотру модуля управления. — Думаю, ответ мы найдём тут.

Он протянул руку и аккуратно ощупал поверхность сферы. Его лицо помрачнело, и он закрыл глаза. Джейми показалось, что на секунду на лице Доктора промелькнул сильный страх. Не успел Джейми ничего сказать, как извне донёсся голос.

Зоуи звала его на помощь. Судя по голосу, она была в ужасе. Джейми побежал к дверям.

Обессилен, Зоуи рухнула на пол в углу серой комнаты. Её горло уже охрипло от крика. Она опустила лоб на колени и попыталась переосмыслить непонятную последовательность событий, произошедших в последние несколько минут. В них не было никакой закономерности, не было никакой логики.

Она услышала приближавшиеся к ней мужские голоса и подняла голову.

Серая комната пропала (или это она сама пропала), она снова была в узком металлическом тоннеле рядом с мусоропроводом. В конце тоннеля были огни двух фонариков. Фонарики были у двух мужчин, спускавшихся по спиральной лестнице. Один из них — тот, который шёл первым — помимо фонаря нёс ещё мешок с мусором. Это был жизнерадостный, улыбчивый мужчина, одетый так же изысканно, как и остальные, но в его лице с тяжёлой скулой было что-то привлекательное. Зоуи сразу узнала в нём мертвеца, которого на её глазах несколько минут назад сбросили в мусоропровод.

А с ним шёл его убийца.

— И я говорю: «Кыйа, я выиграл», — говорил мертвец. — «С этим нельзя спорить. Просто в этой игре я выиграл». Она побагровела. Я думал, что она в обморок упадёт!

Он подошёл ближе, почти к Зоуи, и выбросил мусор в мусоропровод.

Примерно две секунды лезвия со скрежетом громко чавкали. Зоуи скривилась, вспомнив, что будет дальше.

Убийца подошёл ближе и убрал фонарь. В другой руке у него была дубинка.

— Она говорит: «Кэндол, ты же понимаешь, что это ничья?». А я говорю: «Как такое может быть, если очков я набрал больше?»

Убийца взвесил в руке дубинку, под носом у него выступили капли пота. Он приготовился бить.

Зоуи бросилась вперёд.

— Берегись! — взвизгнула она.

Мертвец, Кэндол, поднял взгляд и увидел её.

Его убийца выронил дубинку.

Зоуи попятилась назад.

У Джейми было такое чувство, словно его ударили в живот. Когда он побежал к двери, отчаянно стремясь на помощь Зоуи, его что-то толкнуло обратно и сжало его внутренности. Превозмогая боль, он посмотрел на Доктора и увидел, что тот сложился пополам и упал. Ударившись носом об ковёр, Джейми остатками сознания отметил, что на остальных четырех людей в комнате это никак не действовало.

Четверых?

Да, четверых. Лит, Феррикс, Кья, и...

И?

Четвёртый — жизнерадостного вида мужчина с тяжёлой челюстью — смотрел на него, нахмурившись.

Когда боль начала отступать, Джейми почувствовал, что Доктор тянет его за плечо. Он открыл один глаз и сквозь слёзы увидел мятый бумажный пакет.

— Съешь одну, — услышал он голос Доктора.

Джейми запустил руку в пакет и вынул оттуда одну из полосатых карамелек Доктора. Не тратя время на вопросы, он положил её в рот и пососал. У него в ушах щёлкнуло, и ему стало намного лучше.

Доктор подмигнул ему и спрятал пакетик.

— Очень хорошо помогает от побочных эффектов утечки времени, — он отряхнулся, встал на ноги, помог встать Джейми. — Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно, — простонал Джейми.

— Хорошо, хорошо. Итак, — он указал на четвёртого. — Кто вы такой?

— Я Кэндол, — сказал новый мужчина, удивлённо пожимая плечами. — Так вы объясните, что происходит, Доктор? Или будете только по полу кататься?

Джейми раздражало, что этот Кэндол вёл себя так, словно это они с Доктором появились тут непонятно как. Он похлопал Кэндола по плечу:

— А вы не могли бы вначале объяснить, откуда вы тут вдруг взялись?

— В конце концов, — тихо сказал Доктор, так, что слышно было только Джейми, — вы ведь должны были быть мёртвым.

— Это уже просто смешно, — Феррикс подошёл к камину, где стояли Лит и Кийа, и указал на Доктора. — Вы что, не видите, что этот человек — какой-то самозванец, враг?

Лит толстым пальцем указал на Доктора:

— Доктор! Вы что-то хотели рассказать.

Доктор тоже поднял палец:

— Прежде всего, можно мне задать вопрос?

Думаю, можно. Давно ли Кэндол, — он указал на нового мужчину, — стоит в этой комнате?

— Кто бы вы ни были, вы просто псих, — сказала Кийя.

— Ну? Ответьте Доктору, — сказал Джейми.

— Он был тут всё время, с тех самых пор, как вы зашли, — Феррикс, казалось, был готов расплакаться.

— Последний раз прошу, кто-нибудь, сделайте что-нибудь с эти...

Внезапно вернулась боль, и Джейми упал, сбитый, как ему показалось, штормовым ветром. Он почувствовал, что Доктор схватил его за руку.

— Держись, Джейми! Держись!

Брачиннен промчался через кухни, ворвался на верхний этаж, широко раскрыв глаза и не мигая, чтобы не дать сдвигу времени сделать своё дело. ТАРДИС не было, но на лестничной площадке он был не один. Возле древнего шкафа, прижав ноги к подбородку, сидела Зоуи.

Он позвал её по имени и подбежал.

Она тут же встала и попятилась, широко раскрыв голубые глаза.

— Кто вы? Откуда вы меня знаете?

Чёрт, она не в той фазе. Не важно. Значение имеет только ТАРДИС — его спасение, его выход отсюда. Он схватил её за плечи и повернул к квадратному отпечатку на ковре:

— Она улетела? ТАРДИС, вы видели, как она улетала?

Уже знакомым ему обманчиво нежным движением локтя она оттолкнула его, и он упал на пол.

— Кто вам рассказал о ТАРДИС?

Брачиннен глядел в потолок, на люстру. Его глаза наполнились слезами. Всё повторяется. Ну, сколько можно? Он хотел, чтобы что-нибудь прекратило сдвиг, что угодно, лишь бы не это.

— Вы, — прошептал он. — Вы рассказали, Зоуи.

Он почувствовал сдвиг.

Открыв глаза, он увидел, что снова лежит в своей постели. Феррикс, качая головой, закрывал дверь.

— Отдохни немного. Ещё несколько часов и мы будем дома.

Дверь закрылась, и Брачиннен услышал поворот ключа в замке.

Он закричал.

Джейми тряхнул головой, чтобы прояснить мысли. Он медленно приходил в себя, вертящаяся вокруг него гостиная снова остановилась. В гостиной были только

он и Доктор. Доктор стоял возле того места на стене, которое он вскрывал.

Стена снова была целой. От расследования Доктора не осталось ни единого следа. На полосатых обоях не было ни царапинки.

— Джейми, можно одолжить твой кинжал?

— Что? Я же уже дал вам его, Доктор.

— Боюсь, что нет.

— Да, я дал вам его, когда вы... — Джейми опустил взгляд на свой носок и увидел торчавший из него кинжал. — Эй, я дал его вам когда вы... — он указал на стену. — Что тут происходит? Мы что, вернулись в прошлое?

— Если бы всё было так просто, Джейми.

Доктор взял кинжал и вырезал на стене точно такой же квадрат, как и раньше. Отодрав обои, он снова раскрыл модуль управления.

— Вот в чём всё дело.

Джейми встал, почесал голову, которая сильно болела, и попытался осмотреться. На столе, стоявшем в центре гостиной, была бутылка виски, из которой пил Лит. Она была почти полная. Джейми посмотрел на часы над камином. Они показывали на четыре часа меньше.

Из путаницы проводов, окружающей модуль управления, Доктор вынул гладкую серебристую коробочку и сдул с неё осевшую на ней пыль.

— Это устройство, которое управляет экранами, которые защищают это помещение от ветров времени, — он поднёс коробочку к уху Джейми и встряхнул. Внутри что-то громко тарахтело. — В ней кто-то поковырялся. Живущие здесь люди остались без защиты от Вихря, — он вздрогнул. — Ужасно, ужасно. Нужно немедленно убираться отсюда. Быстро, бегом в ТАРДИС! — и он поспешил прочь из гостиной.

Джейми пошёл за ним, но у двери оглянулся, пытаясь найти решение этой загадки и понять чего боится Доктор. В гостиной снова были люди.

Новый мужчина — Кэндол — сидел напротив Кйа, играй с ней в какую-то настольную игру. Они оба были одеты не так, как раньше. Между ними были рассыпаны фишкы.

— Говорю тебе, это ничья, — спокойно говорила Кйа.

— Дорогая, у меня фишек больше, чем у тебя. Какая же это ничья? — с улыбкой возражал Кэндол.

Джейми посмотрел за них. Модуль управления снова был скрыт обоями. Он посмотрел вниз. Кинжал снова был в его носке.

Пока Кэндол и Кйа его не заметили, он поспешил за Доктором.

Увидев появившихся в холле Доктора и Джейми, Зоуи не могла скрыть своей радости. Она подбежала к Доктору и уткнулась лицом в его плечо.

— Доктор, я думала, что вы улетели, а меня бросили тут!

Он неловко похлопал её по спине:

— Ну, что ты, дорогая. Разве я мог бы такое сделать?

Она указала назад:

— Доктор, там мужчина, псих какой-то. А я нашла труп, а потом он ожил. И ТАРДИС. Она улетела.

— Тебе померещилось, девица, — сказал Джейми.

Когда она оторвала своё заплаканное лицо от воротника Доктора, то с удивлением и облегчением увидела, что Джейми был прав. Синяя полицейская будка снова стояла в конце холла. Джейми положил руку на её стенку.

— Думаю, будет лучше, если мы улетим отсюда.

Зоуи снова повернулась к Доктору.

— Но, Доктор, её же только что там не было, — она взялась рукой за голову. — Кажется, я схожу с ума.

— Ни капельки, — Доктор приподнял её подбородок. — В этот раз я согласен с Джейми. Пора нам покинуть это ужасное место. Оно явно не из тех, где хотелось бы задержаться подольше, — он взял её

за руку и повёл к двери ТАРДИС, вслед за Джейми, который был уже внутри.

У Зоуи было такое чувство, словно от радости ноги её не слушаются, но она собралась с силами и шла.

— Нет! Не бросайте меня!

Мужчина, которого она видела раньше, спотыкаясь, шёл к ним от конца лестничной площадки. У него был растрёпанный вид, волосы взъерошены, безумные глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит.

— Доктор, пожалуйста!

— Откуда он нас знает? — спросила Зоуи Доктора.
— Я с ним не знакома.

— Сейчас познакомишься, — Доктор медленно пошёл вперёд.

Его глаза прищурились, на озабоченном лице складки стали глубже. Он пожал руку незнакомца.

— Мистер?..

— Брачиннен, — мужчина не отпускал его руку. — Пожалуйста, Доктор, возьмите меня с собой. Я должен выбраться отсюда. Они считают меня сумасшедшим. Они меня заперли, — он начал всхлипывать. — Но я вижу, Доктор. Я вижу это, как и вы. Время, которое бежит вокруг нас, врывается, всё меняет, двигает нас туда-сюда, расползается вокруг, как зараза.

Зоуи шагнула ближе.

— Я тоже это вижу Доктор.

— Разумеется. Ты, я, и Джейми — мы все чувствуем последствия ветров времени. Мы ведь часто путешествуем во времени, и ТАРДИС предоставляет нам некоторую степень защиты. Можно сказать, что мы в каком-то смысле существуем вне времени, — он снова повернулся к незнакомцу: — Некоторые люди, как мистер Брачиннен, от природы чувствительны ко времени. Но все остальные местные слишком сильно вовлечены в эффект, чтобы замечать его.

Зоуи заметила, что он медленно пятится к двери ТАРДИС.

Брачиннен прыгнул вперёд.

— Пожалуйста, Доктор. Я уже видел, как вы улетаете. У вас есть выход отсюда.

— Только для меня и моих спутников, — грустно покачал головой Доктор. — Вы и ваши коллеги решили пожить в Вихре. Кто-то из ваших врагов повредил модуль управления и удалил вашу защиту от ветров времени. Кто-то не хотел, чтобы один из вас — или вы все — вернулся. Агентство, должно быть, поняло, что произошло, и бросило вас. В конце концов, у них не было возможности вернуть вас после того как это устройство, — он указал руками на всё окружение, — было повреждено.

Зоуи еле держалась на ногах.

— Это ужасно. Все эти люди здесь навеки затерялись во времени?

— Слово «навеки» не годится в этом случае. В Вихре время ничего не значит.

Зоуи посмотрела на плачущего незнакомца, упавшего перед ними на колени.

— Тогда мы должны спасти хотя бы этого человека.

— Это невозможно, Зоуи. Ветры времени поглотят и его и всех остальных, — он понизил голос до шёпота. — Они всего лишь тени. Если мы возьмём его с собой в ТАРДИС, он просто рассыплется в прах. И это ничего не изменит, потому что он теперь часть этого места. До тех пор, пока не наступит конец Вихрю, если он когда-нибудь наступит.

Брачиннен стонал, вцепившись в ковёр. Он бормотал:

— Нет, нет... Я так долго пытался добраться до вас, добраться сюда, поговорить с вами... Вы не можете меня бросить!

Доктор аккуратно затолкал Зоуи обратно в ТАРДИС. Двери за ней закрылись, обрезав измученные крики Брачиннена.

Как только ТАРДИС снова отправилась в полёт, Доктор с обеспокоенным видом ушёл из отсека управления.

ТАРДИС материализовалась на девственно чистом песчаном пляже под высокими утёсами. На

безоблачном небе сияло солнце, и в его свете море просматривалось до самого горизонта. Сквозь солнцезащитные очки Зоуи увидела, как среди блестящих волн сверкнула выпрыгнувшая рыба, недалеко от того места, где на найденном Доктором в глубинах ТАРДИС надувном матрасе дремал Джейми. Приятно было оказаться на открытом воздухе. Она зевнула и вернула рукой чёлку обратно на лоб. Загорать, конечно, хорошо, но её уму было скучно. Её мысли вернулись к последним событиям. Она хотела спросить кое о чём у Доктора. Быть может, сейчас подходящее время?

— Доктор? — она нагнулась над ямой шириной в метр, которую он вырыл в песке за последние два дня.
— Я хотела у вас кое-что спросить.

Он посмотрел на неё, и в его солнцезащитных очках отразились небо и её лицо. Его брюки были закатаны до колен, он стоял по щиколотку в воде. Тряхнув пластиковым ведёрком с лопаткой, он сказал:

— Посмотри. Потрясающие находки! — он помахал ей жёлтой костью, рассчитывая, что её это впечатлит. — Только подумай, когда-то здесь разгуливали шерстистые мамонты. Поразительно!

Она не позволила ему отвлечь себя.

— Джейми сказал мне, что в гостиной внезапно появился Кэндол. Наверное, это случилось из-за того, что я его спасла.

Доктор отвернулся и снова начал копать.

— Вы разве не понимаете, Доктор? Что-то изменилось. Я что-то изменила. Это означает, что мы были такой же частью утечки времени, как и остальные.

Красной пластиковой лопаткой Доктор зачерпнул на дне ямы песок.

— Знаешь, Зоуи, теория времени никогда не была моим коньком. И Вихрь нарушает так много законов физики, что лучше об этом сильно не задумываться, иначе только ещё сильнее запутаешься. Просто радуйся, что ТАРДИС технически сильно превосходит ту систему, которой пользовались Брачиннен и компания.

— Да, мы улетели. Но ведь если мы там были, были его частью, частью этого парадокса, то время, которое мы там провели, должно по-прежнему оставаться частью этого парадокса. Ведь Брачиннен нас узнал, он уже видел нас раньше.

Внезапно Доктор вскрикнул и схватился за босую ступню:

— О, нет! О, боже!

— Доктор, что случилось?

— Кажется, меня ужалили. Дохлая медуза, или ещё что-нибудь, — скривившись, он тёр пальцы на ноге. — А не пора ли нам отсюда улетать, а?

Он начал вылезать из ямы, и Зоуи поняла, что ответ на свой вопрос она не получит. Быть может, Доктор не хотел тревожить её, подтверждая её страхи. Её страхи о том, что где-то, когда-то, они всё ещё были там. Всегда были и всегда будут. От этих мыслей у неё разболелась голова.

Она помахала Джейми рукой и, когда он её заметил, указала вдоль пляжа туда, где Доктор, держа в одной руке ботинки, другой отпирал дверь ТАРДИС.

Лит шёл за Кэндолом вниз по лестнице в подвал; в одной руке у него был фонарь, а в другой — дубинка. Затылок Кэндола так и манил его. В этой голове готовился план. Перед самым уходом в отсрочку, люди Лита предупредили его о намерениях Кэндола. По возвращении из отсрочки люди Кэндола собирались скупить арендованные Литом в Бриере участки, воспользовавшись средствами, сэкономленными за время отсрочки. Лит останется ни с чем.

Он рассмотрел все возможные варианты, но это был единственный practicalный выход. Нужно сделать это сейчас — другой возможности может не представиться. Убить Кэндола, сказать что он, как Брачиннен, сошёл с ума, и вытолкнуть его вместе с мусором.

Выбрасывая мусор, Кэндол что-то рассказывал, что-то об игре, в которую он играл с Кий. Лит отставил в сторону фонарь и взвесил руке дубинку.

— А я говорю: «У меня фишек больше, какая же это ничья?»

Пора убивать. Ключевой момент.

— Берегись! — раздался женский крик, в свете фонаря резко обернувшегося Кэндола мелькнуло её лицо, и момент был утерян.

А затем она исчезла.

Кэндол повернулся к Литу:

— Ты ничего не слышал?

В гостиной Лит надпил виски и улыбнулся:

— Моя земля в Бриере в безопасности, — он кивнул Кий. — Остался всего час.

Через два часа он будет снова сидеть за своим столом и смотреть в своё большое окно на сквер Пинчиер. А Кэндол? Надо будет нанять киллера и избавиться от него до того, как он свяжется со своими людьми. Всё будет хорошо.

Кий криво усмехнулась ему и подняла свой бокал.

В конце нижнего этажа прямо в воздухе начал мигать синий проблесковый маячок. Несколько секунд спустя, в сопровождении ревущего звука там

проявилась похожая на полицейскую будку оболочка ТАРДИС.

Первой вышла Зоуи.

— А я говорю: «Какая же это ничья?»

Лит замахнулся.

Всего лишь через час, — подумала Кий. Выйдя из Вихря, она помашет Литу на прощанье, сядет в такси, проследит, как Феррикс отправится обратно в своё любимое кресло в своём прокуренном клубе. Ей не терпелось вернуться и снова побеждать, выигрывать. Ожидание было не в её стиле.

— Пора нам, — сказал Доктор, — покинуть это ужасное место. Оно явно не из тех, где хотелось бы задержаться подольше.

Брачиннен пошевелился. Действие снотворного завершалось. Его суставы болели, а голова просто раскальвалась. Он оглядел комнату — свою адскую, не изменяющуюся комнату! — посмотрел на стоявшие на полке часы с позолоченными цифрами.

Сдвиг его вернул. Скоро прибудет Доктор.

Он откинулся назад, опустив большую голову на подушку, и сдался на милость своего врага.

МАЛИНОВАЯ ЗАРЯ

Tim Robins

Силуэты, облачённые в бедуинские балахоны и армейскую форму, брели в сумерках по пустыне Кидонии. Перед ними были руины Некрополя — города мёртвых — на которых холодный свет двух восходящих лун — Фобоса и Деймоса — отбрасывал жёсткий свет. Двигаясь на запад, за город и за Великую Пирамиду, силуэты, наконец, достигли основания Марсианского Сфинкса и быстро поднялись по окружавшим его строительным лесам. Когда они добрались до его головы, их кибернетические инструменты начали снимать с него обсидиановую маску из угля и вулканического пепла. Вскоре проведённые «Красным Миром» раскопки открыли миру Сфинкса с головой ледяного человека.

Марсианское утро застало Доктора — шляпа, шарф, зубы и кудряшки — отдыхающим на борту его плавучего дома «Дея Торис». Это судно было построено в стиле узких барж, некогда курсировавших по британским каналам — вначале в качестве жилого транспорта для перевозки товаров, затем в качестве шикарных увеселительных кораблей 1960-х, а затем в качестве бараков для беженцев, напрасно ожидавших наступления пост-апокалиптической идиллии.

Изготовлено оно было из традиционных материалов: дубовые борта, вязовый киль, железные шпангоуты. На корме была ярко окрашенная рубка, на которой жирными белыми буквами было указано место приписки судна: I.M. Foreman (London).

Вдоль канала «Дею Торис» тянули два крепких лошадивца. Эти косматые шестиногие существа были непривычного вида — генетический винегрет из лошадей-тяжеловозов и гигантских ленивцев. Несмотря на такое пугающее их происхождение, Доктор считал их грациозными существами. Скоростью они не отличались, но зато тащили его именно туда, куда он хотел; то есть, всё равно куда. Случайно в поле зрения повелителя времени попали два других существа: Лила и К-9. Лила напряжённо сидела на носу судна, словно готовясь отбивать чью-то атаку, и Доктор увидел, что из-под её кожаного корсажа вопреки его указаниям торчат смертельно ядовитые шипы джэнис. К-9 иногда был рядом с Лилой, а иногда, пошатываясь, смещался к двери рубки. Несмотря на многочисленные попытки перекалибровать свои стабилизаторы, собака-робот никак не могла научиться передвигаться по палубе плывущего корабля.

По запросу Лилы К-9 выдавал список фактов, цифр, и фантазий о Марсе.

— Марс: четвёртая планета по расстоянию от Солнца. Продолжительность звёздного дня 24 часа 37 минут 22 секунды. Продолжительность года 687 дней. Эксцентриситет орбиты 0.093. «Марс» происходит от «Маворс»; римский эквивалент Ареса, бога войны. Флора и фауна Марса: судя по окаменелостям, на планете существовала доисторическая экосистема, в которой обитали сложные живые существа. Считается, что к местным биологическим видам относились гуманоидные рептилии, известные как «ледяные воины».

Лила посмотрела на горизонт и попыталась представить себе прошлое.

— Это место не для воинов. Тут нет чести, тут только смерть.

Лила и К-9. Доктор даже не знал, кого из них тяжелее выдрессировать. Он надвинул шляпу на глаза и продолжил ловить рыбу, потягивая леску, уходящую в воды канала сквозь отверстие в борту. Жёлтая трёхглазая рыба, вернее, её чучело, изготовленное на манер скульптуры Дэмьена Хёрста, бесстрастно смотрела на него со своего места на небольшой полке рядом со шкафом для еды. Это был сувенир из особняка Доктора, стоявшего над озером Мутаций на Скар. На Скар, по крайней мере, было полно рыбы, — подумал повелитель времени, — хотя каждый улов и был борьбой не на жизнь, а на смерть.

— Рыба сдохла, — сказала Лила.

Доктор пропустил это мимо ушей. Его беспокоило, что «Дея Торис» остановилась. Тогда Лила кинула дохлую рыбку ему на колени.

— Рыба сдохла.

— Лила, сколько раз говорить, убери свои отравленные шипы. Пойманную рыбку надо выпускать живой.

Доктора удивило, что всего одна дохлая рыба так сильно воняла.

— Рыба сдохла, — повысив голос, повторила Лила.

Она схватила Доктора за шарф и потащила его на палубу.

Доктор посмотрел в воду канала и с удивлением обнаружил, что «Дея Торис» стоит на месте, потому что застряла в толстом красном слое тины, чешуи, и гнилой плоти. Лила была права. Рыба сдохла. Причём вся. На берегу, на идущей вдоль канала дорожке, лошадивцы рыли от страха землю.

Потребовалось больше ста лет на то, чтобы доказать, что увиденные на Марсе Скиапарелли и Лоуэллом каналы не существовали; и меньше десяти лет понадобилось корпорации «Арес» на то, чтобы эти каналы появились. Терраформирование Марса было существенно упрощено законом о Зелёной Земле 2350 года, который назначил эту планету местом свалки

отходов, которые было слишком опасно оставлять на Земле. Аэрозоли и дешёвые холодильники вначале выбрасывались в дорогих магазинах Европы, а затем по всей равнине Утопия, и утечка фторуглеродов создала «парниковый эффект», освободив водород, кислород, и углерод из вечной мерзлоты и быстро таявших полюсов. Впервые за миллиард лет вода потекла по каньонным притокам долины Маринер, превращая хаотические ландшафты в озёра, а пустыни — в пляжи.

С пентхауза своей пирамиды на луне Деймос, Пол Арес, вице-президент корпорации «Арес», посмотрел на водяную поверхность и решил, что Марс хорош... но в нём ещё огромное множество возможностей для дальнейшего развития. Настроение у Ареса было серьёзное, он смотрелся как бог. Он потёр инкрустированные рубиновые глаза покрытого эмалью паука, украшавшего указательный палец его левой руки. Болезненная язва под кольцом напоминала ему о том, что он был не в раю, и что не всё на этой планете идеально.

Доктор протянул рыбу К-9. Пёс понюхал её, провёл химический анализ испарений, а затем выдвинул зонд, чтобы подвергнуть тушку бомбардировке электронами. Завершив аутопсию, компьютер объявил свой вердикт:

— Причина смерти: кислородное голодание и экзотоксины. Электронная микроскопия выявила присутствие динофлагеллятов из рода *Gymnodinium*.

— Красное цветение, — сказал Доктор.

Он отбросил рыбу на кучу креветок, макрели и тунца. Их разлагающиеся трупы вздулись и почернели от бактерий. «Дары» моря.

— Рыбу убили цветы? — спросила Лила.

Доктор когда-то рассказывал ей о планетах, которыми управляли хищные растения.

— Микроскопические водоросли, — ответил Доктор. — Красное цветение случается в морских и пресноводных экосистемах, приводит к окрашиванию в красный цвет воды в реках, прудах, и океанах. Оно послужило основанием для библейских сказаний о кровавых реках. Эти водоросли выделяют токсины, опасные для многих рыб, моллюсков, и млекопитающих. Я прав, К-9?

— Верно, хозяин, — ответил лучший друг Доктора. — *Gymnodinium veneficum* выделяет растворимый в воде токсин с большой молекулярной массой, который убивает, воздействуя на нервную систему.

Доктор спустился в каюту.

— Пойдём, К-9, настало время ванны.

— Необходимости в купании нет, хозяин.

Лиле показалось, что в металлическом голосе компьютера слышались нотки беспокойства.

— Я имел в виду ванну с энзимами, — объяснил Доктор. — Я хочу, чтобы ты извлёк из водорослей генетический материал.

Арес поприветствовал Шунро Ошикаву, президента конгломерата «Цунами», который стоял по другую сторону стола в зале заседаний, расположеннном где-то в коммуникационной паутине, соединявшей их планеты. Директора-соперники использовали технологию захвата и изменения изображения, чтобы выглядеть для собеседника персонажами, созданными компьютерами. Ошикава принял форму выпускаемого «Цунами» бронированного робота-сёрфера «Ультратецуоид». У этого огромного робота голова была как у Тираннозавра Рекс, лицо как у изящной фарфоровой куклы, и тело, способное трансформироваться в одного из нескольких насекомых реактивных истребителей, боевых рептилий, или корпоративных небоскрёбов.

— Шунро-сан! Какой неожиданный сюрприз, — сказал Арес.

Он обратил внимание, что после того, как «Цунами» приобрела Венеру, робот набрал вес. Сам Арес на экране напоминал Звёздное Дитя из фильма

«2001 год: Космическая Одиссея»; большие глаза, полупрозрачная кожа эмбриона, и голос, способный внушить любому подчинённому, что увольнение — это конец, который ждёт всех.

«Ультратецузиоид» улыбнулся, его пухлые красные кукольные губки разошлись ровно настолько, чтобы показать ряд острых зубов бронированного хищника.

— Пол, старина! Я наблюдал за курсом акций твоей компании. И подумал, что «Цунами» может предложить руку помощи в этот тяжёлый час. В конце концов, для чего ещё нужны друзья?

Ареса раздражал напускной английский акцент Ошикавы, но его Звёздное Дитя лишь улыбнулось.

— Ты такой добрый. Я, в свою очередь, надеюсь, что на твоей планете-курорте дела идут хорошо. Я слышал, что в «Водном Мире» динозавры вырвались. На какую сумму тебе уже выдвинули иски семьи пострадавших?

Американец знал, что эта информация добыта в ходе секретной операции в меж-мировой Сети, но его персонаж Звёздное Дитя по-прежнему излучал невинность.

«Ультратецузиоид» шагнул вперёд.

— По крайней мере, «Цунами» не позволяет террористам убивать своих клиентов.

— Мечтай дальше, Ошикава. «Малиновая Заря» под контролем. Если только ты не знаешь чего-то, чего не знаю я.

— Ты же не хочешь сказать, что «Цунами» общается с террористическими организациями? Это открытая линия.

«Ультратецузиоид» поскользил на сёрфе в сторону восходящего солнца, предварительно сжевав от обиды что-то из мебели.

Звёздное Дитя вышло в дверь, имеющую форму чёрного монолита.

Выйдя из роли Звёздного Дитя, Арес заволновался. Ошикава редко звонил только для того, чтобы оскорбить. Считалось, что в течение последнего финансового года «Цунами» пожертвовали миллиард долларов «Красному миру» и их кампании по возвращению прав на марсианские земли ледяным воинам. Арес понимал, что на их пути стояли только он и его компания.

«Дея Торис» покоилась на «Ступенях Столетий» — последовательности из ста шлюзов, предназначеннной для подъёма судов до уровня Большого Канала. Доктор возился в большей из двух кают узкой баржи. Внутри она была гораздо меньше, чем казалась снаружи, но ему всё-таки удалось установить там навигационное оборудование и небольшую

лабораторию. Он поднял бумажный свиток, скреплённый пурпурными ленточками.

— Что это, К-9?

— Хромосомная карта, отображающая бинарный код, хозяин.

— Именно. В гены этих водорослей вшили регистрационный номер. Это красное цветение запатентовано. И кто же владелец патента?

— Убивающие цветы кому-то принадлежат? — спросила Лила.

Воительница ожидала подъёма баржи в пабе возле шлюза — «Приятель Джиггера». Регулярные посетители встретили её косыми взглядами и подозрительным шёпотом, но Лила быстро завоевала их расположение своими грубыми шутками и готовностью к драке. В конце концов она вернулась на баржу с несколькими бутылями эля, выигранными в армрестлинг.

Доктор объяснял принципы терраформирования:

— Его цель — управление экосистемой планеты и производство среды, в которой могут жить люди. В случае Марса это должно было включать засевание планеты микроскопическими организмами, которые могли бы перерабатывать углерод и кислород. Каждый этап процесса терраформирования должен был контролироваться и быть стандартизирован, так что

даже микроорганизмы должны были производиться искусственно.

Терраформеры были во многом похожи на производителя автомобилей Генри Форда, — подумал Доктор. На сборочной линии производства планет нельзя было найти две непохожие друг на друга снежинки.

— Вопрос в том, — продолжал Доктор, — частью чьих планов является красное цветение? К-9, где я могу получить доступ к патентной базе данных?

Робот-компьютер изучил скачанную им информацию для туристов.

— В Администрации по делам Окружающей Среды в столице Марса.

— До этого города отсюда много лун, — сказала Лила.

— Если «Дея Торис» пойдёт своим ходом, то будет быстрее, — усмехнулся Доктор. — Лила, отвяжи лошадивцев!

Раньше это была луна, теперь это Уайтчэпел¹. Когда-то ты смотрел на кратер, переполненный космическими шаттлами, покончившимися рядом, носом к носу, крылом к крылу. Для некоторых эти корабли

¹ Исторический район Лондона, знаменит тем, что сотню лет назад здесь происходили убийства, приписанные мистическому серийному убийце Джеку Потрошителю.

были позорным напоминанием о банкротствах и ликвидациях предприятий, ставших концом второй космической гонки. Но для тебя они были спящими лебедями, ждающими возможности снова отправиться в полёт. И ты разбудил их, своими деньгами и амбициями, и смотрел, как они летают между Землёй и Марсом. Но сейчас, в памяти твоего персонального компьютера, твои мысли изменили архитектуру системы на манер викторианского Лондона, и ты ходишь среди двухколёсных экипажей, запряжённых лошадьми, и задыхаешься в зависшем тумане. Наконец, ты доходишь до Патентного Бюро и достаёшь из ржавого сейфа документы о регистрации, генетические чертежи. Смотришь на семейный альбом Последнего Марсианина, а затем снова крадёшься сквозь туман обратно в свой офис.

Столица Марса была построена на южных предгорьях горы Олимп. Она была спроектирована по принципам laissezfaire socialism как последовательность расходящихся от горы полумесяцев, и была размежёвана открытыми парками, каналами, и мостами. Эти гармоничные зоны были предоставлены причудам туристического бизнеса, мультинациональных компаний, разработчикам тематических парков, и другим эксцентричным предпринимателям. Прилетающие временно с Земли

рабочие создали оживлённый городок из бараков, пристроек, торговых палаток. В результате появилась смесь архитектур и образов жизни, которая создавала впечатление, что Венеция 18-го века, Париж 19-го, Амстердам 20-го, и Евро-Дисней 21-го столкнулись в одном пространстве и времени.

Доктор и не отстающий от него К-9 направлялись к административному центру города. Наблюдая фантасмагорию толп людей, кафе и магазинов, повелитель времени представлял себя фланёром, одним из тех джентльменов-бездельников, которые выгуливали черепах в аркадах Парижа 1840-ых годов, позволяя их питомцам задавать скорость прогулки. Хотя фланёры хотели лишь залечься среди роскоши витрин магазинов, их блуждания неизменно приводили их на место преступления.

Доктор не был самым целеустремлённым из детективов, и его миссия по разгадке тайны красного цветения часто прерывалась, когда он останавливался, чтобы полюбоваться городскими джунглями. Его путь проходил мимо кафе, в которых курильщики с ясными глазами и застывшими ухмылками рассматривали невообразимые узоры, создаваемые на поверхности канала пятнами машинного масла. Перейдя через мост, он оказался в районе красных фонарей, состоявшем из борделей воображения. Здесь мужчины и женщины (и не только люди) выставлялись на обрамлённых

неоновыми огнями витринах с единственной целью — привлечь внимание туристов. Но внимание Доктора привлёк отдел магазина, в котором на витрине было выставлено множество товаров, так или иначе связанных с резиновым головоногим моллюском, называемым Последним Марсианином. Доктор решил купить себе несколько таких фигурок в качестве сувениров, но деньги у него закончились до того, как он смог приобрести игры «Новый Занаду» (особняк на луне Фобос) и «Аэлита» (роскошный круизный лайнер).

Когда он, наконец, добрался до Администрации Окружающей Среды, его там встретила большая группа демонстрантов, размахивавших транспарантами «Марс — марсианам». Некоторые из демонстрантов были одеты в самодельные костюмы ледяных воинов, состоявших из покрашенного в зелёный цвет упаковочного картона, обмотанного вокруг туловища, и шлемов, вырезанных из пластиковых вёдер. На каждого демонстранта приходилось как минимум три человека из частной полиции Марса. Когда Доктор входил в здание, разразилась драка, и энергичный молодой человек всучил ему листовку.

— Нет мира без «Красного мира», — успел крикнуть демонстрант, прежде чем его вырубила дубинка полицейского.

Зайдя в Администрацию, Доктор прошептал что-то в уши-сенсоры К-9 и направился к справочному столу. Он протянул роботу-администратору макрель:

— Здравствуйте! Я Доктор, это К-9, а это — дохлая рыба.

Секретарь — хромированный и невозмутимый — на рыбу никак не прореагировал.

— Прошу прощения, но приём жалоб клиентов окончен. Можете оставить сообщение или прийти завтра. Хорошего вам дня.

Доктор нагнулся над столом и посмотрел в мёртвые глаза секретаря.

— К-9, расскажи ему, почему эта рыба сдохла.

— Токсический шок из-за *Gymnodinium veneficum*.

— Администратор в курсе сложившейся ситуации, — сказал секретарь, в жестяном голосе которого дребезжало плохо скрытое раздражение. — Администратор приносит извинения за причинённые неудобства. Это последствия временной перестройки экосистемы. Смею вас заверить, что рыба, которую подают в ресторанах, проверена Туристическим Управлением Марса на съедобность. Хорошего вам дня.

— Эти водоросли были созданы искусственно, — настаивал Доктор. Его несколько воплощений накопили большой опыт общения с бюрократами, как с людьми, так и с роботами. — Это не временное

недоразумение, это применение биотехнологического оружия.

Доктор подал К-9 заранее договорённый сигнал, и робот подъехал ближе и выдвинул ствол своего оружия.

— Нет! Не надо, К-9! — Доктор театрально поднял руки, словно пытаясь остановить атаку робота, а затем обернулся к секретарю и прошептал: — Мне кажется, что вы разозлили К-9. К-9 не любит, когда его злят. Может быть, сделаете что-нибудь, пока он совсем не разошёлся?

— Уже сделал, сэр, — сказал секретарь.

В тот же момент вокруг К-9 возникло силовое поле, заревели сирены, и усмирять Доктора прибежали вооружённые охранники.

Лила заблудилась.

Доктор велел ей оставаться на «Дее Торис», но она решила, что ему нужна её защита, и пошла за ним по лабиринту построенного в венецианском стиле порта марсианской столицы. Но когда Доктор и К-9 зашли в район магазинов, навыки следопыта подвели воительницу, её органы чувств были ослеплены калейдоскопическим хаосом огромного торгового центра.

В отличие от порта, торговые зоны были в стиле модернизма. Огромные плакаты-фотомонтажи

рекламировали будущее иконами авангардного прошлого, объединяя тела и машины со шляпами-котелками, стеклянными шариками со спиральными узорами и ожерельями из нулей и единиц. Покупатели, движущиеся по бесконечным эскалаторам, с завистью смотрели на последние творения моды и обнаруживали, что это были их же собственные отражения в зеркальных стенах торгового центра, что объектами их желаний были они сами. Тут были все самые выдающиеся торговые марки: *Georgio Armani*, *Hugo Boss*, *Happy Shopper*. В этом замкнутом круге желаний рай не наступал никогда.

Для Лилы это место было последовательностью внезапных потрясений. Прямо перед ней голый мужчина с напряжёнными мускулами, игравшими под загорелой кожей, лез по скале в направлении молодой женщины, стоявшей на каменном уступе. Капли пота стекали по телу мужчины, прокладывая дорожки среди волосков на его спине. Он добрался до женщины. Женщина улыбнулась и начала омывать его загорелые мускулы, разбрызгивая что-то из стеклянного флакончика в форме капли. Хриплый голос прошептал: «*Eau d'Aggedor* — мускус горных монстров».

Лила смотрела рекламу, отображавшуюся на витрине магазина. Рука мужчины осторожно коснулась правой груди женщины, а затем превратилась в

когтистую лапу. Когти оставляли на груди полоски крови. «Eau d'Aggedor — освобождает в вашем мужчине зверя». Последняя серия кадров изображала бутылочку с янтарной жидкостью, лежащую в растительности на мужском животе. Руки женщины ласкали его тулowiще. «Eau d'Aggedor из Дома Пеладона. Парфюм для мужчин».

Лила ничего не знала ни о финансовой катастрофе, вынудившей пеладонян превратить свою монархию в парфюмерную франшизу, ни о забое священных зверей планеты ради их пахучих желёз, но во время своего Севатима — посвящения во взрослуую жизнь — она очень много узнала о звере, скрывающемся внутри мужчины. Она представила себе, что ладонь этого мужчины вцепилась в её грудь, и то удовольствие, с которым бы она вскрыла ножом его горло, разрезая артерии и оставляя его корчиться в собственной пенящейся крови.

Воительница почуяла запах жареного мяса, вспомнила о том, что проголодалась, и направилась к эскалатору, который поднял её к рядам кафе. Запах вывел её к «Скушай Марс». Войдя в эту забегаловку, она увидела большую стену, на которой было написано «Закуска Марса атакует». На ней были изображены истекающие слюной большеголовые мутанты, спускавшиеся из летающих тарелок, чтобы полакомиться ничего не понимающими коровами.

Анемичный официант с лицом, обильно украшенным веснушками, провёл её к столику, чтобы принять заказ. На нём был зелёный флуоресцентный значок с надписью «Зовите меня Кевин», а к его голове зелёной повязкой были примотаны две антенны-пружинки, которые раскачивались каждый раз, стоило ему шевельнуть головой.

— Марс приглашает вас в свой дворец кулинарных наслаждений. Я, Кевин — ваш рыцарь-защитник от сил закусочной атаки. Как я могу сразиться на вашей стороне?

Лила растерялась ещё больше.

— Я хочу еду, — сказала она. — Но сражаться за меня не надо. Я сама воин Севатим.

Кевин настороженно улыбнулся и развернул меню.

— В нашем аппетитном марсианском меню сегодня бургеры, куриные ножки, пиццы, картофель фри, филе, наггетсы, начо...

Лила попыталась прервать этот поток слов, у неё это не вышло, и в конце концов она закричала:

— Это! Я возьму вот это!

Она не знала, что заказала только небольшой салат.

— С майонезом, сметаной, маринадом, чатни, кетчупом?

— Да, со всем.

— Пить что-нибудь будете?

— Да.

— Какао, кофе, чай, минеральная вода, шейк, синтэйл, газировка...

— Это! Газировку!

— Кола, Доктор Пеппер, Пепси, Тэг, Танго...

— Колу, во имя Зоаннон!

— Классическую, чистую, вишнёвую, диетическую...

— Хватит! — Лила вскочила и прижала к бледной коже официанта клинок своего ножа. Кевин почувствовал, что у него в паху расползается тёплое, мокрое пятно.

— Слушай внимательно, «Зовите меня Кевин», ты лопочешь как верховный жрец Зоаннона, пойманный среди ночи в детской хижине. Неси сюда немедленно еду и питьё, а не то я тебя самого съем.

— А я-то учу своих студентов, что каннибализм — это миф.

Лила обернулась на новый голос и увидела, что к ней приближается женщина. Ей было чуть меньше тридцати, на ней были надеты пропитанная потом шляпа, короткая пыльная кожаная куртка, рваные джинсы, и обляпанные грязью высокие сапоги. На плече у неё висела полотняная сумка. Лила заметила, что из-под шляпы выглядывают рыжие волосы.

— Я не каннибал, но готова попробовать, — ответила Лила.

— Не надо махать ножом, дорогая, — улыбнулась женщина. — Я вижу, что вы не местная. — Позвольте, я...

Она заказала Лиле Рей Хлеббери с майонезом, две порции жареного картофеля, и тройной Эдгар Райс Бургер.

Женщина представилась как доктор Джинджер Корвет.

— Но можете, как и все, называть меня «Рыжая». Надеюсь, вы не против того, что я вам помогаю. Я антрополог, поэтому понимаю, как сложно бывает приспособиться к новым культурам. Сама я из Новой Гвинеи. При рождении меня назвали Кон Минг-Зингибера. Это значит «рыжая». А теперь вы расскажите мне о себе.

К их столику шустро подошёл Кевин, поставил два подноса с едой и быстро отошёл. Себе Корвет заказала «Апокалипсис Сегодня» — шоколадное мороженое, выложенное на шоколадные вафли, политое шоколадной подливой, присыпанное тёртым шоколадом, и с двойным слоем взбитых сливок. Она провела языком по гладкой поверхности мороженого, затем коснулась тёмной шоколадной сердцевины.

— Может быть, вы и не каннибалка, но явно из племенной общины, — сказала она.

Лила увидела, что у женщины с губ капает шоколадная подливка.

— Территориальная, — продолжала антрополог. — Некоторые могут сказать, что вы более кровожадная, чем люди.

— Я воин Севатим, — сказала Лила, уверенная, что её оскорбляют.

Манеры Корвет были доброжелательные, но что-то в этой женщине вызывало у Лилы недоверие.

— Мне это название ни о чём не говорит, — вопросительно посмотрела антрополог на воительницу.

— Доктор говорит, что мой народ когда-то прибыл с Земли. Он называл мой народ «Разведгруппа».

Корвет задумалась над этим.

— Я защитница Доктора. Доктор очень мудрый, но он живёт в своих мыслях.

— В башне из слоновой кости, — сказала Корвет.

— Нет, в ТАРДИС.

— И где сейчас этот мудрец?

Лила не хотела признавать, что она потеряла Доктора в толпе.

— Он противостоит народу, известному как «недалёкие бюрократы». Он требует, чтобы они ответили на загадку рыб. Если они не ответят, он победит их мудростью науки и волшебным искусством оформления документов. Воины так не поступают.

Внезапно вместо монотонной музыки воздух торгового центра сотряс вой сирены.

— Тревога, — сказала Корвет.

Через торговый центр мчался мужчина, за которым разевался разноцветный шарф. За ним задом наперёд катилась механическая собака, отстреливая одного за другим полицейских торгового центра.

— Доктор! — вскочила из-за стола Лила. — К-9!

Корвет побежала за ней. Лила увидела выход и помахала рукой:

— Доктор, сюда!

Внезапно торговый центр сотрясла ударная волна. «Скушай Марс» охватило пламя. Всё вокруг наполнилось дымом. Преследовавшие их охранники начали спотыкаться, а затем, когда противопожарные системы начали разбрызгивать пену, поскользываться и скользить по мраморному полу, превращая трагедию в фарс.

Носорог невозмутимо жевал сено. Капитан Ван дер Меер высоко поднял рог носорога и кнут — два талисмана, свидетельствовавшие о его победе над природой. В безопасности стойла рядом с Ван дер Меером стояли зрители-аристократы. Куртизанки были равнодушны. Их взгляды были направлены на зверя — чёрного, неподвижного, непостижимого — и на его пленителя — бледного, нервного, излишне возбуждённого. Лица куртизанок были скрыты масками, но из-под них всё равно были видны

ухмылки и понимающие взгляды. Ловец и пленник. Их обоих было интересно рассматривать.

Ареса забавляло, что пропитанную мочой землю и кучи навоза Лонги — художник восемнадцатого века, написавший эту картину — передал с такой же педантичной точностью, как носорога и аристократов. Он проследовал за взглядом носорога и посмотрел на луну Фобос и находящийся на её поверхности Новый Занаду. Фобос удалялся, уносясь по своей семи-с-половиной-часовой орбите вокруг Марса, но Аресу всё ещё было видно и Новый Занаду, и его парапеты цвета слоновьей кости, украшенные скульптурным зоопарком из слонов, львов, и шривензейлов.

Арес проектировал дворец развлечений совместно с Последним Марсианином. Их разные вкусы привели к столкновению Баухауза и Сесила де Милла на всех лестницах, мостах, галереях, бассейнах, зверинцах и дендрариях. Арес считал, что в этом, как и во многом другом, его взгляды были искажены. Несчастным взглядом он обвёл красные обои с ворсом, тяжёлые gobелены и картины, украшавшие его кабинет. Когдато он с радостью вывешивал работы Лихтенштейна («Look Mickey», «Whaam!» и «The Melody Haunts My Reverie») и обложки комиксов — поп-арт массового производства. Но сейчас его вкус отражал более древнюю, декадентскую, европейскую чувствительность.

— Longhi, tu che la mia musa sorella, — пробормотал он. — Chiami del tuo pennel che cerca il vero. Лонги, ты вызываешь родственную музу. Твоё перо, как и моё, ищет правду.

Арес обвёл одну из цифр в бухгалтерской книге. Цифра была красной. Бизнес шёл плохо. Если компании не удастся разобраться с финансами, следующая глава истории Марса будет написана красными чернилами — кровью банкротства. Предстоящая встреча с акционерами компании будет решающей.

Видеофон просигналил о входящем звонке. Звонили из Нового Занаду. На экране возник взволнованный офицер безопасности.

— Мистер Арес, сэр... Произошёл несчастный случай.

Каюта «Деи Торис» освещалась только экраном карманного телеэкрана. Лила сидела в углу. В мерцающем свете она при помощи своего ножа выковыривала застрявшие в её руках и ногах осколки стекла. Доктор и Корвет продолжали сидеть, согнувшись над телевизором. Корвет выдвинула миниатюрную спутниковую антенну и попыталась улучшить приём. Наконец, на светодиодном экране возникло изображение студии новостей. Затем пошли другие изображения.

— Мы попали в новости, — сказала Корвет.

Антрополог провела Доктору и Лиле дорогу в порт. Службы быстрого реагирования были слишком заняты оказанием помощи жертвам взрыва и тушением вторичных пожаров, возникших в торговом центре, чтобы уделять внимание ещё и беглецам. Сейчас, под прикрытием ночи, «Дея Торис» направлялась по Большому Каналу прочь из города.

Лила, посмотрев на экран, узнала во всём ещё дымящейся витрине остатки «Скушай Марс». Обломки были обмотаны голубыми и жёлтыми лентами, на которых было написано «Полиция», «Стоп», «Проход запрещён», «Место совершения преступления». Затем с замедленной скоростью показали запись последних секунд ресторана. Над изображением с горящими фигурами возник портрет молодого араба.

— Я узнаю его, — сказал Доктор. — Это один из демонстрантов возле Администрации, — повелитель времени вынул из кармана скомканную агитку: — Он дал мне вот это.

— Это Ариф Хиляль, координатор «Красного мира», — сказала Корвет. — Он, если верить новостям, лидер группы эко-террористов «Малиновая Заря».

— Мой опыт подсказывает, что террористы обычно объектов избегают. Зачем группе защитников экологии взрывать торговые центры?

Корвет объяснила:

— «Красный мир» всегда возражали против терраформирования Марса. Когда им не удалось это предотвратить, они перенесли свои силы на передачу прав на территорию ледяным воинам. Сложность в том, что «Красный мир» — приверженцы демократии, но развитием Марса занимается частное предприятие, которое почти ни в чём не отчитывается перед правительствами Земли.

— Значит, «Малиновая Заря» хотят сделать их подотчётными?

— В теории, да. Хотя мне нравятся их цели, я не одобряю их методы достижения этих целей. В любом случае, ледяные воины сейчас разбросаны по всей галактике, да никто и не позволит этой агрессивной расе занять стратегическую позицию рядом с родной планетой Федерации. В прошлом ледяные воины уже продемонстрировали свою враждебность.

— Нельзя судить о всей расе по действиям нескольких её представителей.

— Некоторые из ваших лучших друзей ледяные воины? — парировала Корвет. — В любом случае, их претензии необоснованные. Марс принадлежит корпорации «Арес», а их президент — марсианин. Вообще-то, Последний Марсианин.

— То есть Последний Марсианин это не просто игрушки?

— Его обнаружили недалеко от моих раскопок. Я с группой археологов изучала в районе Кидония местную, марсианскую культуру. Это существо было обнаружено в вечной мерзлоте маленьким планктоном. Оно было там заморожено больше миллиарда лет. Корпорация «Арес» проследила за тем, чтобы он вырос. Когда оказалось, что это существо разумно, его избрали президентом компании. Умный ход.

— Доктор! Смотри! — Лила возбуждённо указывала на телевизионный экран. — Ты на теле видения. Его картинки врут.

На экране были записи с камер видеонаблюдения. Компьютерный поиск объединил кадры, отображающие перемещения Доктора: прибытие в порт, прогулку по городу, покупки в магазинах, инцидент в Администрации, его появление в торговом центре, и его побег со спутниками в порт. Доктор слушал, как голос диктора объявил его хладнокровным террористом и руководителем ячейки «Малиновой Зари». Дальше его обвинили в планировании взрыва в «Скушай Марс» и в создании водорослей, вызвавших красное цветение. Изображение с ним в Администрации Окружающей Среды нужным образом видеоизменили, отредактировали и озвучили так, что казалось, что он угрожает другими терактами в случае невыполнения его требований.

— Думаю, нам стоит побывать в Кидонии, — сказал Доктор.

— Но до неё же несколько тысяч километров, — возразила Корвет.

— Мой опыт подсказывает, что очень хорошо быть в нескольких тысячах километров от того места, где тебя обвиняют в терроризме.

— Но службы безопасности перекроют все каналы, ведущие из города.

— О, у «Деи Торис» найдётся пара фокусов под рукавом, правда, старушка? — Доктор похлопал свою баржу и усмехнулся.

Несколько минут спустя под водой включились реактивные двигатели. Баржа приподнялась на подводных крыльях и помчалась вдоль каньонов Эос.

Лила подошла к стоявшему у штурвала Доктору.

— Доктор, нам нужно улетать с Марса.

— Что? Я же только-только начал развлекаться!

Когда-то Лила думала, что Доктор — безумный бог Зоанон, затем она считала, что он — мудрец, посвятивший свою жизнь борьбе со злом. Теперь же она заподозрила, что он всего лишь ребёнок.

Повелитель времени словно прочёл её мысли:

— Лила, здесь происходит что-то плохое. Эти водоросли были созданы для уничтожения целой экосистемы. Кто-то играет в Бога, и использует Марс в

качестве песочницы. И мы оба знаем, что случается с Богами.

Арес вышел из шлюза и зашёл в частные апартаменты Последнего Марсианина. В лицо ему пахнуло хлоркой. Под ногами у него был гнилой ковёр из разлагающихся фильтровальных элементов, покрывавших края бассейна. Окна были мокрые от конденсации, стёкла начали зарастать плесенью. Последний Марсианин явно разогнал всех своих слуг. Возникшая из-под пенистой поверхности воды масса встретила Ареса протянутыми щупальцами.

— Отравитель! Убийца!

Концы щупалец свистели у Ареса над головой. Он пригнулся, поскользнулся, и упал среди толстых фильтровальных элементов.

Последний Марсианин выглядел ещё хуже, чем обычно. Установленные в арочном потолке прожектора освещали на нём шершавые пятна маленьких ракообразных, возможно, морских желудей, прилипших к коже. Он был преимущественно горелокоричневого цвета, с красными пятнами язв. Арес заметил, что некоторые из этих язв были ранами, оставленными щупальцами — Марсианин сам нанёс их себе, пытаясь почиститься. Уже одна только боль могла бы свести его с ума, — подумал Арес. Тем не менее, он удовлетворённо заметил, что глаза у

головоногого были бледно-розовые. При нападении они были бы красными.

— Марси, заверяю тебя, наша служба безопасности держит ситуацию под контролем, — попытался успокоить его Арес. — С «Малиновой Зари» не спускают глаз. Кроме того, в долгосрочной перспективе то, что нас упоминают в прессе, пойдёт на пользу. «Красный мир» почти полностью дискредитирован.

— Глупый Пол, — цокал Последний Марсианин. — Ты думаешь, меня волнуют эти ко-крикуны из «Малиновой Зари»? Нет, я го-говорю о реальной угрозе. Об отрядах ка-камикадзе: доброжелатели, дипломаты, слуги.

Одно из щупалец швырнуло в руки Аресу набор компакт-дисков: «Война миров» Герберта Уэллса, режиссёра Джорджа Пэла.

Аресу это ничего не объясняло. Головоногое существо прокашляло объяснение, его клюв сопровождал все его слова щелчками и квоктанием.

— Я посмотрел это, и всё стало понятным. Ко-ко-конечно, неко-ко-которые детали там иска-кажены. Эти дурацкие ко-космические ко-корабли. А дурацкие марсиане больше похожи на грибы. Но ко-конец тот же самый: в ко-конце я умру. Ты что, не понимаешь меня, Пол? Мои соплеменники завоевали их. Они победили нас случайно, своими бак-ка-ктериями. Эта

горничная, ко-ко-торую мы наняли. Мы ей доверяли. Её реко-ко-комендации были безупречны. Она очаровательно улыбалась, выполняла все мои желания, ловко орудовала ско-коребко-ком для моей мантии. Только-ко подумать: я разрешал ей ско-корести меня, а она всё это время планировала меня убить. Она, ко-ко-конечно, ска-казала, что просто простыла, но я всё понял. О, да. Я ждал её прихода, и ко-ко-когда она отвернулась, я вылечил её от её простуды.

— Ты убил горничную? — Арес не верил своим ушам.

— Убийцу, Арес, убийцу, — Последний Марсианин возбуждался всё сильнее. — О, да. Я вылечил её простуду в ко-ко-хлорке. Это убило ми-ко-ко-коробов, её оружие.

Арес был уверен, что у Последнего Марсианина был какой-то психический припадок, но будущее корпорации «Арес» зависело от того, появится ли это существо на предстоявшем собрании акционеров. В Городе возникли подозрения. На бирже и на многих страницах Межпланетной Сети уже распространились слухи о том, что самый эксцентричный и богатый отшельник Федерации умер; что он совершил самоубийство, и его заменили одной из надувных игрушек Последнего Марсианина.

Арес осторожно назвал тему предстоящего собрания.

— Арес, ты с ума сошёл? Хо-хочешь привести людей сюда? — глаза Последнего Марсианина заметно потемнели.

— Мы можем провести собрание на борту «Аэлиты».

Услышав название своего личного увеселительного лайнера, Последний Марсианин расслабился. «Аэлиту» он спроектировал сам. Это было самое большое судно своего рода во всей Федерации. Однажды, — подумал он, — нужно будет проследить за его восстановлением. Он знал, что оно способно плавать, несмотря на то, что критики, инженеры, и прочие неверующие утверждали обратное.

— Ты будешь в безопасности внутри своей камеры, и будешь иметь возможность поприветствовать гостей.

Арес решил провести маскарад. Это будет лучший способ представить Последнего Марсианина акционерам. Он напомнил себе, что нужно заказать маску для существа. Если повезёт, она прикроет некоторые из его шрамов. Накидка тоже была бы кстати. Или мешок для трупа. Быть может, пришло время объявить о чудесном обнаружении сына Последнего Марсианина?

В комиксе Тантан внезапно видит оазис. Он бежит туда вместе с Мелком. Оазис исчезает. На

указателе надпись: «*Опасно! Впереди мираж!*» Позже, подметая в кабинете полковника, Тантан находит марку. На марке написано: «*Флор Фина, Сигары Фараона*». А в другом месте Мики возглавляет группу учёных, отправившихся на Марс, и обнаруживает, что марсиане схватили фараонов и заставили их строить пирамиды. Рамзес летит на помощь в ракете, имеющей форму мумии.

Ариф Хиляль полистал страницы комиксов из своей коллекции и вернул их в герметичные лавсановые пакеты. Он вырос, читая эти античные тексты, которые нашёл в брошенном грузовике на базаре своего дяди, в Сохо. После приключений Тантана он быстро дорос до политической сатиры таких художников как Ахмад Хиджази и Си Джуха. Благодаря их критической точке зрения он понял, как получилось, что современный Египет представлен в терминах древнего прошлого фараонов.

Хиляль услышал, что к его палатке подъехал пустынный транспортёр «Верблюд». Он принадлежал доктору Сэму Моргану.

— Чё слышно из Центра, чувак? — спросил Хиляль; он одевался и разговаривал как компьютерный гик конца двадцатого века.

У Моргана, археолога, было лицо человека, который повидал всё. Оценивающим взглядом он осмотрел молодого координатора «Красного Мира».

На выбритой почти налысо голове Хиляля задом наперёд была надета бейсболка; на ветру разевались шаровары в тонкую полоску; а по бокам с пояса свисали походный котелок, скалолазное снаряжение, и секстант. Этот парень придурок, — подумал Морган, — но, по крайней мере, у него доброе сердце.

— Напали на «Скушай Марс», — доложил археолог. — В красном цветении обвинили «Малиновую Зарю». А ещё, некто по имени Доктор — твой сообщник. Мерзкое дело, если верить прессе.

— Враки! — сказал Хиляль.

— Я тоже так считаю.

Морган взял в руки комикс. Это был «Первый электрический выпуск» Питера Кэннона: «Молния». На обложке были изображены эко-террористы в лыжных масках, штурмующие корабль над колонной Нельсона. Террористы называли себя «Малиновая Заря». Морган мысленно отметил, что у Ареса и Хиляля схожие вкусы в литературе. Рисунки и сюжетные линии Майка Коллинза были весьма драматичны, но проблемы мира герои в дурацких костюмах не решат.

— В провинции Тарсис мы не защищены, а лучшая защита — нападение.

— Сфинкс? — спросил Хиляль.

— Залезай в «Верблюд», — Морган набросил на себя алую накидку, чтобы защититься от холода

марсианской ночи. — Следующая остановка в Кидонии.

— Круто! — закричал Хиляль.

Лила кричала. Её тело дёргалось, словно под действием огромной силы. Она хваталась за воздух, пытаясь сделать так, чтобы её не швыряло по палубе.

Корвет наблюдала за этим из каюты.

— Потрясающе! — прокомментировала она. — Экстатический транс.

У Лилы напряглось лицо. Наконец, она потеряла сознание.

— Ритуал Севатим оправления в путь, — заметил Доктор. — Он символически повторяет перегрузки, которые испытывают астронавты. Он должен сделать наше путешествие удачным.

— Она, должно быть, очень переживает о нашей безопасности, — предположила Корвет.

— Лила не переживает, — сказал Доктор. — Она в ужасе.

«Дея Торис» добралась до Кидонии, до границы системы каналов, и её пассажиры готовились сходить на берег, туда, где был обнаружен Последний Марсианин. Их путь пройдёт мимо двух наиболее впечатляющих археологических находок Марса: Долины Воинов — развалин древнего поселения ледяных воинов — и Великой Пирамиды.

— Вы когда-нибудь видели эту пирамиду? — спросила Корвет.

— Снаружи — ни разу, — непонятно ответил Доктор.

К Лиле вернулось сознание, и она, шатаясь, встала на ноги. Оставив К-9 сторожем на борту «Деи Торис», трое путешественников сели на транспортёр «Верблюд-2», брошенный кем-то на берегу канала. Доктор сел за руль, запустил двигатель, и запустил транспортёр скользить над руслами высохших рек, окружёнными сушей островами, и лежавшими к западу древними озёрами лавы.

В Долине Воинов Доктора, Лилу, и Корвет встречали песчаная буря и четыре монолитные статуи с длинными, как у крокодилов, мордами.

Транспортёр ударяло об песчаный грунт, и Корвет заметила, что лучше будет укрыться в древнем городе. Доктор остановил транспортёр, и они вылезли.

Лила побежала к ближайшему зданию, и оказалась во дворике, где увидела, как ей показалось, статую, изображавшую двух сцепившихся в поединке ледяных воинов. Вначале она подумала, что это памятник, возведённый в честь соревнований или битвы, но, увидев похожие статуи в более домашней обстановке, она поняла, что на самом деле перед ней забальзамированные пеплом трупы мужчин, женщин,

и детей, обезумевших от страха... или от чего-то ещё худшего.

— Это плохое место, Доктор. Умершим не дали отправиться туда, куда им положено. Их духи наверняка бродят среди нас.

Доктор проигнорировал её. Сейчас было не время и не место для мистицизма.

— Целый город остановился во времени, — размышлял он. — В точности как в Помпеях. Пирамиду, должно быть, построили на вулкане. Извержение застало ледяных воинов врасплох. Возможно, они думали, что вулкан потухший.

— Как вы можете заметить, чем ближе здания к Пирамиде, тем заметнее в них элементы стиля Фараонов, — сказала Корвет. — Параллели с древним Египтом вызвали большой интерес. Поэтому меня и пригласили на раскопки — я специализируюсь на инопланетном влиянии на древние культуры Земли.

— Пирамиду, я смотрю, не стали вскрывать, — заметил Доктор. — Весьма разумно. Но почему были прекращены раскопки?

— Быть может, вы всем нам об этом расскажете? — сказал новый голос.

Доктор обернулся. Какие-то люди, одетые в балахоны, их окружили и взяли Доктора на мушку.

Доктор узнал Арифа Хиляля, усмехнулся и поднял руки:

— Мы уже встречались, но не познакомились. Я Доктор, а вы, должно быть, «Малиновая Заря».

— В новостях говорят, что это вы — лидер «Малиновой Зари», — сказал Хиляль.

— Разве нас всех не одним и тем же дёгтем измазали? — спросил Доктор. — Кроме того, я считаю вполне очевидным, что «Малиновая Заря» на самом деле не существует. Я думаю, что теракты были организованы корпораций «Арес» для того, чтобы дискредитировать ваши попытки восстановить права ледяных воинов. А ещё я думаю, что чем быстрее вы поймёте, что мы с вами на одной стороне, тем быстрее вы добьётесь своей цели. Давайте поговорим, пока Лила не сделала что-то, о чём я буду сожалеть.

Хиляль почувствовал, что к его горлу прижали что-то острое. Лила заметила нападавших раньше всех и подкралась к ним, когда они окружали Доктора и Корвет.

— Я готов умереть во имя нашей цели! — закричал Хиляль.

Лила усмехнулась и сильнее прижала к его коже тупой конец шипа джэнис.

Морган дал знак, чтобы члены «Красного мира» опустили оружие.

— Поскольку мы не убийцы и не террористы, у нас нет выбора, Доктор. Давайте поговорим.

Базой для «Красного Мира» служил наспех разбитый лагерь в руинах храма, стоявшего перед гигантскими когтями Марсианского Сфинкса.

— Уродец, правда? — сказал Морган.

— Эй, не гноби Сфинкса, чувак, — сказал Хиляль.

— Мы убедились, что Сфинкс на четыре тысячи лет старше, чем породы скал, в которых, как нам говорят, был обнаружен планктон Последнего Марсианина, — продолжил Морган. — Корпорация «Арес», должно быть, закрыла раскопки, чтобы никто не узнал правду. Эти данные говорят о том, что ледяные воины — старейшие из выживших местных живых существ. Это поможет нашему делу.

— Возможно, — с сомнением сказал Доктор.

Ему гораздо интереснее было расшифровывать серию криптограмм, вырезанных на стенах храма — убежища «Красного Мира». В зловещем свете луны он показался Корвет жрецом, объединяющим силы Ху, Сиа, и Хека чтобы раскрыть божественное устройство космоса.

— Вы узнаёте этот иероглиф? — спросил Доктор.

— Это символ Марса, — сказала Корвет.

— Я так и подумал. Но вам не кажется, что чего-то в нём не хватает?

— Луна в нём только одна. Деймос.

— Чем вы это объясните, Доктор? — спросил доктор Морган.

— Пока что ничем, но пара мыслей на этот счёт у меня есть. Я слушал ваш спор, и мне кажется, что у корпорации «Арес» есть решение всех ваших проблем. Я намерен либо узнать их мнение на этот счёт, либо познакомиться с этим так называемым Последним Марсианином лично. Желательно, и то и другое.

— Но это невозможно! — сказал Морган. — Корпорация «Арес» и Последний Марсианин расположены на лунах. В административный центр Корпорации можно проникнуть только через несколько терминалов, а Последний Марсианин почти никого не принимает.

— Есть один способ, — из тени вышла Корвет. — Завтра корпорация «Арес» проводит ежегодное собрание акционеров на борту «Аэлиты», увеселительного лайнера Последнего Марсианина. У Корпорации большие финансовые проблемы, и мне кажется, что Последний Марсианин будет вынужден туда явиться.

«Аэлита» нависала над потерпевшими крушение буксирами порта Утопия, словно гигантская декорация аллегорического фестиваля, посвящённого свободе, даруемой богатством и бездельем. На её борту Доктор и К-9 брали сквозь косые островки света, подчёркивающие рельеф коридоров с усиленной перспективой. Продолговатые каюты, подвешенные на

сильных магнитных полях, занимали большую часть пространства палуб. Эти каюты, предназначенные для проживания сухопутных обитателей, были установлены среди стальных обелисков и аэродинамических колонн из конусов и сфер — тотемных столбов будущего. Из их дверей выходили человекоподобные лягушки, шакалы, кошки, тритоны, и разные насекомые.

Доктор присоединился к участникам маскарада, направлявшимся к танцзалу «Эксетер». Не отставая от него, К-9 проводил низкоуровневое сканирование, разыскивая компьютерный терминал, связанный с системой корпорации «Арес», и нашёл один такой в каюте на верхней палубе. Доктор столкнулся с двумя женщинами, на бэджиках которых было написано «Бастет» и «Сехмет». Одетая кошкой Бастет увидела К-9 и игриво зарычала. Двигатели компьютера издали низкий рёв, и направили его сквозь джунгли ног догонять своего хозяина.

Доктор зашёл в плексигласовый лифт и вместе с К-9 поднялся вверх. Со стороны доносился голос церемониймейстера, объявлявшего прибывающих гостей. Все они были промышленниками, которые за большие деньги купили себе прошлое в виде аристократических титулов вроде «леди Элеонор Ригби» и «принц Росс Перо».

Тебя удивляет, что ты оказался в Лондоне 19-го века. К тебе подбегает и приветствует фея, одетая проституткой. Ты нагло проходишь мимо неё, но она начинает звать на помощь. В твоих ушах звенят свист и топот ног. Ты слышишь крики «Джек!», «Это Потрошитель!», «Господи, помилуй!». Ты видишь, что электроника противодействия вторжению напоминает лондонских бобби, только шлемы у них как у ледяных воинов. Ты понимаешь, что выпускаешь кишки этой компьютерной системе, но Уайтчэпел в пределах видимости.

На твоё плечо опускается рука. Обернувшись, ты видишь, что твой слуга указывает на горбатое здание в стиле Тюдор.

— Патентное бюро находится там, хозяин. Рекомендую поспешить. Я буду защищать тебя, сколько смогу.

Это К-9.

Ты входишь в Патентное Бюро. Толстый слой пыли лежит на всём, кроме одного шкафа. Ты роешься в бумагах, фотографиях, пожелтевших конвертах. Ты понимаешь, что перед тобой семейный альбом Последнего Марсианина. Ещё файлы о флоре и фауне. Раздаётся шум — в дверь стучит полиция. Ты уже готов выпрыгнуть из окна второго этажа, как вдруг видишь картину, на которой маслом нарисован Марс. Ты касаешься Фобоса, и компьютер выдаёт тебе

секрет спящих в этой луне. Довольный результатами расследования, ты прыгаешь в окно и разрываешь телом крышу ожидающей тебя кареты. К-9 хлещет лошадей вожжами. Галопом вы несётесь в реальное пространство.

Доктор выбежал из кабинета Ареса. Он надеялся, что для противодействия незаконным проникновениям корпорация будет полагаться только на программное обеспечение, но топот ног говорил о прибытии двух настоящих охранников. К-9 оглушил их широкоугольным силовым полем. Доктор понимал, что нужно срочно уходить с этого корабля, но после ознакомления с базой данных Ареса ему ещё сильнее захотелось познакомиться с Последним Марсианином.

Пол Арес чувствовал себя расслабленным, довольным, уверенным в себе. Он наблюдал за маскарадом. Всё шло по плану. Это будет самый знаменитый и самый трагический день в жизни Последнего Марсианина. Любимец Марса на глазах у невинных акционеров погибнет от руки хладнокровных террористов. Арес уже представлял себе заголовки новостей. Коренастый офицер охраны, одетый в плюшевого мишку, незаметно подошёл к нему и прошептал на ухо. Услышав о проникновении,

директор побледнел. Арес поблагодарил офицера, одолжил у него импульсное ружьё, и пошёл к лифту.

Последний Марсианин плавал в сосуде, похожем на перевёрнутую лампу накаливания. Лучи прожекторов, установленных на арочных потолках, окружали существа светящейся сетью. Игра света и хроматофор и иридоцитов существа создавала пёстрые цветные пятна, которые медленно смешались по мере того, как наполненные пигментами цитоэластичные мешки расширялись и сжимались. На морде моллюска была надета нелепо маленькая маска. Для большего эффекта поверх его мантии был наброшен плащ.

Доктору это показалось очень безвкусным.

— Позвольте выразить свой восторг вашим кораблём, — сказал он, пытаясь успокоить возбуждённого марсианина. — Какое величие проекта, какая неудержимая амбиция! Мне это напоминает о «Гинденбурге», «Еловом Гусе», «Титанике». Вы сами его спроектировали?

Последний Марсианин был, похоже, в шоке. Не в состоянии что-либо сделать, он нёс какую-то чушь о людях-убийцах.

— Ну, во-первых, я не человек, — заверил его Доктор, — а во-вторых, я пришёл не для того, чтобы причинить вам вред. Почему вы боитесь людей?

Глаза существа осмотрели его, и оно снова начало бубнить свою старую историю:

— Ко-ко-когда наш мир начал умирать, мы обратили взгляд на другие планеты Солнечной системы. Нам понравилась Земля. Она была водяной планетой, ка-как и наша. Логичным решением было ко-ко-колонизировать эту планету. Мы построили машины: треноги, тепловые лучи, цилиндры, в ко-ко-которых мы перемещались в ко-ко-космосе. Мы думали, что всё предусмотрели. Для наших развитых, хо-холодных умов, люди были не более чем преходящие бактерии. Мы бы очистили Землю от этой заразы. Мы бы принесли в этот мир порядок и смысл.

— Вы хотели сделать из Земли что-то вроде глобального научного парка! — восторгался Доктор.

— Именно. Но в итоге наша ко-ко-колония была уничтожена, сметена вирусом, заурядным, как простуда. Выжил только я, я замёрз, когда Марс остыл, и его атмосфера уменьшилась, а реки испарились. Теперь я Последний Марсианин. Только я помню славную историю Марса.

— Да, я читал Герберта Уэллса, — сказал Доктор.

— Выдающийся историк.

— Сочинитель научной фантастики. Боюсь, ваш рассказ всего лишь фантастика. Вы подделка, выдумка, создание пера.

Доктор услышал, что над ним открывается люк. В трюм кто-то спускался. Он узнал мужчину из базы данных.

— Ага, а вот и сам автор. Вы пришли дописать финал? Так сказать, расставить точки над *и*?

— Арес! Арес! — завизжал Последний Марсианин.

— Это существо го-го-говорит, что я ложь. Убей его!

— Я убью его, Марси, но не за это. Моя компания вложила в терраформирование Марса все свои средства. Мы не могли просто так отдать его ледяным воинам. Поэтому мой отдел биотехнологий создал нашего собственного Марсианина. То, что отвечало ожиданиям всех. То, что всем понравилось. Но в твоём генетическом гриме были изъяны. Теперь это очевидно. В следующий раз мы всё сделаем правильно. Твоего сына. Или твою дочь. Корпорация «Арес» предоставляет рабочие места обоим полам.

— Да-да, Арес, пристрели его, чтобы он не мучился, — ехидно сказал Доктор. — Он ведь всего лишь раненый зверь с иллюзиями о величии.

Осьминог ринулся головой вперёд, пульсируя разными красками, как скрин-сейвер. Аппаратуру его жизнеобеспечения вырвало из стены, стеклянная колба ударила по плексигласовому корпусу корабля, и тот треснул. В помещение хлынула вода. Арес посмотрел в глаза существа и попятился к лестнице. Волны поднимались всё выше. Осьминог размахивал в воздухе щупальцами, его клюв трещал и пищал.

Когда Арес вынул оружие и открыл огонь, Последний Марсианин погрузился под воду и

выпустил маскирующую струю чернил. Арес задрожал.

— Я не знал, что он так может. Вы знали, что он так может?

Но Доктор уже вылез через люк. Вода беспрепятственно заливала треснувший корпус, пенилась, поднимаясь к потолку, в ней быстро распространялись чернила. «Аэлита» застонала, и её основа обрушилась.

Доктор оглянулся на судно со своего надувного плота с «Деи Торис»; ему это напоминало погружение «Лузитании». Но в гавани было мелко, и «Аэлита» уже лежала на дне. Погибших должно быть не много.

В долине поднялся ветер, он завывал и гнал через диски двух лун тучи. Члены «Красного Мира» сидели на палубе «Деи Торис», а в каюте Доктор и заговорщики сгрудились вокруг печки.

— Последний Марсианин был создан корпорацией «Арес»? — не верила Корвет.

— Да, — ответил Доктор. — Замечательный образец генной инженерии, но вовсе не марсианское существо.

— И водоросли. Они нас всех подставили, — сказал Морган.

— Боюсь, что да. «Малиновая Заря» была всего лишь бандой нанятых корпорацией «Арес» наёмников.

Водоросли красного цветения, взрыв в «Скушай Марс», и все остальные теракты были спланированы для дискредитации «Красного Мира». Ареса ничто не остановит в его стремлении оставить Марс в собственности его компании. Даже уничтожение его собственного создания. Иногда мне кажется, что людской род излишне неудержим.

— Остынь, Доктор, — радостно сказал Хиляль. — Теперь, когда Последнего Марсианина взорвали, Марс принадлежит ледяным воинам. Превосходно!

Зрачки Доктора словно превратились в две чёрные дыры, поглощавшие слабый свет каюты. Только Лила почувствовала его тревожные мысли.

Внезапно в каюте раздался странный звук.

— Доктор, что это?

Доктор отбросил в сторону лежавший на полу пыльный коврик. Каюту наполнила призрачная люминесценция рыбацкого эхолота «Бенчли-5». На его экране пульсировало большое пятно света.

— К нам что-то движется.

— Это не может быть косяк рыбы, — сказала Корвет.

Доктор смотрел на расплывчатое пятно, несущееся по экрану. Внезапно каюта резко накренилась. С палубы донеслись испуганные крики и глухие удары. Первым к двери каюты подбежал Хиляль. Едва он разглядел упавшие тела своих товарищей, как его

грудь взорвалась, превращаясь в кровавое месиво. Он упал на ступени.

— Но как? — удивлённо спросила Корвет.

«Дежа Троя» снова дёрнулась. Только Лила устояла на ногах. Во тьме по дубовому корпусу баржи носились лучи света. К «Дее Торис» подплыл катер с логотипом корпорации «Арес». Пол Арес, вооружённый плазменным ружьём, ступил на борт и зашёл в каюту.

— Убийца! — воскликнул Морган.

Арес улыбнулся:

— Вы и ваши спутники — разыскиваемые террористы. Я всего лишь исполняю свой гражданский долг.

Лила бросилась на директора, и он выстрелил из своего оружия, ранив её в бедро. Жар лазера почти мгновенно прижёг рану. Лила свалилась на бок, а Арес снова прицелился. Корвет закричала. Баржу резко перекосило. Арес исчез.

Морган, Лила, и Корвет смотрели на пустую лестницу.

— Не хочу показаться неблагодарным, — сказал Доктор, — но что случилось с нашим гостем?

Подумав, Лила ответила:

— Он исчез.

Лила и Доктор поднялись на палубу. В темноте повелитель времени рассмотрел маслянистое пятно, поднимающееся из глубины канала.

— Тут что-то было, — сказала Лила. — Что-то живое.

Затаив дыхание, Доктор смотрел на укрытый ночью канал. Из каюты снова донёсся писк эхолота.

— Лила, спустись по лестнице, там есть гарпун. Нашла? Хорошо. Принеси его сюда, пожалуйста. К-9, включи свою защиту от морской воды. Когда я скажу, пропусти по железным шпангоутам судна электрический ток.

— Параметры, хозяин?

— Что-нибудь порядка выходной мощности небольшой электростанции. Напряжением, скажем, 30 киловольт.

— Хозяин, я не способен генерировать такой ток дольше секунды не разрядив полностью свой аккумулятор. Вызванные этим повреждения моих нейронных сетей могут оказаться фатальными.

— Сожалею, К-9. Надеюсь, всё закончится быстро.

— Понятно, хозяин.

Лила заняла позицию на носу, правой рукой оценила вес гарпуна, и сместила свой центр тяжести так, чтобы иметь максимальный размах.

Внезапно Морган закричал. Обернувшись, Лила увидела, что мясистое щупальце обернулось вокруг

его туловища, подняло его в воздух, и медленно сжимало, не давая дышать. Она швырнула гарпун в направлении ватерлинии, где, казалось, было основание щупальца. Щупальце отпустило Моргана, выронив его на палубу.

Доктор повернулся к К-9:

— Давай!

На мгновение воздух наполнился запахом горелой плоти. Затем щупальце неуверенно сползло обратно под воду.

Откуда-то из трюма баржи раздался треск древесины. «Дея Троя» начала наполняться водой.

— Не пора ли нам плыть к берегу? — спросила Корвет.

— Нет, — ответил Доктор. — Если существо выжило, звук двигателей его привлечёт.

— Это был Последний Марсианин, да? — едва говорила Корвет.

— Он, наверное, приплыл на вибрации катера Ареса, — согласился Доктор. — Вопрос в том, как нас нашёл Арес?

Морган стонал от боли и Доктор подошёл к нему, чтобы осмотреть. Туловище мужчины было покрыто ранами в виде полумесяцев, оставленными покрытыми зубцами конечностями моллюска. Доктор начал перевязывать его грудь, и он скривился.

— Несколько сломанных рёбер, ничего страшного, — успокаивал его повелитель времени.

— Ты плачешь, как ребёнок, — шутливо сказала Лила. — Воины должны гордиться своими ранами, — она сдвинула кожаный ремешок и показала неровный шрам под левой грудью: — Укус хорда. Существо уже умирало, но всё ещё цеплялось за жизнь.

Доктору понравилось, что есть чем отвлечься от серьёзности ситуации. Он распахнул свою рубаху.

— А как вам это? — он указал на свою грудь, на которой не было ни единого шрама. — Сара Джейн Смит. Разбила оба сердца.

Лила увидела на правой руке Корвет ряд тонких диагональных шрамов. Для боевых ран они были слишком ровными.

— Это отметины твоего племени? — спросила она.

— Это рельефный код, — ответила Корвет. — С «Орион-VI».

— Вы были на «Орион-VI»? — спросил Морган.

Среди учёных Федерации эта обречённая на провал экспедиция была легендой.

— Эту татуировку нанесли на мою руку в департаменте занятости, — продолжила Корвет. — Я была жертвой последнего сокращения в секторе высшего образования. Татуировка содержит моё личное дело, все мои попытки найти работу. Без неё я не имела бы права на пособие по безработице.

Корвет закатила рукав. Серое пятно тянулось от её запястья до локтя.

— Мой тайный позор, — засмеялась она. — Не так уж много должностей, на которые может устроиться антрополог. В конце концов меня отправили на общественных началах изучать другие планеты. Нас там было сто человек, в основном антропологи, социологи, и когнитивные психологи. Нас отправили на Аридий, это было частью секретной операции по определению его пригодности для входа в состав Федерации. Нас доставляли кораблём третьего класса «Орион-VI», и я сразу поняла, что он не готов к такому путешествию. Когда мы прибыли на Аридий, двигатели взорвались. Работала только одна спасательная капсула. Мы набились в неё битком, но нас было слишком много, и мы упали в Северную Трясину. В первую же ночь нас нашли Трясинные Твари. Мы слышали их фырканье, когда они вынюхивали в корпусе слабое место. Их было много. Мы перед ними словно на подносе лежали. Скоро начались крики. И я увидела, как выпуск 2420-го года рвут на части. Сто лет назад они бы были членами интеллектуальной элиты, а теперь они были просто пушечным мясом. Сто учёных отправились в Топь, а вернулась я одна. На четвёртый день, перед самым прибытием спасателей, мой партнёр попытался толкнуть меня к зверю Топи, чтобы меня съели

раньше. Тогда я поняла, что человеческие существа ничем не лучше зверей Топи. С того момента я перестала быть добычей и стала охотником.

Подумав над её рассказом, Доктор спросил:

— И после того, как вас спасли, вы нанялись в корпорацию «Арес»?

Корвет резко подняла голову. Чем она себя выдала? Она ничего не ответила. Вместо слов она вынула из внутреннего кармана куртки толстый чёрный цилиндр.

— Бомба, как оригинально, — ухмыльнулся Доктор. — Это ведь вы подложили бомбу в «Скушай Марс», не так ли? И вы привели сюда Ареса. Я заметил ваш взгляд, когда он собирался убить нас. Подозрение у меня вызвал наш побег из столицы. Это было слишком просто. С тех пор К-9 держал вас под наблюдением. Правда, К-9?

— Подтверждаю, хозяин, — чирикал верный компьютер.

— А ещё К-9 обезоружил вашу бомбу.

Корвет быстро взглянула на дисплей бомбы, увидела, что Доктор сказал правду, и со злостью отшвырнула её в сторону.

— Вы идиоты. Отдать Марс ледяным воинам? Это же зелёные монстры. Я знаю. Я их видела. На Аридие, на Марсе, на Венере... — Корвет не сводила взгляд с повелителя времени. — Что вы такое?

— *Кто я такой?* — поправил её Доктор. — Всего лишь странник, проходивший мимо, исправляющий зло, совершающий добро, и всё такое.

— Нет. Это всё не то. Как только эта девушка вас описала, я поняла, что уже слышала о вас. Во время своих исследований я собрала рассказы о таких, как вы, существах: Бродяга Зон, Вор Тени, Обманщик Времени. Имена и мифы на разных планетах были разные, но я всегда подозревала, что за ними стояло реальное, живое существо. Чудовище.

— Чудовище? — возмутился Доктор. — Мне кажется, что вы путаете меня с далеком, или с криоидом, или с собой.

— Ваших спутников, возможно, обманывает ваш облик, «Доктор», но мифы позволяют мне видеть вас глазами времени. Вы пустой человек, не наполненный сосуд. Если вас не наполнить жизнями и мечтами людей, ваше существование не будет иметь смысла. Вы как чёрная дыра, поглощающая свет живых, такой же бездушный, как предмет. Пока что вас удовлетворяет обмен с вашими спутниками мечтами о будущем, но однажды ваши неутолимые желания могут раскрыть такую широкую пропасть, что будет поглощена вся вселенная. Что же, ваше будущее сейчас закончится.

Доктор смотрел на неё широко раскрытыми глазами:

— Вы знаете, мне кажется, что вам лучше прилечь. И тут заверещал эхолот.

— Опять клюёт? — съязвил Доктор.

Корма «Деи Торис» внезапно вылетела из воды. Люди посыпались на палубу. Прямо перед ними был клюв Последнего Марсианина. Существо обернуло свои щупальца вокруг баржи и втаскивало себя на палубу.

— Добрый вечер! — поприветствовал Доктор. Он вынул из кармана бумажный пакет. — Не хотите мармеладку?

— Ещё! Ещё! Что было дальше?

Маленькие фигурки столпились вокруг Моргана, чтобы услышать его рассказ. Некоторые залезли на стену, чтобы быть ближе к рассказчику. Дети — это просто кровожадные черти, — подумал он. Но сейчас Вечер Возрождения, можно простить им чрезмерное возбуждение.

— Лила увидела, что щупальца Последнего Марсианина рвут «Дею Торис» на части, доска за доской. Она набрала полную грудь воздуха и нырнула в канал. Под водой она заглянула в бездушные глаза головоногого моллюска. Сжимая в одной руке нож, а в другой шип джэнис, она бросилась прямо в основание щупалец существа. Перед ней была мёртвая Корвет, почти разорванная пополам безжалостным острым

клювом чудовища. Одно из щупальцев схватило Лилу за ногу, а другое обернулось вокруг грудной клетки. Лила ударила ножом. Кольца глаз осьминога потемнели и стали фиолетовыми. Её тянуло к клюву существа. А затем Последний Марсианин задрожал. Его хватка ослабла. Лила воткнула в его мясистый глаз шип джэнис, и существо умерло. Потом, когда мы все барахтались в воде, Доктор объяснил, что водоросль красного цветения подействовала на нервную систему чудовища. Тварь подохла от яда шипа джэнис и крохотных существ, которых Арес решил натравить на Марс.

— А дальше? А дальше? — хором просили дети.

— Вы знаете, что было дальше, — сказал Морган.

Он рассказывал это уже двадцать лет, двадцать Вечеров Возрождения.

— Да, Морган, расскажи ещё, — на фоне звёздного неба был силуэт кого-то, одетого в плащ.

Глаза детей широко раскрылись. Несколько самых храбрых подбежали, чтобы коснуться края плаща.

— В последний раз я видел Доктора в доках, на равнине Утопия. Он восстанавливал свою «Дею Торис». С ним были Лила и К-9. Храбрый компьютер смог выплыть на берег на деревянном плоту. Я сказал Доктору, что с Земли выслали судью, который рассмотрит права ледяных воинов на Марс, но что потребуется много десятилетий, чтобы найти

разбросанные по всей Вселенной семьи и племена. И тогда Доктор поведал мне секрет Фобоса. Он заметил, что этой луны нет на древнем иероглифе в Долине Воинов, и изучил этот вопрос, когда проник в базу данных корпорации «Арес». Его сомнения подтвердились. Фобос оказался огромным звездолётом, который доставил доисторических предков ледяных воинов на Марс. И когда планета начала умирать, ледяные воины попытались снова улететь на нём. Но его конструкция состарилась, он не смог покинуть орбиту, и миллион ледяных воинов до сих пор находились внутри него, в анабиозе. Доктор передал на корабль сигнал. Вскоре ледяные воины начали просыпаться. И день их пробуждения был назван День Возрождения.

Дети радостно закричали. И по всем склонам горы Олимп ледяные воины повернулись, чтобы встретить рассвет. Покров ночи отходил, и они приветствовали планету как свою.

— А Доктор? — спросил Ледяной Повелитель.

Морган только улыбнулся и посмотрел на ближайший канал — один из ирригационных каналов в огромной сети, которая сейчас окружала весь Марс. Ему хотелось верить, что Доктор до сих пор где-то там, рыбачит на своей барже.

ГДЕ СЕРДЦЕ

Энди Лэйн

— Думаю, можно переходить к пятому пункту, — сказал Роберт Уокер, полноватый помощник министра вооружённых сил. В лежащую перед ним программу заседания он заглядывать не стал. — Если я не ошибаюсь, пятый пункт связан с отказом Великобритании от участия в спецподразделении разведки ООН (UNIT).

На мгновение бригадиру Алистеру Гордону Летбридж-Стюарту показалось, что он ослышался, но когда до него дошёл весь смысл слов Уокера, он почувствовал, как его пальцы крепко сжимают чернильную авторучку. Он заставил себя расслабиться. Эту ручку ему подарила Дорис.

— При всём уважении, сэр, — сказал он, стараясь не показать свой гнев, — мне кажется, что на самом деле пункт повестки называется «уровень финансирования UNIT». Там нет упоминания того, что Великобритания отказывается от своих обязательств.

— Обязательства — это, конечно, очень хорошо, бригадир, — спокойно сказал Уокер, — но при сокращении государственного бюджета мы вынуждены экономить на всём, на чём возможно. Казначейство требует от меня сократить в этом году расходы ещё на пять миллиардов фунтов, и мы

выдали из министерства обороны, службы безопасности, и тайной разведслужбы всё, что было можно. Деньги должны откуда-то поступить, а UNIT, как вы наверняка согласитесь, обходится государству очень дорого. Одна лишь стоимость аренды земли в центральном Лондоне под ваш штаб просто астрономическая. Боюсь, что теперь под прицелом UNIT.

Летбридж-Стюарт обвёл взглядом сидевших за большим столом членов Тайного Комитета по Финансам: вежливые гражданские чиновники и жёлчные военные офицеры, все без единой капли мужества. Над ними, с висящих на стене массивных картин, написанных маслом, взирали давно умершие мужчины, их лица блестели от лака, но помочь от них тоже ждать не приходилось.

Под прицелом? Когда они последний раз видели перед собой оружие далека? Когда они последний раз видели дыру, пробитую в подчинённом выстрелом из руки автомата?

Снова посмотрев на Уокера, он сказал:

— Протоколы UNIT, которые связывают нации в их борьбе против инопланетного завоевания, пять лет назад были ратифицированы в Женеве министром внутренних дел Великобритании. Механизм выхода из этого договора предусмотрен не был. Простите, сэр, но Великобритания и так вкладывает в UNIT меньше

денег, чем Люксембург, несмотря на то, что две трети попыток инопланетного вторжения за эти пять лет имели место именно в Великобритании. Мне что, нужно напоминать вам, — он почувствовал, что повышает голос, но не мог сдержать себя, — о трёх вторжениях нестин? Об атаке на исследовательский центр в Уэнли Моор? Уж, кто-кто, а вы не должны были забыть о морских дьяволах.

Толстое лицо Уокера нахмурилось, и Летбридж-Стюарт понял, что его слова напрасны. Где-то в коридорах власти решение уже было принято. Было поздно что-либо менять.

— Давайте без мелодрам, бригадир, — сказал Уокер. — Правительство Её Величества полагает, что...

— О, боже мой, — резко сказал Летбридж-Стюарт, — да вы хоть читали мои рапорты? Вы знаете, сколько раз ваше драгоценное Казначейство было на грани того, что его сотрёт с лица земли инопланетная армия?

Он уже почти встал со стула и дышал отрывисто; он силой заставил себя успокоиться. Из приоткрытого окна ему было слышно приглушённый гул автобусов и недовольные сигналы такси на улице Уайтхолл. Никому не было дела до небольшой битвы, разгоревшейся между покрытых дубовыми панелями стен зала для совещаний. Там, на улице, никто и не

догадывался, насколько тонкая линия отделяла их от их самых худших кошмаров.

Роберт Уокер что-то малевал в лежащем перед ним блокноте.

— Никто не сомневается в ваших непрестанных стараниях защитить нас всех от угрозы из космоса, — раздражённо сказал он. — Но мы платим огромные деньги за то, чтобы ваши люди месяцами ничего не делали из-за того, что в каком-нибудь пригороде могут появиться маленькие зелёные человечки с Марса.

— Мы выполняем и другие обязательства, сэр, — сухо сказал бригадир. — UNIT отвечала за безопасность делегатов Первой Международной Конференции о Мире, а также последующих переговоров в Одерли Хаус. Затем было безопасное обезвреживание ракеты Thunderbolt с нервно-паралитическим газом...

— Вы тогда тот ещё беспорядок устроили, — пробормотал один из мужчин за столом.

— А в данный момент мы расследуем исчезновение одного из ваших коллег-министров.

— Да, да, я всё это знаю, — Уокер стучал пальцем по столу. — Мне понятна ваша позиция, бригадир, но если говорить без прикрас, UNIT нам просто не по карману. Пожалуйста, передайте своему начальству в Женеве, что Объединённое Королевство предлагает

перенаправить финансирование на менее расходные подразделения.

— Позвольте спросить, — спокойно сказал бригадир, пытаясь не сломать свою авторучку, — о каких именно подразделениях идёт речь?

Уокер кивнул:

— Разумеется. Мы рассматриваем возможность того, что обязанности UNIT, когда в этом будет возникать потребность, будет выполнять Королевская Морская Пехота. С финансовой точки зрения это абсолютно логично, а... Позвольте мне говорить честно, бригадир; история вашего взаимодействия с обычными вооружёнными силами не безупречна, не так ли?

Летбридж-Стюарт отвернулся в сторону одной из картин, чтобы Уокер не увидел гнев в его взгляде. История взаимодействия с армией? Его начальство в Женеве? Боже правый, он же не просил, чтобы его перевели из его полка в UNIT, его назначили! Дорис предупреждала его о том, что так случится, а он её не слушал. «Не переживайте», — говорили ему тогда, — «это не повредит вашей карьере». На одной из этих картин на стене, наверное, есть его отец. И его дед. И вдруг, ни с того, ни с сего, он превратился в чужака.

— Могу ли я высказать своё мнение по этому вопросу? — сдержанно спросил он.

— Нет смысла, — улыбнулся Уокер. — Решение уже принято.

— Вы понимаете, что я этого так не оставлю?

— Конечно, — ответил Уокер. — Я прочёл столько ваших рапортов, что не сомневаюсь в вас. А теперь давайте перейдём к шестому пункту повестки...

Пока одетый в белый халат администратор листал свою регистрационную книгу, Доктор со знанием дела осматривал вестибюль этой загородной усадьбы. Весьма неплохо. Можно даже сказать, впечатляюще. Примерно конец шестнадцатого века, и в неплохой сохранности. Он был бы не против побродить несколько часов в винном подвале этого дома, но сейчас у него было дело.

От мысли об этом деле его снова охватило возмущение. Это было ниже его интеллектуальных способностей — искать пропавших людей, пускай даже один из них был министром. И это не его вина, что UNIT сделали свалкой для всех загадочных дел. Он высказал всё это бригадиру, но тот лишь старыми добрыми фразами британского военного языка велел ему закрыть рот и идти искать пропавших людей. Подгоняемый гневом, он очень быстро обнаружил, что у всех пропавших в записных книжках был один и тот же телефонный номер, зарегистрированный за эксклюзивной клиникой доктора Данталион.

Естественно, он сразу же поспешил сюда, в эту клинику. Когда он раскроет эту маленькую тайну, он с большим удовольствием ткнёт бригадира носом в результат.

— Простите, сэр, — сказал сидящий за дубовым столом администратор. — Я не могу найти записей о назначении вам приёма, — на его лице эмоций было не больше, чем на его белом халате. — Повторите, пожалуйста, ваше имя.

— Меня зовут Доктор, — с доброй улыбкой ответил он. — И, боюсь, я не назначал приём.

— Доктор? — лицо администратора по-прежнему ничего не выражало. — Вы пришли за профессиональной консультацией?

— Мне порекомендовал обратиться сюда один мой знакомый, — он потёр рукой затылок. — Я приехал из Лондона, как только выпала возможность.

— Доктор Данталион не принимает... — администратор мельком осмотрел бархатный пиджак Доктора и рубаху с оборками, — обычных посетителей. Это довольно эксклюзивная клиника. Нас интересуют только те, кто может позволить себе наши расценки.

— И насколько же высоки ваши расценки? — спросил Доктор.

Что-то в администраторе было подозрительным. Его халат был слишком идеально выглажен, волосы

слишком хорошо уложены. Было в нём что-то не совсем... человеческое. Хм. Похоже, что тут скрывается нечто большее, чем ему изначально казалось. Быть может, это всё-таки дело именно для UNIT.

— Если вы спрашиваете о том, насколько они высоки, — ответил администратор, — значит, вы не можете их себе позволить.

— А если я предложу... ну, скажем, порядка десяти тысяч фунтов за консультацию? Не согласится ли тогда доктор Данталион принять меня?

Администратор немного подумал, а затем сказал:

— Будет лучше, если перед тем, как беспокоить доктора, я выясню несколько деталей, — он вынул из ящика бланк и взял чернильную авторучку. — Имя?

— Смит. Доктор Джон Смит.

Администратор записал это имя не моргнув и глазом. Доктор слегка улыбнулся. Большинство людей как-то комментируют это явно вымышленное имя.

— Профессия? — продолжил служащий.

— Эксцентричный изобретатель, — ответил Доктор.

Это тоже было записано.

— Ближайшие родственники?

Это был ключевой вопрос.

— Нет, — ответил он. — У меня нет живых родственников.

Ручка зависла над бланком, но выражение лица администратора оставалось неизменным.

— Пойду, спрошу у Доктора Данталиона, сможет ли она вас принять сейчас, — он положил ручку на стол, встал, и повернулся, чтобы идти к большой дубовой двери. — Пожалуйста, подождите здесь.

Доктор, подчиняясь внезапному интуитивному порыву, взял со стола ручку, наклонился, и нарисовал на спине администратора, между лопаток, линию. Тот никак на это не прореагировал, а пошёл к двери. Доктор не удивился, увидев, что чернила медленно стекают по белому халату. Из чего бы ни была изготовлена одежда, это явно был не хлопок.

Доктор подумал о том, не воспользоваться ли стоящим на столе телефоном, чтобы позвонить бригадиру, но это было бы равносильно просьбе о помощи, а после того, что сказал бригадир, просить помощи Доктор не хотел. Нет, хотя это и серьёзнее, чем он предполагал, но он сам доведёт дело до конца, и уже сегодня вечером представит бригадиру готовый результат.

— Доктор Смит, — раздался у него за спиной голос.

Он спрятал ручку в карман и, обернувшись, увидел подходившую к нему женщину в дорогом розовато-лиловом костюме-тройке.

— Я очень рада видеть коллегу-медика.

— Что же, взаимно, — ответил Доктор. Как он и предполагал, администратор не появился. — Вы доктор Данталион? — он протянул руку.

— Да, это я, — Данталион посмотрела на протянутую руку, но пожимать её не стала. — Пройдите, пожалуйста, за мной, — она указала на дверь, за которую ушёл администратор.

Доктор обратил внимание, что её улыбка ни на мгновение не исчезала.

— После вас, — сказал Доктор, указав рукой.

Посмотрев на него, Данталион прошла в дверь, не прекращая при этом улыбаться. Доктор пошёл за ней, удовлетворённо отметив про себя, что на спине её пиджака, между лопаток, была линия ещё не высохших чернил. Это раскрывало как минимум одну тайну. Пришелец был всего один. Какой он был расы пока не понятно, но это быстро выяснится.

За дверью была комната с книжными шкафами и большим окном до пола, прикрытым шторами. Шторы слегка разевались на сквозняке. Данталион села за большой дубовый стол, на котором были только журнал для записей, графин, и два стакана.

— Итак, доктор Смит, — сказала она, не переставая улыбаться, — чем я могу вам помочь?

— Ну, для начала, — сказал Доктор, усевшись в кресло и скрестив ноги, — возможно, вы соблаговолите отказаться от этой глупой маскировки.

Данталион никак не прореагировала.

— И не бойтесь, что ваш инопланетный вид может меня напугать, — продолжал Доктор. — Смею вас заверить, мне ещё доведётся увидеть гораздо более страшных.

Улыбка Данталион дёрнулась, как и всё остальное тело. Доктор спокойно смотрел, как её форма, исказившись, растаяла, а под ней проявился маленький пришелец с лицом, похожим на абрикосовую косточку, и с шестью тонкими ручками, торчащими из проёмов в хитиновой грудной пластине. Один глаз у него был чёрный и прозрачный, а другой представлял собой металлический шар.

— Как вам удалось найти изъян в моей тщательной маскировке? — жужжащим голосом спросил пришелец.

— У меня большой опыт, — сказал Доктор, — и блестящий ум.

Лицо Данталион сморщилось, должно быть, пришелец был разочарован. По крайней мере, — подумал Доктор, — это его настоящее лицо, а не голограммическая проекция.

— Вы ведь байрастроп, не так ли? — продолжил Доктор. — Вы очень далеко от дома.

Данталион кивнул:

— Далеко. И вы тоже не из рода *Homo sapiens*, несмотря на ваши манеры. Ваша маскировка намного

превосходит мои скромные потуги, — его настоящий глаз слегка расширился. — Кстати, вы не откажетесь немного выпить? У меня есть немного алкоголя, который я держу для... — он кашлянул, — чисто медицинских целей.

— Почему бы и нет, — ответил Доктор, отметив про себя, что речь пришельца стала более цветастой.

Пока Данталион наливал из графина в стаканы молочную жидкость, Доктор продолжил:

— А теперь, когда мы завершили обмен любезностями, быть может, вы соблаговолите рассказать мне, где находятся пятеро пропавших людей, и что вы делаете на этой планете?

Данталион передал один из стаканов Доктору, и тот пригубил напиток.

— Мне явно нет смысла увиливать, — сказало существо. — Вы слишком умны, чтобы купиться на мою актёрскую игру.

Доктор стряхнул с рукава своего пиджака невидимую пылинку:

— Ну, даже не знаю, — сказал он. — Не умнее, чем средней руки гений, — он обезоруживающе улыбнулся и попытался снова поднести стакан к губам, но его рука словно примёрзла к подлокотнику.

— Но, к счастью, не настолько умны, чтобы отказаться от зелья, которое вызывает мгновенный

паралич любого существа, кроме байрастропов, — добавил Данталион.

Доктор попытался встать, но мышцы его не слушались. Слова бурлили в его сознании, но губы оставались неподвижными, на них застыла глупая ухмылка. Если бы только он сказал кому-нибудь о том, куда пошёл, но бригадир был на совещании, а Джо была в столовой с Майком Йейтсом и сержантом Бентоном. Он был так доволен собой, тем, что смог вычислить, куда ушли все пропавшие люди, что умчался, не оставив даже записки.

Данталион нагнулся и с интересом заглянул в глаза Доктора.

— Жду не дождусь, когда начну вас разрезать, — сказало оно, — как я разрезал тех пятерых.

Доктор сконцентрировал всю свою волю на правой руке. Если он сможет ей двигать, то можно будет попробовать вырубить Данталиона правым хуком. Он чувствовал, как его сердца напрягаются, но рука не шевелилась. Ни на миллиметр.

В тот момент, когда Данталион навис над парализованным Доктором, шторы, закрывающие большое окно, раздвинулись, и в комнату вошла Джо Грант. В руках у неё был большой пистолет, который, должно быть, занимал в её сумочке всё свободное место. Она направила пистолет на Данталиона. Доктор

был слишком недоволен собой, чтобы почувствовать облегчение.

— Не двигаться, — сказала она почти без дрожи в голосе. — На этой неделе я провела в тире пятнадцать часов, я знаю, как пользоваться этой штукой.

Если бы Доктор мог говорить, у него был бы большой соблазн заметить, что четырнадцать из этих часов ушло на то, чтобы она хоть раз попала в мишень.

Бригадир Летбридж-Стюарт слышал доносившиеся из коридора голоса. Судя по ним, большая часть старшего персонала собралась в лаборатории Доктора, чтобы отметить вчерашнюю поимку какого-то инопланетного существа. По крайней мере, им удалось узнать, что случилось с пропавшим министром и с другими четырьмя людьми. Бригадира тоже пригласили, но он не решился присоединиться, понимая, что когда он вернётся, эта папка будет по-прежнему лежать на его столе.

Он снова взял её в руки: розовато-красная картонная папка со штампом «СЕКРЕТНО». В ней лежали четыре листа бумаги: протоколы заседания Финансового Комитета под председательством Роберта Уокера. Папку этим утром доставил специальный курьер. Это был смертельный приговор для UNIT, изложенный типичным гражданским многословием.

Должно же было быть что-то, что он мог сделать! Должен же был быть кто-то, кто мог помочь. Англия нуждается в UNIT. Он нуждался в UNIT.

Когда он потянулся к трубке телефона, всё ещё не решив, кому звонить, его мысли прервал голос:

— Я думал, что вы тоже придёте на вечеринку, старина, — сказал Доктор.

Он стоял в проёме двери, держа в руках пластиковый стаканчик.

— Мне нужно оформить кое-какие документы, — неуверенно оправдывался бригадир. — Я подойду попозже. Начинайте без меня.

— Мы уже начали, — сказал Доктор.

Из трубки запищал голос оператора, и бригадир рявкнул:

— Соедините меня с Чинном в министерстве внутренних дел.

— Чинн? — задумался Доктор. — Жуткий дядька; я надеялся, что после дела с аксоном мы о нём больше не услышим.

— Выбирать сейчас не приходится, Доктор.

В телефонной линии раздавались щелчки соединений в линии правительственной связи.

— Проблемы? — Доктор оттолкнулся от дверного проёма и опустился на стул.

Летбридж-Стюарт вздохнул и потёр ладонью глаза.

— Правительство хочет расформировать UNIT, — сказал он. — Чёртовы бюрократы считают, что мы тут только задницы отсиживаем в ожидании нападения. Я пытаюсь сопротивляться, Доктор, но я...

— Не позволяйте им использовать вас в этой их междоусобице; вы, люди, так их обожаете, — сказал Доктор. — Постойте за себя. Кстати, вы не слышали о нашем последнем небольшом успехе?

— Думаю, всё не совсем так...

— Мне удалось узнать, куда девались пропадавшие люди. Оказалось, что инопланетное существо выдавало себя за врача в эксклюзивной клинике, и расправлялось с богатыми людьми, у которых не было семей. Мы нашли их запакованными в пластиковые мешки, расчленёнными на отдельные органы. Очень аккуратно, очень профессионально. Хоть убейте, я пока не знаю зачем, а само существо рассказывать отказывается. Мы его заключили под стражу в подвале, — он потер подбородок. — Я пока что не понял, как он провернул этот фокус с маскировкой... От природы байрастропы свою форму менять не могут.

Кто-то на другом конце телефонной линии сказал:

— Телефон Горацио Чинна, чем я могу вам помочь?

— Не вешайте, пожалуйста, трубку, — сказал бригадир и повернулся к Доктору: — Послушайте, Доктор, я...

— Это существо называет себя Данталион, — продолжал Доктор. — Должно быть, оно тут уже давно... Успело приобрести усадебный дом, выучилось говорить на идеальном, хотя и слегка викторианском, английском; устроило маскарад, изображая как минимум двух разных людей, разместило рекламу в «Таймс», чтобы жертв к себе заманивать. Оно обещало вылечить от неизлечимых болезней... Типичный ход шарлатана. Любому, кто заинтересовался, оно высыпало анкету с вопросами о благосостоянии и наличии наследников. Тех, у кого было много первого и не было второго, оно приглашало в клинику, а другие получали отказ под каким-нибудь предлогом.

— Доктор, я сейчас очень...

— Существо нуждалось в богатых людях, чтобы оплачивать свой шикарный образ жизни. Они, разумеется, платили ему наличными и никому не говорили о том, куда направляются. Это было одно из условий Данталиона, и он знал, что отчаявшиеся люди согласятся на что угодно.

— Алло, — сказал голос на другом конце телефонной линии, — это личный ассистент Горация Чинна. Чем я могу вам помочь?

— Прошу вас, Доктор, я на...

— Должен сказать, — продолжал Доктор, заглушая возражения бригадира, — что мне импонирует его наглость. И его пристрастие к хорошим винам — у него довольно большой подвальчик.

— Доктор, прошу вас!

Доктор выглядел обиженным.

— Простите, старина. Я явно не вовремя. Мы оставим для вас бутылочку, — встав, он заглянул в свой почти пустой стаканчик. — Ну, в крайнем случае, полбутылки.

Когда он вышел, бригадир повернулся к телефону.

— Говорит бригадир Летбридж-Стюарт, UNIT. Я хотел бы обсудить с мистером Чинном один важный вопрос.

Когда бригадир зашёл в наполненную людьми лабораторию, Джо Грант дёрнулась. Он был так зол, что у него встопоршились усы. Осматривая всю комнату, он остановил взгляд на ней — она сидела на одном лабораторных столов Доктора и слушала грязные шутки капрала Белла.

— Мисс Грант! — рявкнул бригадир.

Капрал Белл стала смирно и попятился с линии огня. Джо вскочила на ноги.

— Да, сэр, — сказала она, — то есть, нет, сэр. В смысле...

— Вино ещё осталось?

Она с опаской нагнулась, открыла дверь стола, и вынула бутылку, которую она припрятала от Доктора:

— Боюсь, только одна, сэр.

Бригадир схватил стоявший рядом с ней пластиковый стакан, налил себе в него щедрую порцию вина, и залпом проглотил его.

— Плохой день, сэр? — спросил Майк Йейтс, улыбаясь тому, что Джо протиснулась через толпу подальше от бригадира. В руках у Йейтса была тарелка с закусками.

— Отвратительный, — сказал бригадир. — Правительство хочет передать обязанности UNIT военно-морским силам и заниматься этими проблемами самостоятельно, а весь остальной мир предоставить Женеве. Уокер усиливает своё влияние; должно быть, ему пришлось просить о многих одолжениях, чтобы это решение ратифицировали так быстро. Если верить слухам, они уже назначили какого-то узколобого контр-адмирала, чтобы он командовал этим цирком. По имени Джонатан Зэкка. Никогда с ним не сталкивались?

— Нет, сэр, — лицо Майка побелело. — Но, сэр, как они могут...

— Расходы, капитан Йейтс. Великий бог Финансы. Если мы хотим сопротивляться, нам придётся существенно сократить свои расходы. Я звоню во все концы, выпрашиваю услуги, но никто ничего не

обещает. Горацио Чинн отказался со мной говорить, а сэр Реджинальд Стайлс сейчас за границей.

Он посмотрел в другой конец лаборатории, где высокий, седовласый Доктор потчевал сержанта Бентона длинной подробной байкой о своих путешествиях, небрежно опираясь на стену ТАРДИС. Джо показалось, что Доктора сказал «медузоиды», но она не была уверена в этом.

— Проблема в том, — продолжал Летбридж-Стюарт, понизив голос, — что Доктор за несколько лет успел рассердить стольких чиновников, что у нас почти не осталось друзей. В том деле о морском дьяволе он выставил Уокера идиотом, а Уокер этого так просто не простит.

Бригадир перевёл взгляд на Джо:

— Я даже к вашему дяде обратился, мисс Грант. Он мне посочувствовал, но, как оказывается, ему должны дать рыцарский титул...

— И он не хочет раскачивать лодку? Это в духе дяди Билла, — Джо кивнула и нахмурилась. — Но должно же быть что-то, что мы можем сделать?

— Ваш дядя предложил кое-что, — добавил бригадир. — Он заметил, что наибольшей статьёй расходов UNIT является штаб.

Джо обвела взглядом лабораторию:

— Что, это здание?

— Да, это здание. Несмотря на неказистый вид, недвижимость в центре Лондона очень дорогая. Он сказал, что если мы сами сможем найти более дешёвое место, то тогда он сможет замолвить о нас слово помощнику министра. Всё это дело зависит от финансирования.

— Но где нам найти место, подходящее для такой организации, как UNIT? — возразила Джо. — Ну, не можем же мы, как в «Живёшь только дважды», зайти в агентство по торговле недвижимостью и попросить секретную базу, спрятанную в вулкане.

— Я понимаю серьёзность этой проблемы, — слегка фыркнув, сказал бригадир. — Но никто, ни в министерстве обороны, ни в министерстве внутренних дел не станет за нас это делать.

Он вздохнул и забрал с тарелки Майка последнее пирожное:

— Спасибо, капитан Йейтс.

— Сэр?!

— ЗДП, капитан. Звание даёт преимущество. В общем, я вам уже, наверное, надоел этой политикой. Расскажите мне об этом пришельце, которого вы поймали.

— Не я, сэр... Джо, — начал Майк, с тоской глядя на исчезающее пирожное. — Доктор, как обычно, отправился один, и Джо пришлось отправиться следом и спасать его.

— Хорошо, что я заметила, как он выходит из лаборатории, и пошла за ним, — добавила Джо. — Я поняла, что он что-то затеял, по выражению его лица. Не знаю, что бы он без меня делал.

— В этот раз всего один пришелец? — спросил бригадир. — Непривычно как-то.

— Да, сэр, — подтвердил Йейтс. — Утром прибыл следователь из Женевы. Сейчас он с существом в подвале, пытается его допросить, но оно молчит. Мы отправили образец его тканей доктору Лиз Шо, в Кэмбридже, чтобы она попыталась разработать сыворотку правды, а криминалисты исследуют каждый квадратный сантиметр дома.

— Доктор сказал, что оно убило пять человек.

— Так точно, сэр. Разрезало их на части, запаковало эти части в пластиковые пакеты и пометило их на каком-то инопланетном языке.

Джо вздрогнула, вспомнив об этом:

— Это было ужасно! Там был большой металлический стол с ремнями и стоком для крови. А эти пакеты! Фу!

Майк сочувственно похлопал её по плечу.

— Следователь исходит из предположения, что пришелец проводил своего рода разведку, собирая сведения о противнике, так сказать. Все радиолокационные станции находятся в режиме боевой тревоги, но ничего не обнаруживают. А мне

кажется, что оно изымало что-то из тел... может быть, какой-то деликатес для инопланетян. Скорее всего, мы обнаружим, что в каждом из тел чего-то недостаёт.

— У вас очень живое воображение, капитан, — сказал Летбридж-Стюарт. — А каково мнение Доктора?

— Не знаю, сэр, — сказал Майк, слегка покраснев. — Дока уговорили помочь следователю, но существо ничего не говорит.

Майк посмотрел в другой конец комнаты, где Бентон с натянутой улыбкой слушал Доктора.

— Это странно, но мне кажется, что Доктору оно нравится.

Летбридж-Стюарт посмотрел на Доктора.

— Что же, пусть общается с ним, пока у него есть возможность, — сказал он. — Если анти-инопланетными операциями займётся королевский флот, они церемониться не станут. Я видел, как действуют морпехи. Они сами его к столу пристегнут, и будут отрезать по кусочку за каждый вопрос, на который он не станет отвечать.

Когда Джо спускалась по бетонным ступеням в подвал. Следователь из Женевы уже собирал свои вещи, чтобы уходить. Он складывал в стоявший на скамье портфель какие-то бумаги. Это был худой лысеющий мужчина в невзрачном пиджаке и таких же

брюках — идеальная гармония с сырой, мрачной атмосферой камеры для задержанных.

— Я принесла охранникам немного еды и решила сюда тоже заглянуть, — сказала она, когда за ней закрылась дверь с электронным замком. — Есть хорошие новости?

Мужчина покачал головой.

— Никаких, — сказал он с едва заметным акцентом. — Мы по-прежнему не знаем причины, по которым он убил тех пятерых.

— И разрезал их, — добавила Джо.

Мужчина кивнул и посмотрел в сторону. Джо проследила за его взглядом — он смотрел на бронированное стекло, отделяющее их от Данталиона. Похожее на насекомого существо присело на бетонном полу, его многочисленные руки были сложены под ним в странной, на вид неудобной позе. Пока следователь собирал свои бумаги, Джо подошла к бронированному стеклу, сложив руки на груди. Она знала, что она в безопасности — наверху были вооружённые охранники, но в камерах заключения всегда было что-то, отчего у неё возникало ощущение, будто она в зоопарке смотрит на тигра, который бессмысленно бродит туда-сюда по клетке. Данталион выглядел очень подавленным: он уныло смотрел на пол, никак не реагируя на её присутствие.

Ей было почти жаль его. Когда она прокралась в особняк через большое окно и обнаружила, что Доктор в плену, она была в ужасе, но Данталион сдался без боя. Она не сводила с него пистолет всё время, пока Доктор, наконец, не смог пошевелиться и вызвать по телефону отряд из UNIT, и за всё это время оно не пыталось ничем угрожать. Худшее, что оно сделало — предложило ей выпить, но она, разумеется, отказалась.

— Вам что-нибудь нужно? — спросила она Данталиона сквозь стекло.

Тот не ответил.

— Вы голодны?

Существо даже не шевельнулось. Джо решила уйти, вернуться на вечеринку, но вдруг заметила что-то странное — тёмную рваную линию на груди Данталиона. Она прижалась лицом к стеклу, чтобы лучше рассмотреть. Может быть, оно было больным? Может быть, оно умерло!

— А оно... нормально себя чувствует? — спросила она у следователя.

— Отдыхает, наверное, — ответил тот.

Он посмотрел на часы, а затем на видеокамеру, установленную в углу. Красный светодиод под объективом показывал, что она работает.

— Это Ферранд, выхожу в 19:15.

Дверь вверху лестницы открылась, и он кивнул Джо:

— До свидания, мадемуазель.

— До свидания.

Когда следователь пошёл вверх по лестнице, она крикнула ему вслед:

— У нас на вечеринке ещё не всё съели, можете угоститься.

— Спасибо, — сказал он, — но нет. Я уже съел британский киш.

Она снова повернулась к Данталиону. В слабом свете неоновых ламп было тяжело что-то разглядеть, но Джо готова была поклясться, что она видит сквозь щель в его панцире насквозь, сквозь грудь до самой оболочки на противоположной стороне, как если бы то, что присело на полу, было лишь сброшенной кожей, а настоящий Данталион...

— Стой! Стой! — закричала она следователю.

Он повернул к ней невозмутимое лицо, и она поняла, у неё больше не было ни единого сомнения в том, что это и есть Данталион.

— Охрана! — закричала она в видеокамеру, — остановите этого мужчину, это инопланетное существо, оно пытается сбежать!

Следователь побежал вверх по лестнице, а Джо бросилась за ним. Из лица следователя в сторону двери вспыхнул луч света, и Джо успела разглядеть трёх падающих на землю охранников. Бросившись на последнюю ступеньку, она вцепилась в штанину

Данталиона. То, за что она схватилась, не было обычной тканью; он было жёсткое и холодное, но ей удалось удержать его и сильно дёрнуть. Данталион споткнулся и упал на неё. Вдвоём они покатились вниз по ступеням. Когда они падали, острые рёбра ступеней впивались в её тело, перед глазами у неё мелькали то грязный бетон, то темнота. В голове была жгучая боль, из глаз сыпались искры, а затем всё растворилось в красной дымке и померкло.

Бригадир так резко бросил трубку телефона, что Майк Йейтс услышал это из коридора. Он заглянул за дверь кабинета бригадира:

— Проблемы, сэр?

— Вам обязательно задавать одни и те же глупые вопросы, Йейтс? — рявкнул Летбридж-Стюарт.

— Простите, сэр, — Майк попятился за дверь.

— Нет, я сам виноват. Простите, Майк, — голос у бригадира был усталый и удручённый.

Майк зашёл в кабинет.

— Это по поводу морпехов, сэр?

Бригадир кивнул:

— Да. Я сегодня побывал на трёх разных совещаниях у трёх разных чиновников из министерства обороны и министерства внутренних дел, а потом был длинный телефонный разговор со штабом UNIT в Женеве. Ничего. Много говорилось

всякой ерунды, но всё всегда сводилось к одному и тому же — нас распускают.

— Расформировывают, сэр?

— Им нужна новая команда. Всё создаётся с нуля.

Даже Доктора не хотят оставить.

Майк улыбнулся:

— Что касается Доктора, то единственное, что не понравится ему больше, чем работать на UNIT — узнать, что замене UNIT он не нужен. А как же этот план найти другое помещение для штаба, сэр?

— Женева говорит, что они не могут себе позволить оплачивать его содержание, министр внутренних дел Великобритании тоже платить не хочет. Мы в тупике... Разве что вы знаете подходящее место, которым мы сможем пользоваться бесплатно.

— Нет, сэр. Я и так уже сдал свободную комнату у себя в квартире.

Немного помолчав, Йейтс сказал:

— У вас, конечно, и без того полно проблем, сэр, но этот инопланетный пленник недавно попытался сбежать. Мисс Грант была ранена.

— Этого только не хватало! — рявкнул бригадир. Он начал вставать из-за стола, но затем снова сел. — Как она?..

— Сейчас с ней врач. Он говорит, что она поправится, но пока что она всё ещё без сознания. Инопланетянина мы снова поймали.

Летбридж-Стюарт кивнул:

— Что же, держите меня в курсе. Вы сами справитесь, Майк? У меня из-за этого расформирования мало времени.

Йейтс кивнул и отдал честь. Выходя из кабинета, он услышал, что бригадир снова поднял трубку телефона.

Когда Джо Грант очнулась, она была в постели в лазарете UNIT. В голове ныла пульсирующая боль, а руки, грудь, и ноги были покрыты ушибами.

— Как ты себя чувствуешь, Джо? — спросил Доктор, нагнувшись над ней. В его глазах была забота.

— У меня такое чувство, будто в прошлой жизни я была дятлом, — сказала она, слабо улыбнувшись. — Я выживу?

— Да, с тобой всё в порядке, — Доктор нахмурился и отвернулся. — Благодаря Данталиону, — добавил он.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она.

В горле у неё пересохло, и она потянулась к стакану воды, стоявшему на тумбочке у кровати.

— Я хочу сказать, что ты разбила лоб об ступеньку. Могла бы умереть от потери крови, но Данталион задержался и каким-то образом соединил края раны. Любопытно, вообще-то. Он мог бы сбежать, если бы не остановился. Охранников он обездвижил.

Джо поставила стакан на место и приложила руку ко лбу. Там, прямо над правым глазом, на коже нащупывался шрам.

— Что сделали с Данталионом? — спросила она.

— Вернули в его камеру. Настоящего следователя нашли там же — он лежал под скамьёй, был без сознания. Никто не знает, как Данталиону удалось выйти из камеры, как ему удалось обмануть устройства наблюдения, но мне кажется, что в его искусственном глазе, должно быть, скрываются оружие и голограммический проектор. Тогда, в поместье, оно упомянуло что-то об имплантатах, но я был тогда слишком доволен собой, чтобы обратить на это внимание, — он скривился. — Странная раса... Мне никогда раньше не встречались настолько развитые, и при этом способные при необходимости сбросить свою оболочку.

Пересиливая боль, Джо попыталась подумать.

— Я не понимаю, почему Данталион остановился и помог мне, когда увидел, что я ранена. Зачем он это сделал?

— Быть может, из сочувствия? — пожал плечами Доктор.

— Я, конечно, благодарна за это, но не могу себе представить инопланетного захватчика, который останавливается, чтобы позаботиться о больном.

— Да, ты права, — задумчиво сказал Доктор. — Захватчик не остановился бы, а вот доктор остановился бы, — он ударил правым кулаком по левой ладони. — Вот что он делает на Земле: не завоёвывает, и не собирает деликатесы.

Джо снова взялась рукой за рану:

— Так вот откуда он знал как меня лечить. Но как же те пятеро, которых он убил?

Доктор нахмурился:

— Если бы я хотел заниматься медициной по всей галактике, я бы начал с того, что выяснил бы как можно больше о каждой населяющей её расе. Возможно, Данталион именно этим и занимается — собирает знания о метаболизме как можно большего числа существ. Вот что случилось с пропавшими людьми — они были анатомическими образцами. В конце концов, Джо, оно ведь не убило охранников, верно? Оно их только оглушило. Оно не убило ни следователя, ни тебя. Оно просто хотело удратить.

Джо потёрла лоб:

— Жаль, что оно не придумало менее агрессивный способ.

На столе у бригадира зазвенел телефон. Он схватил трубку раньше, чем утих первый звонок:

— Летбридж-Стюарт.

— А, бригадир, — сказал холодный, резкий голос.
— Мы с вами не знакомы. Я Зэкка, контр-адмирал
Зэкка. Слушайте, я организовываю штаб в Портсмуте.
Мне нужны ваши документы. Высылаю за ними
грузовик.

— Но... сэр, — бормотал бригадир, сбитый с толку
скоростью развития событий, — я ещё... то есть, нужно
оформить документы, всё согласовать. В конце концов,
не...

— Это война, — сказал Зэкка, обрывая бригадира
на полуслове. — Я стараюсь закончить всё быстро. Не
хочу, чтобы кто-то вмешивался, пока мы спорим из-за
того, кому чьё место достанется. Я слышал, что вы уже
поймали одного из этих инопланетных существ.
Молодцы, завтра мы приедем за ним с конвоем.

— Сэр, я вынужден...

— Не спорьте, Летбридж-Стюарт, у вас есть
приказ. Решение принято, к тому же это правильное
решение. Я в этом не сомневаюсь.

— Минуточку, сэр. Я же...

В трубке звучали гудки. Он убрал трубку от уха,
какое-то мгновение недоверчиво на неё смотрел, а за
тем со всей силой опустил её на телефон.

Теперь охранники стояли в самой камере, а их
оружие было нацелено прямо на Данталиона. Джо
видела в их лицах презрение и ужас, которых раньше

не было. То же самое было и наверху, когда она и Доктор объяснили свою гипотезу Майку Йейтсу. Хотя во время вечеринки Майк говорил о Данталионе почти с уважением, теперь на его лице было отвращение.

— Да, — с присвистом сказал пришелец, — вы абсолютно и бесспорно правы, разумеется, — его металлический глаз обернули бинтами, на случай если он снова захочет воспользоваться голограммами. — Я прятался на вашей превосходной планете довольно долго, накапливая знания о человеческой биологии. У меня есть сертификат, позволяющий мне оперировать представителей основных рас галактики, и я работаю над изучением второстепенных.

— Но зачем? — спросил Доктор, стоя по другую сторону бронированного стекла. — Зачем убивать людей? Нельзя было просто пару книг прочесть?

— Вы бы взялись вырезать аппендицес, основываясь на однажды прочитанной книге? — спросил Данталион. — Практику ничем не заменишь. Кроме того, люди поразительно невежественны по части устройства их же собственных тел. Я подумывал о том, чтобы написать перед отлётом небольшую монографию.

Доктор непонимающе качал головой:

— Вы убивали людей для того, чтобы изучить, как они устроены? В этом же нет никакого смысла.

— Только так байрастропы приобретают квалификацию, — сказал Данталион. — Я понимаю, что у людей мораль на этот счёт другая, но меня это не касается.

Джо не верила своим ушам:

— Но убийство — всегда убийство, — протестовала она. — Это плохо.

— Кто сказал? — спросил Данталион.

Джо нахмурилась:

— Все это знают.

— Возможно, все на Земле. Пожалуйста, не применяйте свою мораль к другим расам. Это худшая разновидность культурного империализма.

Данталион покачал головой, почти как человек.

— Позвольте, я попытаюсь объяснить иначе. На моей планете изучать хирургию можно только разрезая других байрастропов, ещё живых. Старых, больных, преступников... Если бы вы прилетели на мою планету и захотели изучить хирургию, вы бы стали изучать её по-нашему?

Джо вздрогнула:

— Нет, конечно же, нет.

Данталион кивнул:

— Тогда почему вы считаете, что я, попав на вашу планету, буду делать это по-вашему?

Джо раскрыла рот, чтобы возразить, но ничего не сказала. Ей хотелось сказать «потому что мы правы, а

вы — нет», но даже она понимала отсутствие в этом выражении логики.

— Даже если всё это правда, — вмешался Доктор, — почему вы не сэкономили нам всем время, не рассказали об этом сразу?

Одной из своих многих конечностей Данталион указал на одного из охранников.

— Когда ваши солдаты считали, что я убивал людей как военный, готовя вторжение, они относились ко мне довольно неплохо, — ответил он. — А когда они узнали о том, что я убивал людей из медицинских соображений, их мнение обо мне изменилось, — он немного смеялся. — Типичная человеческая глупость: убивать как солдат — благородно, а убивать как целитель — унизительно. Правду сказать, из уважения к вашей странной морали я выбирал только тех людей, у кого не было родственников, и кто был неизлечимо смертельно болен.

— И забирали их деньги, — заметил Доктор.

— А какой смысл проводить исследование в нищете? — невозмутимо ответил Данталион. — На этой планете есть много приятного. Мне очень нравятся человеческие пища, напитки, представления о комфорте.

— Убийство людей, которые умирают, всё равно убийство, — сказала Джо, — а что, если бы появилось лекарство от их смертельной болезни?

Данталион покачал головой.

— Когда-нибудь в будущем их смерть может помочь мне спасти сотни людей, — сказал он. — Моя раса чрезвычайно долгоживущая. Думаю, я спасу больше людей, чем убил.

Существо уселось, уверенное в своей правоте. Джо знала, что есть аргумент, который сделает всё сказанное им полной бессмыслицей, но в данный момент она не могла ничего сказать.

Даже находясь у себя в кабинете бригадир слышал повышенный голос Доктора. Он посмотрел на часы. Пять секунд... Четыре... Три... Две... Одна...

— В этот раз вы зашли слишком далеко, Летбридж-Стюарт! — проревел Доктор, толкнув дверь в кабинет бригадира так, что стёкла задрожали. — Мои каталоги! Моё оборудование! Ничего не осталось!

— Отправлено в Портсмут, к морпехам, — устало сказал Бригадир. — Я пытался вас предупредить, но вы меня не слушали. Скажите ещё спасибо, что мне удалось не дать им изъять ТАРДИС.

Доктор открыл было рот, чтобы ответить, но внезапно увидел голые стены, на которых раньше висели карты и фотографии Мастера. Кабинет был пуст, если не считать стола, стула, и рамки с фотографией Дорис.

— Значит, вот до чего дошло, — не веря своим глазам, пробормотал Доктор. — Эти олухи совсем не понимают, что они делают? Без ваших знаний и вашего опыта отражения инопланетных атак перед далеками просто распахнутые двери. Или, если не перед далеками, то перед любой из полсотни других рас.

— Ерунда, — без выражения сказал бригадир. — Этот новый начальник, контр-адмирал Зэкка, хороший парень. Знает своё дело. Он сейчас знакомится с нашими документами, входит в курс дела. Я уверен, что он справится с этой работой лучше меня.

Некоторое время Доктор молчал.

— Бригадир, — наконец, тихо сказал он, — я знаю, что бывали случаи, когда наши с вами мнения расходились, но я всегда уважал ваш ум, вашу цельность, и вашу человечность. Я не верю в то, что кто-нибудь сможет выполнять эту работу так же хорошо, как и вы, не говоря уже о том, чтобы превзойти вас.

Летбридж-Стюарт прокашлялся, и не сводил взгляда с портрета Дорис до тех пор, пока глаза не перестали слезиться.

— Доктор, ещё кое-что... Сегодня вечером Зэкка прибудет сюда, чтобы увезти инопланетное существо для допроса.

— Он не посмеет...

— Посмеет. Я получил приказ, — он похлопал по розовой папке, — он прибудет с вооружённым конвоем. Морпехи выжмут из этого существа правду, у них свои методы.

— Но это же чудовищно! — возмутился Доктор. — Мы с Джо говорили с Данталионом. Никакого вторжения не планируется. Данталион делает то, что считает правильным, но делает это неправильно. Другой моральный кодекс, вот и всё. Надо лишь попросить его убраться с этой планеты, и он улетит.

— Боже, храни нас от тех, кто твёрдо верит в свою правоту, — пробормотал бригадир.

Контр-адмирал Джонатан Зэкка смотрел, как под их автомобилем исчезает белая разметка шоссе, отмеряя расстояние до Портсмута. По обе стороны от дороги простирались зелёные холмы. Дорога была полностью свободна, так как он предусмотрительно приказал полиции перекрыть шоссе, выделив по пять миль в обе стороны от его конвоя. Он не собирался рисковать с таким... существом. От мысли о существе у него мурашки по коже забегали. Отвратительное. Как паук. Как что-то, что он бы раздавил, если бы нашёл такое у себя в ванной.

Он не мог дождаться, пока существо будет привезено на их базу. Пусть его люди им займутся.

Они знали, как выпытывать информацию. Интересно, какого цвета у него кровь?

Существо было пристёгнуто к тележке в «Хранителе 6» — грузовике, следовавшем в двадцати метрах перед штабной машиной Зэкки. По приказу Зэкки, в грузовике не было ни одного человека, кроме водителя — на случай, если грузовик придётся взорвать, чтобы предотвратить бегство существа. Но целый взвод солдат был размещён на четырёх бронетранспортёрах — «Хранителях» со 2-го по 5-ый — между которыми ехал грузовик.

В окне промелькнул мост. Зэкка обвёл взглядом небо, выискивая в нём космический корабль, летящий спасать существо. Этот «Доктор» презрительно фыркал по поводу такой возможности, но Зэкка знал, что если бы в плен попал он, то его подчинённые тут же бросились бы его спасать. Быть может, и у инопланетян так же. Или же инопланетяне могли бояться, что это существо выдаст их планы вторжения, и попытаются его убить.

Что бы ни случилось, Зэкка был к этому готов. Он запросил поддержку с воздуха, но ему отказали. Сказали, что нужно предупреждать за три недели. Он ещё спустит шкуру с того капитана, который это сказал. Когда Зэкка отдавал приказ, он хотел, чтобы его исполняли. Тем не менее, он приказал установить на бронетранспортёры зенитные орудия, а ПВО

военно-воздушных сил должна была предупредить его в случае необычной активности в воздухе.

Он повернулся к сидевшему за рулём сержанту:

— Долго ещё ехать, сержант?

— Пятнадцать минут, сэр, — сержант улыбнулся.

— Если, конечно, пробок не будет.

Зэкка позволил себе лёгкую улыбку. Юмор — это хорошо. Это одно из различий между людьми и животными. И, конечно же, между людьми и пришельцами.

Стоя у дверей ТАРДИС, Джо видела Доктора, стоявшего у консоли, засунув руки в карманы. Он вздыхал; у него был вид человека, который пытается отложить какое-то неприятное дело. Джо оглянулась на пустую лабораторию, а затем снова посмотрела в ТАРДИС. Доктор не мог улететь, но она не знала, куда он мог отправиться после закрытия UNIT. ТАРДИС была не в состоянии перенести его куда-нибудь.

— В чём дело, Док? — спросила она, стараясь, чтобы это звучало весело.

— Мне не до шуточек, Джо, — ответил он. — Я занят.

— Чем занят? — спросила она.

Она пошла ближе к нему, и её шаги отдавались эхом.

— Не твоё дело. Почему ты не в больнице?

— Врач меня выписал. Оказалось, что Данталион хорошо меня лечил, — она провела рукой по лбу. — Шрам почти сошёл, сотрясения нет, — она заглянула через его плечо на консоль. — Ты же не собираешься попытаться полететь? Насколько я поняла, она работает только тогда, когда ты этого не ожидаешь.

— Вот в этом-то и проблема, Джо, — уныло сказал он. — Несмотря на все мои усилия, несмотря на то, что я разобрал и снова собрал консоль, моя старушка работает только тогда, когда этого хотят повелители времени. Время от времени им приходит в голову выпустить меня на длинном поводке, чтобы напомнить мне о том, чего они меня лишили, но в конечном итоге я скорее пассажир, чем водитель.

Его рука нерешительно потянулась к двойной серебристой ручке на ближайшей грани консоли.

— Не люблю просить о помощи, но они мне уже много должны. Попробуем попросить их об услуге. В конце концов, худшее, что они могут сделать — отказать.

Он закрыл глаза и начал бормотать что-то себе под нос. Матовое освещение в ТАРДИС слегка потемнело, словно энергия была перенаправлена в другое место. Через несколько мгновений он отпустил ручки и отошёл от консоли. Его лицо блестело от пота.

— Что ты сделал? — спросила Джо.

— Отправил повелителям времени сообщение, в котором указал, что я был послушным мальчиком, выполняя за них грязную работу на Уксарайосе, Пеладоне, и на Солосе, не жалуясь...

— Почти не жалуясь, — тихо сказала Джо.

— ...и попросил в награду два перемещения на несколько миль и несколько минут. В конце концов, — он повернулся к ней, и она удивилась горечи на его лице, — я ведь не луну с неба прошу.

— И ты думаешь, они разрешат?

— Не собрав комитет, который будет несколько сот лет обсуждать этот вопрос? — он разочарованно прикусил губы. — Не знаю, Джо. Больше я ничего не мог придумать. Они должны разрешить. Я не могу помочь бригадиру другим способом.

Джо хотела сказать какую-нибудь обнадёживающую ерунду, как вдруг двери за ней захлопнулись, а постоянный гул ТАРДИС усилился.

— Ну что же, — радостно сказала она, — похоже, тебе дали отгул за хорошее поведение.

За тридцать миль до Портсмута контр-адмирал Зэкка заметил что-то странное. Грузовик, перевозивший инопланетное существо, насколько ему было видно между бронетранспортёрами, опустился на подвеске намного ниже. Было такое впечатление, что его груз внезапно стал гораздо тяжелее.

— Сержант, соедините меня с водителем Хранителя-6.

Не отрывая взгляда от дороги, водитель нажал на рации нужные кнопки, снял трубку, и передал её Зэкке.

— Хранитель-6, говорит Хранитель-1. Как слышите? Приём.

— Вас слышу, сэр, — тут же прозвучал ответ. — Приём.

— Всё ли в порядке с автомобилем? Приём.

— Странно, что вы спрашиваете об этом, сэр. Грузовик только что стал более неповоротливым. Я думал, что это руль барахлит. Приём.

За тридцать миль до пункта назначения Зэкка не собирался позволить чему-то банальному, типа поломки автомобиля, остановить конвой.

— Продолжайте движение, Хранитель-6.

— Вас понял, сэр. Нам не стоит... Что за хрень?!

— Хранитель-6! — закричал Зэкка в микрофон. — Что с вами? Повторяю, что с вами? Приём.

— Простите, сэр, — голос водителя немного дрожал. — Была какая-то вспышка голубого света у меня в кузове. Потом она погасла, а грузовик теперь опять управляетя нормально. Странно это. Приём.

У контр-адмирала Зэкки внезапно возникло чувство, что в этот раз тяжёлый груз навалился на него.

— Хранитель-1 всем Хранителям, — рявкнул он.
— Всем стоп! Повторяю: всем стоп!

Грузовик и все бронетранспортёры остановились. В считанные мгновения подчинённые Зэкки вылезли из четырёх бронетранспортёров и сформировали круг вокруг Хранителя-6, сняв оружие с предохранителей. Зенитные орудия бронетранспортёров смотрели наружу круга, готовые отразить нападение с воздуха. Зэкка подошёл к задней двери Хранителя-6 и вставил в замок карточку с электронным ключом.

Дверь распахнулась.

Ремни, которыми было пристёгнуто существо, свободно висели, покачиваясь после резкой остановки. На тележке никого не было.

— Я полагаю, — сказал Доктор, глядя за ТАРДИС, через поле для крокета, — что вы теперь улетите.

Позади него громада особняка сияла в лучах наступающего заката густо-оранжевым светом.

Джо хотелось, чтобы всё закончилось быстрее. Ей было холодно, голова всё ещё болела, и она понимала, что бригадир не одобрит то, что они выкрали, а затем выпустили инопланетного убийцу. Однако если уж Доктор что-то решил, этого было уже не изменить.

— Это больше похоже на распоряжение, чем на вопрос, — сказал стоявший рядом с ней Данталион.

— Можете воспринимать это как хотите, — Доктор прикрыл рукой глаза от заходящего солнца. — Какое чудесное место. Вы выбрали себе превосходное жилище.

Данталион вздохнул:

— Оно влетело мне в копеечку, и его мне будет не хватать. Мне можно когда-нибудь вернуться?

— Я не могу вам помешать, — ответил Доктор, — но будет лучше, если вы отложите это хотя бы на тысячу лет. Дождитесь, пока мораль человечества будет меньше расходиться с вашей.

— Что же, есть множество других неизученных рас, — на лице Данталиона появилось что-то вроде улыбки. — Может быть, поживу немножко у далеков, узнаю, как устроены они.

Оно протянуло две верхние конечности и торжественно пожало руки Доктора, а затем Джо, которая решилась на это не сразу.

— Мой космический корабль находится в теплице, — сказал он. — До свидания, и спасибо за ваше... понимание.

— Ещё кое-что, — сказал Доктор.

— Как всегда... — покорно сказал Данталион. — И какой же из Геракловых подвигов мне совершить перед отлётом?

Доктор вынул из кармана документ:

— Буду очень вам благодарен, если вы подпишите вот это.

Данталион взял документ, быстро осмотрел его, и поднял взгляд на Доктора.

— Насколько могут судить мои атрофированные юридические способности, этот сложный документ передаёт всё это поместье в вашу собственность.

— Я коллекционирую дома, — спокойно сказал Доктор.

Он вынул из кармана чернильную авторучку и протянул её Данталиону. Пришелец посмотрел на Доктора, а затем поставил подпись. Доктор подул на неё, чтобы она высохла, и улыбнулся.

— А вы хороший врач, — сказал он. — Вашу подпись невозможно прочесть.

Данталион протянул ручку Доктору.

— Вы много хотите, — пожаловалось оно.

— Пожалуйста, оставьте ручку себе, — ответил Доктор. — В конце концов, я взял её у вас на столе, когда мы впервые познакомились.

Данталион кивнул и пошёл через поле для крокета. Когда он исчезал в оранжевом свете заката, его причудливая, тонконогая тень двигалась по газону и фасаду здания.

— Не нужно было это делать, — сказала Джо.

— У нас почти не было других вариантов, — ответил Доктор. Его седые волосы разевались на

ветру, а глаза были прищурены против солнца. — Данталиона не удалось бы привлечь к ответственности по британским законам, а альтернативой было лишь посадить его в тюрьму или казнить без суда и следствия. Я не был согласен ни с тем, ни с другим. Неофициальная депортация — лучший вариант.

— Но оно убивало людей, — упрямо сказала Джо.

— В соответствии с законами и обычаями байрастропов, оно имело право так делать, при условии, что это было ради обучения медицине, — Доктор нежно посмотрел на Джо. — Я не говорю, что оно было право, дорогая, просто у него была своя точка зрения.

Он похлопал её по плечу.

— Посмотри на это с другой стороны. Флот потерял Данталиона меньше, чем через час после того, как забрал его. Учитывая это, а также пообещав использовать пустой особняк в качестве бесплатного штаба, бригадир сможет бороться за продолжение существования UNIT.

Без единого звука над деревьями поднялась покрытая шипами светящаяся фигура, на мгновение зависла, а затем поднялась вверх. Джо следила за тем, как фигура становилась всё меньше и тусклее. В считанные моменты она превратилась в всего лишь яркую точку, словно первую звезду на вечернем небе. Вскоре и она исчезла.

— Кое о чём ты всё-таки забыл, — заметила Джо.

— Хотя я экономику только в школе проходила, но я знаю о налоге на недвижимость.

Доктор нахмурился, а затем усмехнулся:

— Уверен, что бригадир найдёт на это средства; той зарплаты, которую он мне не платил три года, должно хватить, — оптимистично сказал он. — Пойдём, Джо. Порадуем его хорошими новостями!

— Господа, благодарю вас за то, что прибыли на это внеочередное совещание Тайного Финансового Комитета, — сказал Роберт Уокер, и из его рта вырвались облачка пара. — Приношу свои извинения, во-первых, за срочный созыв этого совещания, а во-вторых за отсутствие отопления — увы, это недавно внедрённая Министерством Обороны мера экономии финансов.

Пока председатель открывал заседание, бригадир Алистер Гордон Летбридж-Стюарт обвёл взглядом зал и всех остальных членов комитета. Несколько человек не пришли, но кворум собрался. Было даже двое наблюдателей, сидевших позади Уокера. Летбридж-Стюарт был готов поклясться, что узнал одного из них — розовощёкого лысеющего мужчину со сверкающими голубыми глазами. Пока бригадир пытался вспомнить его имя, тот повернулся в его

сторону, улыбнулся, а затем снова повернулся к председателю.

— Итак, если к протоколу предыдущего совещания замечаний нет, пожалуй, мы можем приступить к единственному пункту сегодняшней повестки дня, — Уокер сделал паузу, словно ему нужно было выжимать слова из себя. — Долгосрочное будущее UNIT. В свете недавнего фиаско морской пехоты, а также учитывая то, что UNIT удалось каким-то образом найти себе новое, бесплатное помещение, было предложено, — Уокер взглянул на лысеющего мужчину, — что UNIT будет гарантировано финансирование на период не менее пяти лет, с ежегодным повышением для компенсации инфляции. Также было предложено, что в этот раз этот вопрос должен быть выставлен на голосование. Кто за?

Все, сидевшие за столом, подняли руки, за исключением, естественно, самого Роберта Уокера. Лысеющий мужчина слегка кашлянул, и Уокер тоже медленно поднял руку.

— Предложение принято, — продолжил он. — Детали будут уточнены после пересмотра нашего бюджета. Если ни у кого других вопросов нет, — он обвел взглядом сидевших за столом, — я объявляю это заседание оконченным.

Уокер вышел из зала первым, за ним сразу вышли большинство членов комитета.

Занятые люди, — уныло подумал бригадир, ожидая, пока поток выходящих иссякнет. Наверное, торопятся на другое совещание, с которого они ушли, чтобы побывать на этом. Некоторые из них имели такой вид, словно они уже много лет не видели солнечного света.

— Знаете, его понизили в звании.

Летбридж-Стюарт обернулся и увидел рядом с собой розовощёкого мужчину с ярко-голубыми глазами. Несмотря на невысокий рост, мужчина просто излучал авторитет.

— Кого? — спросил Летбридж-Стюарт. — Уокера?

— Контр-адмирала Зэкку. На мой взгляд, это немного несправедливо, но они решили иначе. Кстати, как там юная Джо?

Бригадир наконец-то понял:

— Мисс Грант? Прекрасно, ценный член коллектива. Не знаю, что бы мы без неё делали.

— Ей у вас, похоже, нравится. Не могу сказать, что я этим не доволен. Когда она попросила устроить её к вам, я сомневался, но решил удовлетворить её просьбу. Джо всегда была моей любимой племянницей, — он улыбнулся. — Вообще-то, сказать по правде, она моя единственная племянница. Не мог не баловать её. Ни единого шанса.

— Я так полагаю, что за это совещание мне нужно благодарить вас, сэр? — спросил Бригадир. — Спасибо вам за помощь.

— Простите, что во время телефонного разговора я был так пессимистичен, — сказал мужчина, — но как только вы нашли этот дом, а Зэкка упустил пришельца, я смог надавить на Уокера. Кстати, хотел у вас спросить. Как вам удалось бесплатно получить такой чудесный дом? Кто его владелец?

— Вы знаете, — пробормотал бригадир, — я подозреваю, что он.

ИСПЫТАНИЯ НА ТАРЕ

Пол Корнелл

Извините, этот рассказ ещё не переведён.

ОТОПЛЕНИЕ

Дэвид МакИнти

— Вот это я понимаю, загородный дом! — запирая багажник своего автомобиля одобрительно прокомментировала Сара Джейн Смит, глядя на ветхое, но импозантное сооружение, перед которым она припарковалась. — Ты уверен, что сможешь подняться по ступеням?

Если тебя нужно нести, — подумала она, — надейся, что в ведущей расследование команде найдутся люди покрепче, чем я.

— Высота ступеней находится в пределах возможностей моих движителей, хозяйка, — уверенно ответил карикатурно-угловатый самоходный компьютер у её ног.

Разумеется, она понимала, что на самом деле не было в голосе никакой уверенности. К-9 был всего лишь машиной. Но звучал его голос именно уверенно. Тётя Лавиния всегда приписывала собакам в семье человеческие черты и эмоции, но даже она, возможно, не стала бы этого делать по отношению к тому, что даже органическим не было. Впрочем, у неё ведь не было того опыта, который был у Сары. Как бы там ни было, К-9, похоже, не ошибся: его похожий на ящик корпус поднялся, жужжа моторами, обеспечив клиренс почти 30 сантиметров. Когда она его догнала, его

передние зубчатые колёса были уже занесены и опускались на первую ступеньку лестницы, ведущей к крытой портиком входной двери.

Дверь открылась, и на крыльце вышел цивильно одетый мужчина с военной стрижкой. Увидев К-9, он удивлённо поднял брови:

— Поверить не могу...

— Я же рассказывала о нём на встрече, — она позволила мужчине дружески поцеловать её в щёку. — А ты мне тогда не поверил, да?

— Ну, ты же его тогда с собой не взяла, — сказал Майк Йейтс. — Бригадир бы сразу вызвал бронебойные печенья.

Он огляделся и понял, что Сара была одна, если не считать робота-собаки.

— Я думал, что Брендан тоже придёт.

— Скоро в Кембридже экзамены, так что, боюсь, придётся вам ограничиться мной.

— Для тебя это первое экстрасенсорное расследование?

— Если не считать просмотра телесериалов.

Они зашли в фойе. Длинная лестница вела на полукруглую галерею, вдоль которой были двери в комнаты верхнего этажа. Краска и обои выгорели и запылились, хотя в целом за зданием, похоже, следили неплохо. Сара указала на электрический шнур,

проложенный от штепселя в стене к видеокамере, стоящей на штативе в конце фойе.

— Электричество не отключено? Я думала, что вы будете батареями пользоваться.

— Местный совет позволяет людям использовать этот дом в качестве своего рода клуба. Вообще-то, именно члены секции карате первыми сообщили... что тут что-то странное происходит.

— Странное?

Сара не верила в призраков как таковых, но вот странные инопланетные энергии, скрытые от людей, это совсем другое дело.

— Свет включается и гаснет, из пустых комнат доносится музыка, и прочее в таком духе. Один из них даже утверждает, что на него напал полтергейст. Или это была психоническая наука...

— А почему вы просто не позвонили в UNIT? Или Фоксу и Дане?

— Вначале нужно разобраться, есть ли там что-то вообще.

Он открыл дверь в комнату, которая раньше, должно быть, была гостиной. Сейчас в ней было почти пусто, стояли только полевые кровати и несколько рюкзаков. Молодая женщина устанавливала что-то, похожее на осциллограф, а рядом стоял мужчина, нетерпеливо ожидающий, когда портативный тостер

выдаст ему еду. Майк представил присутствующим Сару.

— Это Ширли, она из местного университета.

Сосредоточенная на своём приборе Ширли рассеянно помахала Саре рукой.

— А это дальше Боб, он такого рода исследованиями уже много лет занимается.

Боб оценивающе улыбнулся Саре. Она ответила ему сдержанной улыбкой.

— Это ваша база?

Майк кивнул:

— Мы называем это штабом. Здесь будут установлены все видеомониторы. Шон и Питер сейчас устанавливают микрофоны и другую аппаратуру, — он обернулся на звук приближающихся из прихожей шагов. — А вот идёт наш патрон. Так и думал, что он захочет познакомиться с тобой.

В комнату зашёл высокий аристократ с орлиным носом и вандайковской бородкой; на нём были тёмный костюм итальянского покроя, шёлковая рубашка, и галстук, заколотый серебряной булавкой в виде хищной птицы. Он быстро подошёл к Саре, приветливо улыбаясь и протягивая руку.

— Граф Мариуш Кастильо, к вашим услугам, как говорили раньше, — граф ловко поднял руку Сары и поцеловал её. — Весьма польщён, — улыбнулся он, отпуская её руку. Его гордое лицо немного смягчилось

небольшой улыбкой. — Слишком старомодный, я знаю, но кто-то же должен поддерживать старые традиции, верно?

— Хвала небесам за старые традиции, — засмеялась Сара.

— Небесам? Ах, да, разумеется... Я так понимаю, это первое исследование, на котором вы присутствуете, мисс Смит... — он нахмурился. — Вас обязательно так называть? Это звучит слишком... политкорректно.

— В таком случае можно просто Сара. И да, за привидениями я раньше не охотилась.

— В таком случае, мы постараемся сделать так, чтобы вам было о чём потом написать, хотя лично мне выражение «охота на привидений» не нравится.

Сара с интересом наблюдала, как граф склонился, чтобы посмотреть, как идут дела у Ширли. Может быть, он и старомоден, но, по крайней мере, он выбрал лучшие из старых традиций. Ей не верилось, что он способен отправить её заварить ему чай.

— Он на всех такое впечатление производит, — сказал Майк. — Знает, как правильно начать знакомство. Должно быть, голубая кровь.

— Её не существует.

— Боже, боже, — сказал позади неё граф и, обернувшись, она увидела, что по комнате разъезжает К-9.

Внимательно осмотрев собаку-робота, граф подошёл ближе. Похожие на уши антенны К-9 энергично вращались.

— Какое поразительное устройство... Японское?

— Не совсем, — осторожно сказала Сара. — Мне его дал один старый друг... учёный.

— Доктор? — спросил Майк.

— А кто же ещё?

Граф осмотрел К-9, и скривился, увидев у него на боку название.

— К-9? Как забавно, — скептически сказал он.

— Подтверждаю, хозяин², — гордо сказал К-9.

Сара удивилась. Кого попало К-9 так не называл. Похоже, Майк был прав относительно присущего графу шарма.

Графа же это, похоже, застало врасплох, но он быстро взял себя в руки:

— Какой приветливый... Мне он уже нравится.

— Простите, если он вас напугал, — сказала Сара, мысленно ругая себя. — Мне надо было предупредить, что он говорящий.

— Ну что вы, что вы, дорогая. Просто я из тех людей, кто не воспринимает компьютер как игрушку. Простите, но мне нужно сходить забрать в моём автомобиле звукозаписывающее оборудование.

² К-9 называет Сару хозяйкой (Mistress), а Доктора — хозяином (Master).

— Вам нужна помощь? — спросил Майк.

— Спасибо, нет. Оно не тяжёлое.

Учтиво кивнув Саре, граф развернулся и вышел.

Майк посмотрел на Сару:

— Может быть, ты нам поможешь?

К-9 резко остановился у ступеней лестницы.

Изнутри его корпуса донеслось жужжание двигателей, готовых приготовить его для подъёма.

— Не утруждайся, К-9, — сказала ему Сара. — Помоги лучше Майку и Питеру проверить аудио и видео оборудование.

Напичканная сенсорами голова компьютера поникла, как у обиженного щенка. Наверняка это так проявлялось чувство юмора Доктора.

— Мне же нужно всего лишь расставить несколько ваз и других предметов. Это займёт всего пару минут. К тому же, до полуночи привидения не являются.

— Связь между временем суток и парапсионными проявлениями принята к сведению, хозяйка. Однако, это утверждение...

— Я знаю! Я пошутила. Как бы там ни было, пока ты поднимешься наверх, я уже закончу.

— Подтверждаю, хозяйка. Серво-приводы для подъёма функционируют лишь на шестьдесят процентов эффективности обычного движения.

— Вот именно. Грыжу можешь себе так заработать... не знаю, какой у неё механический эквивалент.

Сара быстро пошла по лестнице с тяжёлым пакетом, который ей дал Майк.

Майк понимающе посмотрел на К-9, хотя понятия не имел, поймёт ли это машина — ну как можно было не представлять её какой-то мультипликационной собакой? Уши К-9 (антенны, — поправил себя Майк) повернулись вокруг своей оси, а затем на лестнице раздались шаги.

К ним шёл долговязый Питер, который просто чудом умудрялся не спотыкаться через кабель, который сам же и прокладывал на ходу. Увидев К-9, он остановился.

— А это что ещё такое?

Майк и хотел бы ответить, но объяснения Сары о природе К-9 чёткостью не отличались. Наверное, она и сама толком не знала. Но хотя бы что-то ответить нужно было.

— Это собака Сары.

— О. Я слыхал о короткошерстных породах, но это просто рекорд!

Майк засмеялся:

— Это своего рода самоходный компьютер, но почему разработчик придал ему вид собаки, я не знаю.

— Человеческое эго нуждается в знакомом эталоне, для облегчения восприятия новых концепций, — педантично заявил К-9. — Формы животных успокаивают большинство людей.

Питер вначале испугался, а затем усмехнулся:

— Хороший синтезатор голоса. Похоже на того парня из «скрытой камеры». Компьютер, значит? — он нагнулся над К-9. — Ты явно видишь меня и слышишь, но можешь ли ты записывать то, что твои сенсоры регистрируют?

— Подтверждаю. Звуковые и визуальные рецепторы могут и записывать и воспроизводить, тоже относится к инфракрасным и электромагнитным детекторам.

В подтверждение сказанного, на левом боку К-9 загорелась маленькая голограммическая панель.

— Ты явно видишь меня и слышишь, но можешь ли ты записывать то, что твои сенсоры регистрируют? — чётко спросила маленькая трёхмерная копия Питера.

— В жизни ты выглядишь гораздо выше, — с невозмутимым лицом сказал Питеру Майк.

Недовольно взглянув на него, Питер снова обратился к К-9:

— И ты мобильный и автономный?

— Подтверждаю.

— Интересно, — он повернулся к Майку: — Как ты думаешь, мы не сможем выызыганиить у Сары ненадолго К-9? Если мы запустим его по дому во время записи, нам будет с чем сравнить записи стационарных камер. Он же, наверное, сможет добраться до активной точки быстрее, чем мы перенесём туда всё оборудование.

— Возможно. Пойдём, попросим?

К-9 немного сдвинулся:

— Что такое «выызыганиить»? Контекст исключает возможность связи с цыганами.

— Он всегда такой? — спросил Питер.

Сквозь окна гостиной Бобу было видно, как граф прошёл к своему чёрному «Мерседесу». Везёт же ему... такая тачка, — подумал он, вынимая из тостера новую порцию сандвичей и передавая один из них Ширли.

— У графа в машине, небось, припасена корзина с фуа-гра и икрой белуги, а нам придётся обходиться сандвичами с сыром и луком.

— Вот и хорошо. Ты когда-нибудь пробовал икру? Гадость редкая.

— Ты поняла, что я хотел сказать. С такими деньгами он мог бы жить где-нибудь во французской Ривьере.

— Хочешь, сказать, что такая наука не интересная?

Боб посмотрел на неё с напускным сожалением:

— Наука — интересно. Сидеть на сквозняке в старом доме — нет.

Закончив настраивать осциллограф, Ширли встала и взяла разогретый сандвич.

— Что же, как бы там ни было, давай будем благодарны ему за то, что он вовремя появился. Университет бы никогда не покрыл наши расходы на это оборудование. К тому же, граф в последнее время широко известен в наших кругах.

— Так ты его уже встречала раньше?

— Нет, но читала его публикации в журнале общества исследования паранормальных явлений. А ты?

— Я тоже. Странно даже. Я не могу вспомнить ни одного члена комитета, кто был бы с ним знаком...

— А кто тебя с ним познакомил?

— Не помню, — нахмурился Боб. Это было очень странно; граф наверняка присутствовал на одном из собраний комитета, но как он получил приглашение...

— Наверное, это не важно. Может быть, его Стивен привёл; Стивен часто даже собственное имя забывает! Мне иногда кажется, что в комитете его держат исключительно как доказательство жизни после смерти.

— Злой ты.

— Приходиться быть злым, чтобы бывать добрым. Кстати, о доброте, — он вынул из внутреннего кармана пиджака флягу. — Можем чуть позже распить, если ты не против.

— А когда я была против?

Как обычно в домах такого типа, оранжерея была построена над плоской крышей бывшего помещения прачечной, и вход в неё был со второго этажа. В окружении серых чугунных оконных решёток у Сары возникло неприятное ощущение, что она находится внутри скелета. Покрытые слоем пыли панели стекла в чугунных рамках были похожи на куски высохшей кожи, обтягивающие металлические кости.

На полу валялись несколько сухих листьев, но дощатые полки были чисто выметены. Вынув из пластикового пакета, который ей дал Майк, высокую вазу и порошок мела, Сара подошла ближе к грязным стёклам, чтобы выглянуть за них. У неё была надежда рассмотреть заросли орхидей на холме, мимо которого она проехала на машине, но уже стемнело. Вспомнив о цели своего прихода, она оглянулась в поиске места, где можно было бы поставить вазу и рассыпать мел. Дощатые полки не годились, потому что мел может высыпаться в щели. Заметив низко расположенную раковину, а рядом с ней водосток, Сара поставила вазу на кафельную плитку и аккуратно рассыпала мел из

пакета, описав вокруг основания вазы круг. Она подумала о том, что охота на привидений представлялась ей не такой. Она почему-то думала, что нужно будет ходить по дому с эктаплазмометром, или сидеть вокруг стола, взявшись за руки со старушками в платках. Она улыбнулась, подумав, что могла бы просто спросить у К-9, не регистрирует ли он странные вибрации.

Но, даже если охота на привидений не задастся, есть ведь ещё граф. Читателей «Метрополитэна» неизменно очаровывали рассказы о богатых и титулованных, так что, возможно, ей удастся выудить у него несколько баек, которые дополнят её репортаж об этом расследовании. Быть может, такая известность послужит извинением за то, что его напугал К-9. Отступив на шаг, чтобы рассмотреть результат своего труда, она сделала вывод, что если ваза сдвинется, то на порошке мела обязательно останутся следы. Смысла в этом она, правда, не видела; жулик, чтобы сдвинуть вазу, мог её просто поднять, а во всех фильмах, которые она видела, полтергейст либо поднимал предметы, либо телепортировал их. Но она гость на этом исследовании, так что не ей правила придумывать. Покачав головой, она пошла обратно к лестнице.

Подпрограмма сортировки и установления приоритетов выделила среди множества звуков в доме доплеровский спектр приближающихся шагов. К-9 развернулся на месте, определяя антеннами направление приближения. Видеокамере исследователей, рабочую частоту которой он сравнивал с частотой своих систем записи, придётся подождать.

Оптические сенсоры уловили блеск металла, а детекторы тепла — термальное изображение, которое одновременно было и знакомым, и в чём-то другим, что вызвало небольшой алгоритмический конфликт.

— Хозяин?

— Ядерная батарея электронного синтеза. Как оригинально, — в темноте сверкнула его улыбка. — Пора тебя усыпить, мне кажется.

Алгоритмический конфликт разрешился благодаря контексту.

— Предупреждаю, я оборудован для самообороны. Не подходите ближе, — К-9 запустил зарядку энергетического луча, расположенного под его сенсорами.

В руке приближающегося появилась маленькая, но увесистая на вид чёрная коробка.

— Ну давай, повесели меня.

— Ма-асте-еррр...

Ни единого шороха... Хотя к середине лета было гораздо ближе, чем к Рождеству, в доме было очень тихо, в нём словно зависло ожидание. Свет солнца уступал дорогу свету звёзд, жар прошедшего дня струился по тёмным коридорам, и оставшаяся древесина сжималась и тихо потрескивала.

В воздухе порхали несколько летних мотыльков, но их полёт был абсолютно бесшумным. Настолько бесшумным, что когда звуки транспорта вдали стихли, начало возникать ощущение, что время остановилось.

— Я, разумеется, гораздо более опытный всадник, и легко оторвался от ближайших преследователей, — рассказывал граф. — Никто не мог меня догнать, и после этой гонки герцог вызвал меня на решающий поединок, на этот раз на гоночных автомобилях, потому что он был уверен, что я не смогу повлиять на них так же, как на живых существ.

Сара почувствовала, что её улыбка становится всё более натянутой. Рассказы графа были по-своему интересны, но ей было бы гораздо интереснее узнать о том, что его привлекало в такого рода ночных поисках.

— Я вам, надеюсь, ещё не надоел, мисс Смит?

— Что? — она смущённо покачала головой. — Нет-нет, дело не в этом. Просто мне было интересно, почему вы заинтересовались всеми этими привидениями?

— Нельзя прожить хоть сколько-то продолжительное время в одном из исторических европейских зданий и ни разу не повстречаться с... детьми ночи. Причина в том, что это тайна, такие задачи всегда меня интриговали, — он слегка улыбнулся. — А стоит мне за что-нибудь взяться, я никогда не сдаюсь.

— Уверена, герцог бы с вами согласился.

— Коне...

Оставленный возле тостера небольшой будильник заливисто зазвенел, и Ширли его выключила.

— Ведьмовской час. Мне кажется, что это подходящий момент для того, чтобы проверить наши контрольные предметы, — граф встал, размял ноги, и поправил воротник пиджака. — Можем все снова встретиться тут через десять минут.

Обменявшись взглядами, исследователи побрали к лестнице, чтобы начать обход.

Майк повернулся к Саре:

— Мы можем заняться первым этажом. Я, пожалуй, начну с кухни.

— У тебя всё те же привычки? А я, пожалуй, осмотрю танцевальный зал. Мне кажется, я раньше не бывала в домах с танцевальными залами. Во дворцах они мне попадались, а в домах — нет.

— Что же, будь осторожна.

— Я думала, что привидения никого на самом деле не трогают, разве не так?

— Я имел в виду «осторожнее, не задень контрольные предметы».

— Не беспокойся, я их не коснусь.

Когда Майк и Сара вошли в вестибюль, Питер стоял на коленях возле К-9.

— Мисс Смит, — сказал он, — кажется, ваш компьютер не работает.

Сара сразу бросилась к нему, даже не пытаясь убеждать себя в том, что К-9 всего лишь машина, а не человек. Она уже давным-давно решила, что если у него есть индивидуальность, значит он личность, не взирая ни на что. Тётя Лавиния, со свойственной ей едкостью, как-то заметила, что существует множество людей, которые не прошли бы этот тест. Сара так и не смогла определиться, смешно ли это было.

— Пойду, принесу автомобильное зарядное устройство.

— Зарядное устройство? — спросил Питер.

— Иногда он может зарядиться, если ему клеммы к ушам подключить. Я имела в виду «к антеннам», — поправилась она.

— Клеммы на уши? В сети напряжение есть, так что я могу попробовать собрать выпрямитель. И тогда попробуем подключить его...

Предложение вполне естественное, — подумала Сара, — но К-9 — это не тостер, она понятие не имела, как устроен его блок питания.

— Я даже не знаю... Вас может током ударить, если вы начнёте рыться в нём.

— А как вы его обычно заряжаете?

— Обычно он делает это сам. Однажды я пользовалась зарядным устройством для автомобильного аккумулятора. Но это заняло несколько часов.

— Ну, значит, всё в порядке. Я знаю, как они устроены, так что соединю трансформатор и ещё пару деталей, и он будет у нас бегать быстрее, чем раньше.

Сара всё ещё сомневалась, но под рукой у неё зарядного устройства не было, а Питер, похоже, понимал, о чём говорил.

— Хорошо, но на всякий случай начните с низкого напряжения. И не вскрывайте его — это может быть опасно.

— Как скажете.

Отойдя на несколько шагов, Сара остановилась. Ей не хотелось оставлять К-9 на попечение незнакомого человека, но другого выбора она не видела — она же журналистка, а не кибернетик. Ещё раз озабоченно посмотрев на К-9, она пошла по главной лестнице вверх.

Ведущий на чердак проход был узкий и забитый разным хламом. Но, поскольку его сюда позвала Ширли, Боб не жаловался. Он чуть не наткнулся на неё, когда она неожиданно остановилась на верхней ступени.

— Что-то не так?

— Мне казалось, что все двери должны были быть незапертыми.

— Да, мы так договаривались, — даже не глядя, он понимал, что дверь на чердак заперта — иначе она бы не стала спрашивать.

Её это удивило, но, пожав плечами, она запустила руку в карман и вынула связку ключей; такая связка была у каждого из исследователей как раз на такой случай. Граф всё продумал, — одобрительно подумал Боб.

Ширли отперла деревянную дверь и протиснулась на чердак с низкой крышей. Движение потревоженного затхлого воздуха едва заметно коснулось их, слишком слабое, чтобы потревожить серые клочья паутины, образовавшей просвечивающиеся навесы над дощатым проходом над толстыми балками. Пирамиды ящиков и коробок были покрыты таким толстым слоем пыли, что казалось, что поверх них набросили серую ткань. Может быть, именно так появилось на свет старое представление о похожих на Каспера привидениях, — размышлял Боб,

осторожно наступая на доски. Он пытался прогнать из головы мысли о тех стереотипных художественных фильмах о привидениях, которые ему довелось посмотреть, но забыть о том, что случалось с теми, кто заходил в запертые пыльные чердаки, не удавалось. Всегда было так: «Боб, давай разделимся; пойди, проверь всё вон там». А потом: «Да, конечно. Я ничего не боюсь. А-а!» А затем, разумеется, звук чего рвущегося, чавкающего, глухой удар, иногда шлепок. Слава Богу, что всё это был всего лишь вымысел.

— Проверь, не сдвинулись ли там предметы, хорошо, Боб?

Хорошо, что Ширли стояла к нему спиной и не видела его мрачной гримасы.

В углу валялись два стула, перед ними стояла старая ржавая кровать. Хотя более яркие пятна на выцветших стенах говорили о том, что раньше там стояла мебель, сейчас от бывшей обстановки осталась только треснувшая раковина. В ней капала вода. Майку этот звук действовал на нервы, и он решил прекратить его. В комнатах слуг было тоскливо и без этого. Он попробовал затянуть кран, но тот заржавел намертво. Тем не менее, на дне раковины собралась небольшая лужица воды. Майк почувствовал, что у него волосы встают дыбом, когда у него на глазах на

поверхности лужицы собралась маленькая капелька и упала вверх, в кран.

Он пронаблюдал это дважды, прежде чем мозг осознал, что видят его глаза. Что бы об этом сказал Доктор? Или бригадир? Нельзя же стрелять по капле воды. Ему хотелось быстро уйти, но он удержался. В конце концов, это ведь и было примерно то, что он надеялся тут увидеть. По сравнению с оживающими пластиковыми манекенами и появляющимися и исчезающими динозаврами это можно было считать вполне заурядным явлением.

Ради эксперимента он подержал руку между раковиной и краном. Вода его щекотала, стекая по тыльной стороне руки в кран. Майк усмехнулся. Это была приятная чудаковатая странность.

В конце концов он заставил себя отойти и продолжить то, ради чего он, собственно, пришёл: проверить мусорную корзину, обсыпанную мелом. Она стояла там же, где её оставили, на меловом кольце вокруг неё следов не было.

Неохотно выходя из этой комнаты, Майк решил осмотреть кухню. Контрольными предметами здесь были кастрюли и тарелки — бьющиеся, на случай типичного полтергейста. Ещё там, разумеется, была кухонная раковина, и стоило взглянуть, не ведёт ли она себя так же, как только что осмотренная.

Шон, нервничая, крался по библиотеке. В его голове настойчиво звучала какая-то мелодия, но она его ни капли не приободряла. На полках, простирающихся от пола до потолка, не было переплетённых кожей томов, которые можно было бы ожидать найти в таком месте. Единственными имевшимися там книгами были несколько руководств по эксплуатации и брошюры, оставленные кружками и секциями, которые пользовались этим домом. Он и другие члены исследовательской группы решили оставить всё на месте, аккуратно пометив, чтобы выявить любое смещение или другое изменение.

Это была одна из тех библиотек, где так и мерещится шорох перелистываемых воображаемых страниц или настойчивый скрип пера по пергаменту, похожий на скрип какого-то насекомого. Шон покачал головой, и сказал сам себе, что так недолго и самому начать верить во всю эту сверхъестественную чушь. Выговор самому себе его немного приободрил. Отсутствие активности в любом случае было ещё одним доказательством того, что доверчивым мечтателям всё это только мерещилось.

Напевая про себя непонятно где услышанную мелодию, он лишь мельком осмотрел брошюры. В конце концов, ведь не было же никаких привидений, способных что-нибудь с ними сделать, верно? Он лениво взял с полки, а затем отбросил в сторону

«Энциклопедию Юных Сурков» (это, несомненно, вызовет интерес, а затем досаду у любого, кто придёт потом проверять это место) и быстро обошёл комнату, постукивая по стенам. На его стук никто не ответил, но зато на какое-то время заглушил вертевшуюся у него в голове мелодию.

Он замер, прислушиваясь. Разве воображаемую музыку можно заглушить? И вот снова она, сочится из стен, словно плесень. Похоже, играл небольшой ансамбль духовых инструментов и одна скрипка. Он подумал, что кто-то из его коллег, должно быть, принёс с собой радио, но, как ни странно, сейчас к звукам музыки примешивались гомон неразборчивых разговоров и позвякивание столовых приборов.

По мере того, как он приближался к стене, противоположной большим окнам, звук становился громче. Там, между двумя шкафами с книгами, была дверь в соседнюю комнату; он раскрыл её толчком, намереваясь высказать всё, что он думает, тому, кто включил радиоприёмник. Когда он вошёл в широкую просторную комнату, звук охватил его со всех сторон. Тут никого не было, но, тем не менее, он чётко различал отдельные инструменты. Скрипка звучала так, словно она была буквально в двух шагах от его левого уха, а флейта — впереди и правее. Вообще-то, впечатление было такое, словно он стоял прямо посреди музыкантов.

В последней попытке объяснить всё логически он посмотрел вниз, на пол, надеясь увидеть там радиоприёмник. Однако то, что он увидел, его ни капли не успокоило. Помимо того, что там не было радиоприёмника, голые деревянные половицы тихо изгибались, прогибаясь под весом десятков пар невидимых танцующих ног.

Сара остановилась и прислушалась к доносящейся издалека музыке. В другом месте она могла бы подумать, что сходит с ума, но в доме с привидениями это было как раз примерно то, чего и следовало ожидать. Она прислушалась, пытаясь понять, откуда доносится музыка. Музыка казалась какой-то негармоничной. Ноты раздавались в коридоре беспорядочно, хотя она явно различала звуки флейты и скрипки. Не желая ещё сильнее усложнить всё скрипом половиц, она стояла абсолютно неподвижно, сожалея, что с ней не было К-9, который мог бы сообщить о показаниях своих сенсоров.

Внезапно позади неё хлопнула дверь, и она резко обернулась на звук. Широко раскрытыми глазами она успела мельком разглядеть чью-то спину — кажется, Шона — скрывшуюся за углом. Видимо, он тоже слышал музыку, возможно, даже увидел что-то.

Ей, конечно же, не хотелось становиться на пути у того, что так напугало Шона, но она решительно

напомнила себе о том, что это именно такие события, ради репортажа о которых она сюда и прибыла. Кроме того, ну какое стукающее по ночам существо могло быть страшнее тех опасностей, в которых она побывала во время путешествий с Доктором?

Она опасливо направилась на звук, в направлении той комнаты, откуда выбежал Шон.

Пока что ни на кухне, ни в кладовке ничего не было сдвинуто со своего места, но сами мысли о предназначении этих помещений напомнили Майку Йейтсу о том, что после завтрака он ничего не ел. Не сомневаясь в том, что привидения могут и подождать несколько минут, он вернулся в коридор, мысленно выбирая между сандвичем с сыром и луком и кружкой томатного супа. А вот от мясных блюд он бы сейчас отказался.

Он свернул в вестибюль, и его нога провалилась по колено под пол, и лишь тогда он заметил, что К-9 не было. Не было и входной двери. Он вынул ногу из прогнившей доски, высвободив похожие на дым клочья пыли. Он огляделся.

Центральная лестница обрушилась, а по обшарпанным стенам расползались грязные сырье пятна.

— Что-то не так, мистер Йейтс?

Майк обернулся. Вопросительно подняв брови, на него смотрел граф. Питер тоже оторвался от работы с К-9 и поднял взгляд на Майка и графа. Майк быстро снова посмотрел на лестницу, но она опять была такой же целой, как и до этого.

— Не знаю, — признался он. — На мгновение всё выглядело иначе. Дом был запущенный, как будто тут много лет никто не жил.

— Любопытно, — граф быстро подошёл туда, где рядом с лестницей был проход в сторону кухни.

Затем он медленно повторил шаги Майка, заходившего в вестибюль. Он пожал плечами:

— Что бы это ни было, оно предпочитает англичан.

В почти пустой библиотеке Сара обратила внимание, что теперь ей слышно странную музыку гораздо лучше. Казалось, что она доносится из-за узких дверей между двумя стеллажами для книг. Она тихо подошла ближе и на всякий случай приложила ухо к двери. Музыка звучала, как и прежде, но теперь к ней добавился тихий гомон голосов и трудно различимый шорох какого-то движения. Заперта ли дверь? — подумала она, надеясь, что да. Однако тут явно происходило что-то интересное, и она почувствовала знакомый зуд любопытства. Профессиональные риски, — подумала она и выпрямилась.

Как только Сара взялась за дверную ручку, раздались крики. Она замерла, пытаясь побороть приступ паники. Кто бы ни был внутри, это не были члены исследовательской группы; судя по звуку, людей было много, женщины кричали, мужчины что-то удивлённо бормотали. Она обернулась посмотреть, нет ли кого рядом, но в вестибюле никого не было. Похоже, ей придётся зайти одной. Набравшись смелости, она толкнула дверь и зашла в неё.

В танцевальном зале крики не были слышны, но странная, необычно несвязанная музыка звучала ещё громче. Сару чуть не сбили с ног несколько пар, пронёсшихся мимо неё в каком-то странном вальсе. Отутюженные фраки и развевающиеся вуали танцующих были явно викторианскими, как и официальный наряд музыкантов, исполнявших в дальнем конце зала эту странную мелодию. От свойственных другим частям дома пыли и ветхости не было и следа. Хрусталь и серебро были начищены до блеска, керосиновые лампы отбрасывали на происходящее тёплый свет. Всё выглядело очень роскошно, а накрытые столы, стоявшие вдоль одной из стен, пробудили в ней своим видом аппетит. Но всё равно, было в этом что-то очень странное, помимо негармоничного уханья и стука музыки и даже самого этого факта, что это вообще происходит в этом хилом древнем доме.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Сара поняла, что именно это было: дамы в своих роскошных платьях двигались в танце впереди своих партнёров, а не как обычно; когда они перемещались по залу, подолы их платьев разевались рывками. Одна из пар чуть не налетела на неё, и почтенная дама вздрогнула, словно почувствовала сквозняк. Сара зачарованно смотрела на удаляющуюся пару, их шаги только сейчас стали слышны, а дама, похоже, уже не замечала холода.

Это было не совсем то, чего она ожидала от привидений. Это не было страшно; она словно смотрела спектакль, находясь на сцене. Никто пока что не обратил на неё внимания, и у неё было сильное подозрение, что они не могут её видеть. Иначе эти степенные викторианцы наверняка потребовали бы объяснить, кто она такая и почему явилась без приглашения.

Майк и граф стояли у нижней части лестницы и, поддев ломом, подняли одну из половиц и отбросили в сторону. Это, по мнению Майка, было ещё одним очком в пользу графа: он не боялся выпачкать руки. Эта черта стала редко встречаться в наши дни.

— Вы бы поаккуратнее, а то костюм вымажете, — посоветовал он.

Граф вынул из нагрудного кармана пиджака шёлковый платок и протёр им руки.

— Не беспокойтесь, мистер Йейтс. У меня есть много других костюмов. А открытия, которые мы можем сегодня совершить, могут значить для меня гораздо больше, чем любая одежда.

В это Майк охотно верил. Глаза графа, глядевшего в раскрытую ломом полость, смотрели с такой целеустремлённостью, какая бывает только во взгляде людей с непоколебимой решительностью.

— Я даже представить не могу, что можно обнаружить под полом.

— Например, вот это, — граф направил вниз луч маленького карманного фонарика, и Майк увидел множество проходивших под полом чугунных, стальных, и даже свинцовых труб.

— Должно быть, они идут от котла в подвале.

— Да... Интересно, что именно здесь их так много.

— Что вы имеете в виду?

Никто ещё, со времён Доктора, не держал Майка в таком неведении. Какое-то время граф молчал, и у Майка начало возникать ощущение, что его намеренно игнорируют. Затем граф оторвал взгляд от труб и сказал:

— Думаю, что даже если я вам и объясню, вы всё равно не поймёте. Напомню лишь вам о том, что и

металл и вода являются неплохими проводниками... самых разных видов энергии.

— Вы слышите музыку?

Граф выпрямился и прислушался:

— Едва. Кто-то принёс с собой радио?

— Не знаю.

Звук был странный, какой-то несвязный.

— Кажется, она сверху доносится.

— Если кто-то, вопреки моим указаниям, принёс в дом радио, я... Не важно, — граф дал Майку небольшой магнитофон. — Идите наверх и проверьте. Если у кого-то радио — отберите. Ни к чему нам путаться. А если нет — запишите звук на магнитофон и позовите меня.

Отвернувшись от Майка так, словно его тут больше не было, граф вынул из кармана серую коробочку и раскрыл её как толстое подобие сотового телефона. Майка внезапно охватило беспокойство; устройство, начавшее издавать мелодичные звуки, напомнило ему о тех приборах, которыми часто пользовался Доктор. А впрочем, в последние годы ему довелось повидать японские технологии, которые были гораздо более необычными, чем те, которыми пользовались противники UNIT во времена его службы. Взглянув в последний раз на графа, который начал водить серой коробочкой туда-сюда над

металлическими трубами, Майк отправился на поиски источника музыки.

Боб дёрнулся и чуть не вскрикнул, когда на его плечо опустилась рука.

— Тут тихо, почти как в могиле, — сказала Ширли.

Боб подавил в себе соблазн сказать, что он чуть было не проверил это на собственной шкуре.

— Я тебя напугала?

— Можно и так сказать.

— Прости, — она открыла дверь, через которую они зашли на чердак. Снизу поднялся столб света. — Я тебе возмешу это.

— Обещаешь?

Сара прошмыгнула через танцевальный зал, с любопытством отметив, что при её приближении танцоры, похоже, вздрагивали и оборачивались, но не совсем на неё. Она из вежливости отходила в сторону, когда кто-то двигался прямо на неё, хотя и не была уверена, что они действительно могут на неё наткнуться. Они выглядели какими-то иллюзорными и плоскими.

Она несколько раз подумывала стать у них на пути и посмотреть, к чему это приведёт, но так и не набралась храбрости. Разумеется, если бы Доктор

сказал ей, что это безопасно, она бы это сделала. Но его не было.

На противоположной стороне зала она увидела старый чугунный радиатор, и, выбрав его в качестве подходящего ориентира, свернула к нему. Пересекая комнату, она заметила, что танцоры становились более... плотными. А ещё они замедлялись, и это не было частью танца, они были словно сняты на киноленту, которую прокручивают с неправильной скоростью. Музыка тоже замедлялась, она зловеще разносилась по залу, как гром. В этот момент её бы не удивило появление Винсента Прайса в костюме шейха и с незнакомцем в красном капюшоне.

Теперь избегать столкновений стало легче, и Сара пошла быстрее. Однако она резко встала на месте, когда заметила, что всё вокруг неё замерло. Не совсем всё, — поправила она себя. Музыка по-прежнему гудела единственной, невозможной длинной нотой. Однако, все движения прекратились, и танцоры стояли на месте, словно окаменев.

Сара внимательно осмотрела ближайшего человека, почтенную даму, и помахала у неё перед глазами рукой, тщетно надеясь, что вызовет этим какую-нибудь реакцию. Это всё было очень странно. Выбирая дорогу между парами, она немного отклонялась от выбранного курса, но в целом придерживалась одного направления. Нота музыки

сменила свой тон и превратилась в заунывный вой. Танцоры снова начали танцевать, но в этот раз скорее вперёд, чем назад, хотя их движение было по-прежнему почти незаметно для глаза. Подумав, что нормальность в данной обстановке ни к чему хорошему не приведёт, Сара бросилась оббегать последние пары. Музыка уже играла достаточно быстро, чтобы она узнала в ней вальс Штрауса, ей даже удавалось разобрать фразы светского разговора о ситуации в Крыму. И только она подумала, что это может означать, что она скоро станет видимой, как почтенная дама, широко раскрыв глаза, указала прямо на неё.

Другие обернулись, их лица бледнели от удивления, женщины завизжали. Сара пялилась, пока не почувствовала, что упёрлась спиной в холодный металл радиатора. Затем беззвучно вспыхнул белый свет, и лишь две ноты вальса зависли в воздухе, а затем тоже угасли. Приходя в себя, Сара поняла, что в танцевальном зале стало тихо, никого не было, избранный контрольный предмет — стул — стоял на своём месте среди рассыпанного мела.

Какое-то мгновение Сара неподвижно стояла с раскрытым ртом.

— Муху проглотишь, — раздался слева доброжелательный голос.

Сара дёрнулась, но затем расслабилась, увидев, что это был Майк Йейтс.

Жёсткие тёмные пальцы пробирались по выцветшим обоям. Шон попятился в угол, как краб, опираясь на пятки и ладони рук; он всё ещё был слишком трезвый, чтобы проигнорировать ощущение, что они тянутся, чтобы схватить его.

Его наверняка выгонят из этого проекта за то, что он пришёл с бутылкой, но он им за это только спасибо скажет. Он пришёл сюда слушать ночные звуки и дразнить тех, кто верит в призраков, а не для того, чтобы его пугали странной музыкой из пустых комнат и тенями от оконной рамы в лунном свете, которые плясали по всей стене, несмотря на то, что луна, как всегда, висела в небе неподвижно, а других источников света снаружи не было.

Пятась как можно дальше, он упёрся боком в холодный металл радиатора. Пытаясь защититься, он прижал к себе ноги, обернувшись калачиком вокруг бутылки, а тени метались туда-сюда по всей стене, как будто всю ночь снова и снова проигрывали на повышенной скорости и перематывали обратно.

Он сосредоточил своё внимание на оконной раме; какая-то часть его надеялась, что он застукает её и увидит, что происходит на самом деле, а другая часть надеялась, что не увидит. Как бы там ни было, он так

сильно сосредоточился, что оставался в полном неведении о том, что в дверном проёме сгустилась гораздо большая тень, и тихонько засмеялась.

В ярком свете луны автомобиль выглядел серой, бесцветной глыбой, в его лобовом стекле было видно только искажённое отражение покрытого кратерами серебряного диска.

Под ногами хрустел гравий, но слишком тихо, чтобы кто-то мог это услышать, особенно учитывая ритмичный скрип, доносящийся от автомобиля. За изогнутым стеклом окна, на заднем сидении угадывалась движущаяся человеческая фигура.

Гравий перестал хрустеть, и остановившийся человек покачал головой, весело щекая языком. Похоже, само проявление отвлекает от него внимание.

Питер закончил подключать к антеннам К-9 трансформатор и лихим движением включил его. Голова робота немного поднялась, и в сдвоенных, окрашенных в красный свет линзах его визуальных сенсоров загорелся бледный свет. Правда, это длилось всего секунду, а затем свет погас, а голова снова поникла.

Питер озадаченно покачал головой, потянулся к своему ремонтному набору, достал другой трансформатор и винты. Несколько винтов выпали у

него между пальцами на пол, но он был так поглощён своим занятием, что даже не выругался по этому поводу. Такое впечатление, что подача в компьютер дополнительной энергии только ускоряла его истощение, — думал Питер, отрешённо шаря рукой по половицам. Его мысли прервались, когда он понял, что не может нашупать ни один из выпавших винтов. Он раздражённо развернулся и прижался щекой к полу, чтобы заглянуть под К-9. Только он успел разглядеть один из винтов, как тут же отвлёкся, услышав едва уловимое электрическое урчание, которое, казалось, исходило не от К-9, а скорее откуда-то из-под пола.

Подумав, что это может быть именно то, ради чего здесь и собралась команда исследователей, он взял со стула оставленные там видеокамеру и диктофон. Изображение докажет этой высокомерной Ширли, что работа в университете ещё не значит, что ты хороший исследователь. Снова приложив ухо к полу, он слегка похолодел: урчание не умолкало, оно было похоже на тихое и быстрое попискивание. Это явно было что-то под полом. Может быть, туда кошка залезла сквозь вентиляцию? Если так, то лучше её выпустить, не то эта паршивка там и сдохнет.

Половицы были короткими, но уложены были плотно. Засунув между ними отвёртку, он довольно легко приподнял конец одной из них. И чуть не выронил, когда почувствовал коленями вибрацию от

чьих-то шагов. Вскрикнув, он обернулся, а увидев, кто это, сразу почувствовал стыд.

— А, это вы. Вы меня чуть до смерти не напугали.

— Что же, я всегда довожу всё до конца.

Кольцо из мелового порошка вокруг стула было нетронутым, в точности таким, каким его насыпали.

— Странно, что всё прекратилось, когда ты натолкнулась на радиатор, — сказал Майк.

— Может быть, это что-то вроде записи в кирпичах, — предположила Сара. — Ты видел этот фильм, «Запись в камне»?

— А может, в металле?

— В металле?

— Ну, танцевальный зал прямо над котлом, там есть трубы, которые ведут напрямую к радиатору. Может быть, металл может проводить призрачные изображения также, как электричество?

— Да ладно тебе, Майк. Если бы так, то все дома в Британии были бы... — она запнулась на полуслове, потому что где-то в другой части дома раздался крик, который затем плавно утих, как если бы кричавший забыл, что он кричит.

Майк побежал двери:

— Это со стороны фойе!

Сара бежала за ним:

— К-9! Если Питер рылся в его внутренностях, его могло ударить током.

— Ясно, — Майк открыл дверь. — Если хочешь, можешь остаться тут...

— Ещё чего! — Сара протолкнулась мимо него в библиотеку.

Улыбнувшись, Майк побежал следом.

Двигаясь быстро, но осторожно по едва освещённым комнатам, стараясь не задеть аккуратно расставленные контрольные объекты, они вернулись обратно на лестничную площадку. Им навстречу поднимался граф с чёрным портфелем-дипломатом.

— А, мистер Йейтс, Сара, — граф снова посмотрел в свою серую коробочку. — Вы увидели что-то в танцевальном зале?

— Откуда вы знаете? — спросила Сара.

— Трубы ведут прямо туда. Значит, я был прав; всё это связано с системой отопления... — граф убрал коробочку, раскрыл дипломат, и вынул блокнот и ручку. — Итак, измерения дают примерно 0.2 по шкале Бокка, — бормоча себе под нос, он быстро писал что-то в блокноте.

Саре удалось мельком заглянуть в блокнот, но каракули математических формул ей были не более понятны, чем санскрит.

— А что это такое?

— Всего лишь простое применение теоремы Минковского о четырёхмерных векторах, — граф поднял взгляд. — Вы, кажется, куда-то спешили? Не буду вас больше задерживать.

— Вы не слышали крик? — спросил Майк.

— Просто задачка, ничего серьёзного. О, отлично! — он спрятал блокнот. — Вы позовите? — подняв дипломат, он развернулся и поспешил вверх по лестнице.

Майк и Сара недоумённо переглянулись.

— Давай всё-таки проверим, — предложил Майк.

— Ты прав, — согласилась Сара. — Ты знаешь, мне кажется, что он нас на самом деле даже не заметил.

— Да, мне тоже так показалось. Знаешь, забавно, но он мне чем-то напоминает...

— Доктора! Да, он тоже так себя иногда ведёт.

Спускаясь по лестнице, они высматривали остальных.

— Вон К-9, — указала рукой Сара, когда они зашли в вестибюль, — а куда Питер делся?

— В штаб пошёл? — Майк подошёл к двери и заглянул вовнутрь.

— Тут только Шон; кажется, он спит.

— Несмотря на такой крик?

— Рядом с ним пустая фляга.

— Ясно.

Сара присела возле К-9. Рядом с ним лежал трансформатор, кабели ещё не были подключены.

— Питер так и не зарядил К-9.

Она внимательно осмотрела пол. Вокруг одной из половиц были какие-то царапины. Повинуясь своему любопытству, она попыталась взяться за слегка приподнятый край этой половицы.

— Майк, ты мне не поможешь?

— Конечно. Граф меня тоже просил помочь ему с одной из половиц, — сказал он, указывая на дыру возле лестницы. — А в этой что необычного?

— Не знаю, но её снимали, причём недавно, — она взяла лежавшую среди проводов отвёртку. — Если я подковырну её отвёрткой, ты сможешь ухватиться.

— Хорошо.

Он протянул руки, готовясь ухватить половицу, а она поддела доску отвёрткой. Треснув, доска выскочила, и Майк убрал её в сторону и заглянул под пол.

— Боже мой! — вырвалось у него.

Сара при виде обнаруженного там маленького, словно слепленного из пластилина трупа с трудом подавила тошноту.

— Вот уж не думал, что снова это увижу после ухода из UNIT, — сказал он.

Сара подумала, что Майку, судя по его виду, сейчас ничуть не легче, чем ей. Он опустил руку под

пол, стараясь не коснуться трупа, и вынул оттуда небольшую серебристую спираль, на конце которой мигал огонёк. На ней было несколько кнопок, и Сара для пробы нажала одну из них. Через секунду огонёк перестал мигать. Почти в тот же миг глаза К-9 начали светиться и его голова немного поднялась.

Сара посмотрела на Майка.

— Ты знаешь, что случилось с беднягой Питером?

— Доктор называл это «сжимающий материю элиминатор». Любимое оружие Мастера.

— Мои поздравления! — раздался из расположенных под лестницей дверей в подвал голос графа.

Они обернулись к его улыбающемуся лицу.

— Вы всегда были самым умным; не обижайтесь, мисс Смит. Наше с вами знакомство в Зоне Смерти было, боюсь, весьма коротким.

— Что вы здесь делаете? — голос Майка стал жёстким и решительным.

Мастер изобразил обиду:

— Разве так приветствуют старого друга? — он грустно покачал головой. — Ох уж, эта современная молодёжь... Когда я впервые услышал о разрывах времени в этом доме, я сразу понял, что он построен на временном разломе. Но размах наблюдаемых явлений был слишком велик, чтобы списать его полностью на

естественные причины, — он слегка наклонил голову.

— Вы знаете, кому принадлежит этот дом?

— Местному совету, наверное, — Сара была шокирована, но опыт подсказывал ей, что лучше не подавать виду.

— Вообще-то, нет. Они его лишь арендуют. А принадлежит он нашему общему другу — Доктору.

В этот момент Сара не смогла подавить удивление. Впрочем, удивление быстро прошло — она убедила себя, что можно было бы и догадаться, что в такой странной обстановке не могло обойтись без Доктора.

— Любой временной разлом можно стимулировать внешней силой, — продолжал Мастер, — и ТАРДИС — чудесный тому пример. В данном случае разлом стимулируется темпоральными утечками из предстоящего прибытия ТАРДИС. Вот и возникают временные пузыри других временных зон, прорывающихся сюда. Арtronная энергия проводится металлом труб отопительной системы и текущей по ним водой обратно в прошлое. Временной разлом, разумеется, имеет привлекательные особенности, к примеру, повышение чувствительности сканеров ТАРДИС. Но гораздо интереснее вызываемые им риски, — Мастер медленно улыбнулся. — Благодаря вашей любезной помощи и проведенным мной измерениям расположения и силы временных разломов, я смог вычислить точное время прибытия

ТАРДИС, и теперь могу нужным образом простилировать временной разлом. Когда она прибудет, она будет пытаться сосуществовать с энергией, испущенной разломом...

— Временное столкновение? — неуверенно перебил Майк.

— А, видимо, мисс Грант рассказал вам о наших приключениях на Атлантиде. Да действительно, временное столкновение.

— Извините, что перебиваю, — перебила Сара, — но что делает это временное столкновение?

Мастер вздохнул:

— Вечно любопытная ученица. Но, раз уж вам интересно: ничего особенного, во всяком случае, по космическим масштабам. Просто ТАРДИС, её пассажиры, этот дом, и всё, что находится в радиусе порядка трёх километров, полностью прекратят своё существование, — он немного приподнял сжимающий материю элиминатор. — Кстати, о существовании...

— К-9, давай! — крикнула Сара и бросилась головой вперёд в двери штаба.

Она не была уверена, что он уже достаточно перезарядился для атаки, или хотя бы для того, чтобы услышать её, но её надежда оправдалась — она услышала знакомый звук поднимающегося из его морды бластера. Короткая вспышка осветила всё красным светом, но Мастер ловко перепрыгнул через

парапет на ступени, и энергетический луч прожёг только дерево.

Мастер побежал вверх по лестнице, перепрыгивая по несколько ступеней за раз, и К-9 покатился к нижней части лестницы.

— К-9, нет! — Сара осторожно вышла из «штаба»; Майк поднимался с пола. — У него должны быть какие-то средства воздействия на энергию этого временного разлома, — продолжила она. — К-9, ты не чувствуешь ничего, способного на такое?

Антенны К-9 слегка повернулись.

— Сенсоры обнаруживают источник энергии неизвестного типа по азимуту 015.347. Вероятность того, что эта энергия генерируется инопланетными технологиями, 99.74%.

— Ты с этим справишься?

— До получения дополнительных данных это неизвестно, хозяйка.

Она подумала, что К-9 временами ведёт себя как ребёнок.

— Ну, так пойди и узнай!

— Подтверждаю, хозяйка! — развернувшись на месте, К-9 покатился к двери в подвал.

Сара стала на стоявший у стены стул и начала вынимать висевшие на стене шпаги.

— Что это ты ещё вздумала? — спросил Майк.

— Мы же не собираемся позволить Мастеру уйти?

Сняв шпаги, Сара бросила одну из них Майку.

— У него есть сжимающий материю элиминатор,
— напомнил ей Майк.

Сара указала на свою шпагу:

— А у меня есть это!

Перспектива стать жительницей детского домика для кукол её абсолютно не прельщала, но её терпению пришёл конец. Ради Бога, это же уже девяностые, и уже далеко не первый раз она сталкивается с инопланетными убийцами. Кроме того, когда-то она фехтовала за сборную школы... это, казалось, было уже так давно. Не ожидая ответа Майка, она пошла вверх по лестнице, в душе надеясь на то, что Мастер уже сбежал, и в доме его нет. Она не хотела даже и думать о том, что могло случиться с остальными исследователями... или с настоящим графом, если такой вообще существовал когда-нибудь.

Завершив спуск по узкой лестнице на пол подвала, гидравлика К-9 опустила его туловище в нормальное положение. Повертив антеннами, он определил направление на обнаруженную им ранее утечку энергии и подъехал к приземистому ржавому котлу, к которому вели сплетения труб.

Рядом на полу лежал пустой портфель-дипломат, а к центру котла была присоединена плоская панель управления. Быстрый запрос внутренних баз данных

сказал К-9 о том, что показания этого устройства на 85% совпадают с типичными показаниями векторного фильтра времени в ТАРДИС. Рассудив, что у него нет инструментов, которыми можно было бы отсоединить его, и что дешифровка органов управления займет непозволительно продолжительное время, он решил действовать иначе.

Выдвинув между линзами своих оптических рецепторов зонд, он быстро просканировал бойлер, убедившись, что тот нерабочий, поэтому нет опасности того, что из него вырвется пар. Сфокусировав свой энергетический луч в более узкое пятно и повысив его мощность, он начал прорезать металл вокруг векторного фильтра времени.

Майк осторожно зашёл в главную спальню, держа перед собой шпагу. Он был уверен, что слышал, как Мастер зашёл сюда, но в тусклом свете единственной лампочки под абажуром не мог его разглядеть. Когда Майк проходил мимо высокого шкафа, дверь шкафа неожиданно распахнулась, и оттуда выскочил Мастер. Бывший капитан UNIT вовремя заметил мелькнувшую тень и успел увернуться от удара синан-дзю. Он резко развернулся и взмахнул шпагой. Повелитель времени отпрыгнул назад, лицо у него было довольное.

— Всё как в старые добрые времена, капитан Йейтс?

— Нет уж. В этот раз я намерен остановить вас... окончательно.

— Дуэль? Вы вызываете меня на дуэль? — в глазах Мастера сверкнула радость. — Как воин воина? Начинают двое, уходит один? А я и не знал, что вы такая поэтическая натура, — он вынул из своей трости чёрного дерева рапири и отдал салют. — Защищайтесь, капитан!

Майк бросился вперёд, направив шпагу в колючем движении. Мастер легко парировал удар, при этом конец его рапиры задел пуговицу на пиджаке противника. Повелитель времени укоризненно щокал языком:

— Какой же вы беспомощный без огнестрельного оружия. К вашему сведению, капитан, оружие в ваших руках годится и для рубящих ударов.

— Вы имеете в виду, вот так? — Майк сделал выпад в направлении горла Мастера, и тут же вернул шпагу на уровень пояса.

Мастер отступил, выходя из комнаты:

— Вот это уже получше!

Их клинки глухо звенели в коридоре.

— Спасибо за совет, — Майк атаковал изо всех сил, воодушевлённый тем, что Мастер постепенно отступал.

— Извините, что я вас отвлекаю, — виноватым голосом сказал Мастер, — но мне кажется, что вы должны кое-что знать.

Майк рискнул продвинуться вперёд ещё на шаг, и Мастер с улыбкой отступил.

— Что именно?

— На самом деле я не левша.

Ловким движением Мастер перебросил рапицу из левой руки в правую, и тут же с головокружительной скоростью пошёл в атаку. Отбивая эти яростные удары и стараясь не выронить при этом шпагу, Майк быстро отступал по коридору и, споткнувшись, ввалился сквозь дверь в оранжерею.

Квадратная часть котла, к которой был присоединён векторный фильтр времени, со стуком упала на пол. К-9 отъехал на метр назад и установил энергию луча на более стандартное значение. Первый же выстрел разнёс инопланетное устройство в клочья, посыпавшиеся светящимися нитями.

Мастер ловко скользнул в оранжерею и приставил кончик своей рапиры к горлу Майка.

— Даже жаль, мы с вами так хорошо проводили время.

Внезапно его глаза расширились: из-за двери вылетел ещё один клинок, ловко отбивший в сторону кончик его рапиры.

Из-за двери вышла Сара:

— Я тоже не левша!

— О, роковая женщина? — внезапно нагнувшись, Мастер схватил шпагу Майка и сделал выпад.

Сара парировала удар, но ей показалось, что это была просто удача. Мастер запрыгнул на дощатую скамью, и Сара чуть не порезала его лодыжки. Вдвоём они осторожно кружили друг вокруг друга, сталь билась о сталь, высекая искры.

— Может быть, вам уже пора сдаться? — спросила Сара. — К-9 уже должен был уничтожить то, что вы установили в подвале.

Не сводя с неё глаз, Мастер вынул из кармана пиджака серую коробочку и мельком взглянул на её показания.

— Похоже, что вы правы, мисс Смит, — он оглянулся на пыльные стёкла оранжереи и нажал на коробке другую кнопку. — Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

Ширли слегка звонкнула, когда окна их машины пронзили яркие лучи фар. Посмотрев в окно, она увидела, что свет фар пробежал по фасаду дома, и чёрная тень метнулась в темноте, хрустя гравием.

— А я подумала, что это полиция.

— Похоже на машину графа, — пробормотал Боб, пытаясь успокоить своё дыхание.

Когда его серая коробочка тихо пискнула, Мастер кивнул:

— Был очень рад повидаться со старыми знакомыми, — сказал он, галантно улыбаясь ошарашенным Саре и Майку.

Внезапно он развернул шпагу в руке и бросил её в Сару на манер кинжала. Сара бросилась на пол, оружие пролетело над ней и встрияло в дверную коробку. В тот же момент раздался громкий звон, и, подняв голову, Сара успела увидеть дождь стеклянных осколков, осыпающихся позади Мастера, выпрыгнувшего в ночь и скрывшегося ниже пола второго этажа.

Поднявшись, Сара и Майк подбежали к разбитой двери оранжереи и осторожно выглянули во двор. Под ними задвигался люк на крыше большого чёрного «Мерседеса». Машина поехала по дороге прочь, и со странным, то поднимающимся, то опускающимся звуком, растворилась в темноте. У входа в оранжерею остановился, вращая антеннами, К-9.

— Хозяйка, вы не ранены?

— Нет, К-9, мы оба целы.

— И как же мы всё это будем объяснять? — спросил Майк.

Сара посмотрела на него, и устало усмехнулась:

— Очень осторожно.

КОРОЛЕВА НА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Мэттью Джоунс

«Среди английских королей и королев ни у кого правление не было таким коротким и трагическим, как правление Джейн Грей, коронованной в 1553 году, чьё царствование продлилось всего девять дней. Эта молодая женщина вошла в историю как «королева на девять дней», этим печальным фактом она запомнилась всем гораздо сильнее, чем любым другим аспектом своей жизни.

УПРАЖНЕНИЕ: Прочтите следующий отрывок из написанной Джоан Стивенсон биографии Джейн Грей, а затем, разбившись на группы по два-три человека, представьте, какой была жизнь этой пятнадцатилетней девушки».

Отрывок из книги «Путешествия в истории: учебник для средних школ (1985)», составленный Барбарой Честертон и Йеном Мартином.

— Барбара!

Волк прыгнул на неё, его челюсти целились в её горло.

Йен мог только смотреть на этот прыжок. Всё было как в замедленной киносъёмке: на мгновение зверь словно завис в воздухе, его зубы блеснули в лунном

свете, а затем, словно из ниоткуда, в его голову встрияла стрела, и он упал к её ногам.

Обернувшись, чтобы найти лучника, Йен увидел прямо перед собой молодую женщину верхом на коне. Он неосознанно попятился от неё, пока не оказался рядом с Барбарой. Инстинктивно он обнял её и почувствовал, как сильно она дрожит.

Лучница была не одна. Из темноты выехали ещё четыре всадника. Самый высокий из них, широкоплечий мужчина с суровым лицом и чёрной бородой, спешился и подошёл туда, где лежал труп волка. Вынув из ножен длинный нож, он разрезал шею животного, отделил его голову, и поднял этот трофея так, чтобы все его видели.

— Посмотрите, куда этой твари стрела угодила! Прямо в глаз! Разве есть более умелая охотница во всём Лестершире? Я утверждаю, что нет!

Всадники одобрительно закричали. Только молодая женщина, чей выстрел сразил волка, казалась недовольной. Комментарии бородатого мужчины ей не польстили, она скорее стеснялась того, что оказалась из-за них в центре всеобщего внимания.

— Дядя, прошу тебя, — умоляла она, стараясь ослабить атмосферу праздника. — Стрела настигла свою цель скорее благодаря везению, чем мастерству. Бросай этого зверя и поехали обратно домой.

— Ерунда! Я прикажу, чтобы эту голову повесили на стену в память об этом событии. Она будет висеть в Большом Холле, чтобы все видели твоё мастерство.

Он передал голову зверя одному из других всадников и, наконец, обратил своё внимание на Йена и Барбару. Все следы веселья пропали с его лица, его голос приобрёл те сухие оттенки, с которыми обычно говорят с подчинёнными.

— А теперь рассказывайте, кто вы такие и что вы делаете в Брэдгейте? Нарушителям тут не рады, а браконьеры могут остаться без рук или даже без головы.

Йен лишь смотрел на мужчину с раскрытым ртом. Барбара тоже всё ещё была в шоке. Для двоих учителей события развивались слишком быстро. Они оба не могли ничего сказать.

— Следует ли понимать ваше молчание как отсутствие у вас законных оснований на присутствие здесь? — в голосе бородатого мужчины появилась скука. Он вытер свой окровавленный нож тряпкой, а потом поднял взгляд со сверкающего лезвия на незнакомцев. — Этим летом браконьеры нас слишком часто беспокоят. Мне придётся завершить намерения волка, в качестве урока для тех, кто ворует у моих родственников и добрых хозяев, Греев из Брэдгрейта.

— Думаю, я смогу прояснить это недоразумение, — сказал новый голос.

Возле обезглавленного трупа волка стоял Доктор. В одной руке у него была трость, а в другой — фонарь. Он потыкал тростью волка, а затем поднял фонарь на уровень головы, и на его угловатых чертах лица свет отбросил зловещие тени.

— Но вначале я бы хотел узнать о том, что тут произошло. Это вы умертили зверя?

Судя по выражению лица бородатого мужчины, он не привык, чтобы к нему так обращались.

— А вы кто ещё такой?! Сколько ещё крестьян сегодня по Брэдгейту шляется?

— Я Доктор. Эти двое людей, которых вам удалось запугать так, что они лишились дара речи, мои спутники. Я задал вам вопрос, молодой человек, и он гораздо важнее вашего. Быть может, вы всё-таки соблаговолите на него ответить, хм? Это вы убили это существо?

В голосе Доктора была такая уверенность, что бородач ответил.

— Зверя убила моя племянница, — сказал он, указав на молодую женщину, не сказавшую за время их разговора ни единого слова. — А свои дерзкие вопросы вы адресуете герцогу Нортумберленду. Человеку, чьё терпение уже на пределе.

— Уверен, ваше терпение выдержит ещё немногого, мой дорогой.

Доктор отвернулся от едва сдерживающего себя герцога и вынул из кармана цилиндрический предмет. Он щёлкнул выключателем, и из устройства выдвинулась сложная проволочная антенна. Доктор провёл ею над телом мёртвого волка, а затем, удовлетворившись, сложил и спрятал свой прибор.

— Зверь абсолютно мёртв, — сказал герцог Нортумберленд, подойдя к Доктору. — Девушка мастерски стреляет из лука, опасности больше нет.

— То, что он мёртв, не обязательно означает, что опасности больше нет.

Герцог прищурился:

— Думаю, я терпел тебя уже достаточно, старик. Быстро рассказывай, что ты тут делаешь, а иначе я прикажу вас убить на месте!

Доктор выпрямился в полный рост и повернулся к герцогу, но не успел он ничего сказать, как заговорила юная лучница:

— Да это же доктор Сэмюэль Смайти! Сэр, вы сильно опоздали. Мы ждали вашего приезда из Оксфорда несколько дней назад. Не имея от вас никаких вестей, мы отправили в колледж гонца, чтобы он разузнал судьбу нашего нового книжника. С вами что-то случилось?

Герцог стал между племянницей и Доктором:

— Вы должны быть учителем этой молодой леди? Почему вы сразу об этом не сказали? И почему вы добирались из Оксфорда в Лестер целых две недели?

Доктор озадаченно посмотрел на девушку, но ничего не сказал. Он позволил отвести себя туда, где стояли Йен и Барбара.

— Идёмте, — продолжал герцог. — Мы организуем транспорт для вас и ваших спутников.

Йен смотрел сквозь окошко повозки на невзрачный пейзаж. Освещённая луной местность, мелькавшая в окне в сопровождении грохота, была безлюдная и захватывала дух. Их путь проходил по дну долины. Огромные куски гранита с изрезанными краями лежали на вершинах холмов, словно зубы в челюсти людоеда. В противоположное окошко был виден лиственный лес, а за ним серело озеро.

Герцог послал за транспортом, чтобы доставить в Брэдгейт нового наставника и его помощников.

Йен сразу невзлюбил этого грубого мужчину, особенно за то, с каким удовольствием тотставил в неловкое положение девушку, расправившуюся с волком. Йен посмотрел на Барбару, тихо глядевшую в другое окно. По её лицу он понимал, что мысли её заняты далеко не пейзажем. В серебристом свете луны складки вокруг её рта казались глубже, глаза у неё покраснели. Йен понимал, что она на грани полного

изнеможения. Он и сам был почти в таком же состоянии.

Последние несколько часов были для них всех тяжёлым испытанием. Всё началось в корабле, когда индикатор работоспособности зарегистрировал несколько мелких неполадок. Само по себе это не сильно взволновало Йена — что бы там Доктор ни говорил, его машина всегда барахлила. Немного позже Барбара извинилась и ушла, сославшись на головную боль. Ни Доктор, ни Йен не видели связи между неисправностями ТАРДИС и самочувствием Барбары... во всяком случае, до тех пор, пока Йен не проснулся у себя в комнате от того, что Барбара его душила. Молодая женщина истерически хохотала, в уголках её рта собралась пена, и ему с трудом удалось высвободиться из её хватки.

Ещё до того, как Доктор всё объяснил, Йен инстинктивно понял, что свирепый разум, сверкавший глазами Барбары, принадлежал не ей. За эти несколько секунд её лицо выразило больше жестокости, чем Барбара Райт могла почувствовать за всю жизнь. Лицо Барбары, перекошенное триумфальной ухмылкой, с которой она пыталась его задушить, будет теперь преследовать его много лет.

По словам Доктора, смотревшее глазами Барбары существо было вриджем. Стариk сказал, что знал о них только из легенд. Оказалось, что местом обитания

этого существа было то странное измерение, сквозь которое проходила ТАРДИС, перемещаясь между годами и мирами, тот вихрь пространства и времени, где законы физики, которые Йен знал, и которым обучал детей, не имели никакого смысла. Однажды это существо разгуливало по вселенной, создавая хаос и беспорядки везде, где бы оно ни появлялось, но в конце концов его поймали, лишили физического тела, и выслали в вихрь, где оно больше не могло причинить вреда. Так, по крайней мере, считалось.

Бесчисленные годы существо, должно быть, оставалось узником вихря. А затем появился корабль Доктора — связующая нить между этим измерением и реальным миром. Существо воспользовалось возможностью освободиться от своих оков, и вторглось вначале в ТАРДИС, а потом и в сознание Барбары. А затем оно направило корабль Доктора на Землю, где умчалось в ночь, ища убежища в первом же попавшемся ему теле — в волке.

Пытаясь выследить это существо, Барбара и Йен оторвались от Доктора, и волк выпрыгнул на них из темноты. Существо ходило кругами, яростно щёлкая челюстями. За миг до того, как оно прыгнуло на Барбару, Йен заглянул в его дикие глаза. Они казались освещёнными изнутри алым огнём.

Йен неосознанно потянулся рукой и ощупал ушиб на шее. Он всем сердцем надеялся, что вридж умер

вместе с волком. Он больше никогда не хотел видеть эти глаза.

В окне повозки появился силуэт большого дома. Брэдгейт был невысоким широким зданием, на обоих концах которого стояли высокие восьмигранные башни. Йен не мог определиться с архитектурным стилем. Предположив, что это эпоха Тюдор, он решил не спрашивать об этом у Барбары, видя, что она всё ещё была в шоке от последних событий. Здание словно втиснули между двумя башнями, и Йен подумал, что оно как будто грустит.

Когда повозка остановилась возле главного входа, Доктор похлопал Йена по колену:

— Нам нужно будет как можно быстрее убраться отсюда. Не стоит рисковать и ждать пока нас раскроют.

— А как же это существо?

Доктор вынул из кармана свой прибор и сверился с его показаниями.

— Мой прибор не регистрирует в ближайшей окрестности никаких паранормальных возмущений. Быть может, ему пришёл конец?

— Нет, — сказала Барбара, и Йен был поражён злости в её голосе. — Оно где-то тут. Я его чувствую.

— А я-то думал, что вы с вашими грозными навыками будете охотиться вместе с остальными, —

удивился Доктор, обнаружив свою новую ученицу тихо читающей в библиотеке.

Девушка покраснела.

— Боюсь, что события прошлой ночи создали у вас неправильное впечатление обо мне, — извинилась она.

— Я не охотница. Сказать по правде, я бы ни капельки не сожалела, если бы мне навсегда запретили охотиться и ездить верхом.

Она закрыла книгу, положила её на подлокотник кресла, и подошла к большому окну, выходящему на поместье. За окном были герцог и его люди. Они садились на лошадей, собираясь на очередную охоту.

— Все их развлечения в лесу — лишь тень того удовольствия, которое я получаю, читая Платона.

Доктор взял в руки томик платоновского «Федона», который она отложила в сторону. Увидев, что это было издание с оригинальным греческим текстом, он одобрительно улыбнулся: девушка явно имела хорошее образование. Он опустил руку в карман, пытаясь найти в нём очки, но вспомнил, что в эту эпоху очки будут анахронизмом. Тихо вздохнув, он оставил очки в кармане и отодвинул от себя книгу на расстояние вытянутой руки, чтобы сфокусироваться на мелких греческих буквах.

Стареешь ты, Доктор, — подумал он. Оторвав глаза от книги, он пересёкся взглядом с девушкой. При свете дня он понял, что она гораздо моложе, чем он

изначально подумал; ей, должно быть, не больше шестнадцати. Её песочного цвета волосы были зачёсаны назад, отчего её серьёзное лицо казалось ещё строже. В ней любопытным образом смешались уязвимый ребёнок и образованная взрослая женщина. Проведя столько времени в двадцатом веке, он уже и забыл, что в шестнадцатом детство было гораздо короче.

— Вы, разумеется, знакомы с Платоном? — спросила она.

— Да, знаком, дитя моё, — ответил Доктор с лукавой улыбкой. — Однажды я провёл в его обществе несколько приятных недель. Хотя он, насколько я помню, был весьма серьёзным молодым человеком.

Молодая женщина сухо рассмеялась:

— Платон жил и умер много сотен лет назад, Доктор — если вы действительно доктор — и я очень сомневаюсь в том, что вы настолько стары. Пожалуйста, если вы должны быть моим учителем, то прошу вас относиться ко мне серьёзно, потому что никто больше в этом доме меня всерьёз не воспринимает.

Доктор посмотрел на девушку и решил положить конец этим играм.

— Вы же знаете, что я не присланный учить вас учёный из Оксфорда, не так ли? Вы знали это и вчера, когда спасли меня от герцога и его людей.

— Что вы делали в Брэдгейте? На браконьера вы не похожи.

Доктора развеселило такое предположение:

— Нет, нет, дорогая, мы не браконьеры, хотя мы в некотором смысле охотники. На нас лежит особая и очень опасная миссия, связанная с ужаснейшим и свирепейшим существом.

— С волком?

— Если бы всё было так просто. Тварь, которую выслеживали я и мои друзья, не из этих мест...

Девушка была озадачена:

— Вы имеете в виду, что оно с континента?

— А? О, да, в некотором смысле. Мы нечаянно доставили его сюда в моём корабле. Я обязан вернуть его в его естественное место обитания.

Она тревожно посмотрела Доктора:

— И это существо разгуливает по Брэдгейту?

— Вначале я думал, что да, но теперь я в этом не уверен. Но я уверен в том, что наши поиски не продвинутся, если мы будем оставаться вашими гостями. Рано или поздно правда о нас откроется, и это будет проблемой для всех нас. Скажите, вы не поможете нам незаметно скрыться?

— Какой вы странный человек, Доктор. Я не знаю, что о вас и думать.

А затем она впервые со времени их первой встречи улыбнулась:

— Я помогу вам, но только при одном условии.

Девушка замолчала, словно пытаясь набраться храбрости. Она взяла у Доктора том «Федона», и он заметил у неё на запястьях тёмные пятна. Девушка быстро опустила рукава платья так, чтобы прикрыть эти раны.

— Грубость герцога распространяется не только на незнакомцев, но и на членов семьи? — спросил Доктор.

Его вопрос шокировал девушку, она не привыкла к такой прямоте. Она опустила руки и посмотрела вниз. Доктор понял, что, несмотря на уверенный вид, она была запугана.

— Нет. Эти синяки остались от рук моего отца. Но это вполне мог бы и герцог, он оказывает на моего отца очень сильное влияние. Они заставляют меня выйти замуж против моей воли. Если я останусь тут, меня будут бить, пока я не соглашусь, а бежать мне некуда. Я помогу вам уехать из Брэдгейта. Этой ночью, если хотите. Но при условии, что вы возьмёте меня с собой.

— Что? — от неожиданности Доктор начал заикаться. — Моя дорогая леди... — начал он, но в этот момент в комнату уверенным шагом вошла крупная женщина средних лет.

— А, вот ты где, Джейн, — сказала она таким тоном, словно рассчитывала застать девушку за дурным занятием.

Заметив Доктора, она осмотрела его с ног до головы, приподняв бровь при виде его пиджака и клетчатых брюк.

— Я слышала, что прибыл новый учитель. Наконец-то.

Мимо Доктора не прошло то ударение, с которым она произнесла последнее слово. Он расправил спину и взялся руками за лацканы пиджака.

— Доброе утро, мадам, — начал он. — Если позволите, я объясню...

Женщина продолжала, игнорируя его:

— Хотя, как только ты выйдешь замуж, тебе больше не нужен будет учитель.

— Я же говорила тебе, мама. Я не выйду замуж за Гилфорда.

Мать Джейн сделала вид, что ничего не услышала.

— Мужчины не любят, когда их женщины образованы лучше, чем они; они терпеть не могут уступать в чём-то. Из-за этого они могут чувствовать себя ничтожествами.

— В таком случае сын герцога будет себя чувствовать ничтожеством даже рядом с необразованной кухаркой. Говорю тебе, мама, я скорее умру.

Доктор тихо слушал их спор, впитывая информацию. Он неосознанно прикрыл рот рукой, когда понял, куда именно перенёс их вридж. Как же он сразу не заметил? Он должен был узнать название поместья ещё прошлой ночью, как только герцог его произнёс. Торопясь выследить вриджа, он лишь мельком глянул на приборы ТАРДИС перед тем, как выбежать из неё, отметив лишь, что они прибыли в Англию шестнадцатого века.

Он увидел свою «ученицу» в новом свете. Девушка, которая стояла перед ним и спорила с матерью, была Джейн Грей. Доктор знал о том, какая трагическая судьба ждёт эту девочку: из-за её родства с королевской семьёй Англии ей было суждено стать жертвой политических аферистов. И он прекрасно знал священные законы, которые связывали его руки, запрещали ему вмешиваться в такой важный исторический момент. Он не мог помочь Джейн избежать её судьбы. Вмешаться в установившуюся историю с таким размахом было бы немыслимо.

Когда мать Джейн вышла, и они снова остались одни, он попытался заговорить и с удивлением обнаружил, что в горле у него пересохло. Как ему сказать этому ребёнку, что он не может ей помочь?

Его отвлёк знакомый звук, раздавшийся у него в кармане. Отслеживающее устройство издавало слабый, но непрерывный писк. Он громко кашлянул, чтобы

прочистить горло и скрыть звук, и опустил руку в карман, чтобы отключить устройство. Мало было проблем, так ещё и вридж, оказывается, всё ещё живой. Всё ещё живой и снова куда-то перемещается.

— Вам плохо, Доктор? — спросила Джейн. — Вы сильно побледнели.

Он вынул из кармана носовой платок и подышал сквозь него, чтобы успокоиться.

— Ничего страшного, дорогая, не переживайте обо мне, — он отмахнулся от неё платком. — Пожалуй, нам будет лучше начать урок. Я не хотел бы разгневать вашу мать ещё сильнее.

Барбаре с трудом удалось найти Доктора в одной из неиспользуемых конюшен, где он сидел за наспех сооружённым рабочим столом. Он согнулся над большой сложной машиной, которая в этом окружении казалась абсолютно неуместной.

— Доктор, слава богу!

Доктор вскочил со стула и попытался прикрыть машину мешковиной. Затем он понял, что это всего лишь Барбара, снова сел и потёр грудь.

— Прошу вас, не делайте так больше.

— Доктор, пойдёмте быстрее!

— В чём дело? Вы что, не видите, что я занят?

— Прискакал гонец, принёс новости. Король умирает. В доме переполох. О, Доктор, это началось, да?

Доктор пожал плечами:

— Я не понимаю, зачем мне куда-то... — он замолк, внезапно сообразив, почему Барбара побежала искать его. — Джейн...

Барбара кивнула:

— Уже говорят о том, что свадьбу нужно сыграть раньше. Герцог потребовал, чтобы она состоялась в течение трёх дней. Джейн заперлась у себя в комнате.

— Бедное дитя, — пробормотал Доктор, нахмурив лоб.

Барбара с удивлением увидела, что он снова повернулся к своей машине. Она ожидала от него большей реакции.

— Вы что, не собираетесь ничего делать?

— Делать? Я ничего не могу сделать, и вы это прекрасно знаете. Мы не должны вмешиваться. Это не наше дело. Джейн Грей выйдет замуж за Гилфорда, сына герцога Нортумберленда. Это исторический факт. Мы не можем его изменить.

— Вы знаете, что она не хочет выходить за него замуж?

— Это ничего не меняет.

— По крайней мере, вы могли бы хотя бы пойти поговорить с ней. Это же не изменит историю. Вы же знаете, как она вас ценит.

Доктор ковырялся в каких-то деталях, разложенных по столу.

— Я поговорю с ней позже, — сказал он таким тоном, словно не понимал, к чему вообще эта суета. — Если мне не изменяет память, у нас с ней на сегодня назначен урок. Вот тогда я её и увижу.

Барбару это не убедило. За те несколько недель, которые они провели в Брэдгейте, Доктор и леди Джейн крепко подружились. Было понятно, что Доктор в глазах Джейн был героем, она была впечатлена его проницательностью, ей нравились его рассказы. Доктор же наслаждался этим вниманием и отсутствием критики. Джейн была исключительно способной ученицей и, должно быть, напоминала ему о Сьюзен.

Барбара решила сменить тему.

— Как продвигается ваша работа? Йен сказал, что вы уже готовы проверять машину.

— Почти, Барбара, почти.

Она решила предпринять последнюю попытку завязать с ним разговор.

— Вы уверены, что она сработает? Видом своим она не производит большого впечатления.

Доктор положил инструменты и вытер руки тряпкой.

— Её вид значения не имеет. Я инженер, а не скульптор.

— Но она будет работать?

— Конечно, будет. Она создаёт пространственно-временное поле — миниатюрный вихрь, подобный тому, сквозь который мы путешествуем. Если вридж будет в зоне её действия, его засосёт в размерностную ловушку, как джина в бутылку, — он гордо похлопал по машине. — Помогите мне поместить её в футляр.

Машина была тяжёлая и громоздкая, но всё-таки поместилась в дорожный сундук, который Доктор позаимствовал у Греев.

Барбара осмотрела большой деревянный сундук.

— Ну, теперь, когда у нас есть эта машина, Доктор, мы разберёмся с вриджем без проблем, — сказала она с усмешкой. — Если он только не вселится в кого-то, кто двигается быстрее улитки.

Доктору не было смешно.

Барбара зашла в часовню, держась за локоть Йена. Когда они переступали через порог, их взгляды пересеклись, и они улыбнулись друг другу.

Маленькая церковь ютилась в углу поместья Греев. Это было простое здание, которое выбрали для

проведения свадьбы исключительно из-за его близости, а вовсе не из эстетических соображений.

События, которые неизбежно приведут к казни Джейн Грейн, разворачивались у Барбары прямо на глазах, как страницы учебника. Путешествие во времени напоминало катание на аттракционе «американские горки»: история была зафиксирована и предопределена так же, как и подвешенные рельсы, но само движение всё равно захватывало дух и вызывало ужас.

Она протиснулась мимо крупного лысеющего мужчины, чтобы занять место в задних рядах, рядом с Йеном и Доктором. Ей пришлось потратить большую часть утра на то, чтобы облачиться в складки огромного платья, предоставленного ей родителями Джейн. Слёзы выступили у неё на глазах, когда одна из служанок Джейн зачёсывала её волосы назад в соответствии с требованиями последней моды.

Несмотря на платье и новую причёску, Барбара чувствовала себя на этой свадьбе чужой. Было больше тридцати гостей; церемонию организовывали в такой спешке, что не было времени пригласить никого из-за пределов графства. Некоторые из лиц были ей знакомы по официальным приёмам в Брэдгейте. Родители Джейн не постеснялись объяснить, что её, Доктора, и Йена пригласили лишь для того, чтобы церковь не казалась пустой, а подготовка свадьбы поспешной.

Мать Джейн холодно сказала, чтобы они не являлись на праздничный банкет в Брэдгейте.

Сама свадьба была печальным мероприятием. Барбара с удивлением узнала, что в это утро венчаются три пары. Несмотря на спешность приготовлений, было решено, что не только Джейн выйдет замуж за сына герцога, но и две её сестры, Катерина и Анна, тоже обретут мужей. Как и в случае с Джейн, браки её сестёр были данью политическим соображениям, а не любви.

Джейн стояла перед алтарём тихо, но взгляд у неё был непокорный. Катерина всю церемонию всхлипывала, сама не замечая этого. Иногда слова священника нельзя было расслышать за её плачем. Барбара с трудом сдерживалась, чтобы не подбежать к ней, чтобы утешить. Бедной девочке было всего двенадцать лет.

Женихом Катерины был долговязый лорд чуть старше тридцати лет. Он был единственным, кого хоть сколько-то волновало расстройство его будущей жены; отец Катерины не проявлял никаких эмоций, а её мать вообще светилась от гордости.

Барбара опустила голову, закрыв лицо руками.

— Это варварство, — прошептала она.

Это была одна из тех частей истории, о которых не говорилось в учебниках школы Коул Хилл.

Заметив, что Доктор на неё смотрит, Барбара подумала: понимает ли он её чувства? Или же он просто присматривает за ней, чтобы она часом не вмешалась. На мгновение ей показалось, что он хочет что-то сказать, но его отвлёк высокий жужжащий звук. Звук издавало устройство, при помощи которого он выслеживал вриджа.

Несколько из сидевших рядом людей обеспокоенно оглянулись — электронные звуки им были абсолютно незнакомы. Толстый лысый мужчина, сидевший рядом с Барбарой, повернулся к ней.

— Это что, оса? — спросил он, пытаясь объяснить звук, похожего которому не будет ещё пятьсот лет. — Я плохо переношу укусы ос, а эта, похоже, злая!

— Вам не о чём переживать. Правда.

Барбара с беспокойством посмотрела на Доктора. Он лихорадочно нажимал на кнопки на маленькой панели управления, безуспешно пытаясь отключить сигнал. Разочарованно вскрикнув, он раздражённо стукнул устройством по спинке скамьи перед ним. Звук тут же прекратился.

— Хвала небесам! — вскрикнул толстяк. — Старик прихлопнул дьявольскую тварь. Отлично! Вы меня спасли.

Барбара жестом показала этому крупному дворянину вести себя тише; ей не хотелось привлекать дополнительное внимание к назойливому устройству

Доктора. Однако внимание собравшихся уже и так вернулось к свадебной церемонии.

Показания машины Доктора были очевидны: вридж находится в этом помещении. При мысли об этом у Барбары свело живот. Она пожалела ту бедную душу, чьё сознание сейчас было захвачено этим существом.

Она быстро поняла, почему инцидент с датчиком почти не привлёк к себе внимания. Возле алтаря разгорелся спор: это было гораздо интереснее, чем переполох из-за насекомого. Джейн отказывалась повторять брачные обеты, а её отец сердитым шёпотом приказывал ей подчиниться. На мгновение Барбара подумала, что проводящий службу епископ всё отменит, но Джейн неожиданно передумала, перестала сердито хмуриться, и тихим голосом, без выражения начала произносить положенный текст. Как будто кто-то просто выключил в ней волю. Как только Джейн согласилась на замужество, Барбара почувствовала нарастание присутствия в комнате вриджа. Она чувствовала злобу этого существа, но уже не в своей голове, как это было в ТАРДИС. В этот раз оно было снаружи, лишь резонируя с её сознанием. Казалось, что по помещению проносятся тёплые алые волны. Она схватила руку Йена и крепко сжала её.

— Барбара, в чём дело? — спросил Йен, когда она начала опускаться на лавку.

— О, Йен, — вскрикнула она. — Оно здесь. Я его чувствую. Оно здесь!

Барбара попыталась встать со скамьи, чтобы лучше рассмотреть Джейн. На какое-то мгновение ей удалось то ли увидеть, то ли почувствовать упавшую на девушку тень, окутавшую её, словно саван.

Йен заставил её сесть.

— Это Джейн, — вскрикнула она. — Оно захватило Джейн.

Доктор не винил её в том, что их выгнали из Брэдгейта, но Барбара всё равно чувствовала себя виноватой. После свадьбы он пытался поговорить с Джейн, но её родители запретили. Ему холодно сообщили о том, что теперь, когда у Джейн появились обязанности жены, ей больше не понадобится учитель. Доктору дали небольшой городской дом в Ислингтоне и денег за его труды, а затем без обиняков велели убираться. Путешественников вывезли из Брэдгейта, не дав им шанса ни проститься с Джейн, ни забрать ТАРДИС. В эпоху Барбары Ислингтон был не совсем опрятным рабочим районом Лондона, состоявшим преимущественно из муниципальных домов. А в 1553 году Ислингтон, приход Св. Марии, состоял из небольшого числа небольших домов, рассеянных вокруг общественного выпаса. Лондон был всё ещё в нескольких милях дальше по дороге.

Дом был одним из нескольких, принадлежавших герцогу Нортумберленду в Ислингтоне. В нём было чисто и сухо, и, наверное, для своей эпохи он был очень неплох, но не мог сравниться с квартирой Барбары в Лондоне или с ТАРДИС. Это было каменное здание с одной большой комнатой на первом этаже, и одной на втором. В гостиной было несколько стульев и табуретов, а холодный деревянный пол был укрыт восточным ковром. Она жила наверху в одной комнате с Йеном. Доктор настоял на том, что будет спать (если он вообще спал) внизу, на кресле у камина.

Сейчас Барбара шла мимо лотков деревенского рынка, нагруженная говяжьей солониной и овощами. Она остановилась у лотка с фруктами и купила айвы, шелковицы, и более привычных ей яблок. Апельсины и бананы в Ислингтоне будут продавать ещё не скоро. Она начинала привыкать к жизни в деревне, но это не значило, что ей это нравилось. Вести хозяйство без электричества, водопровода, и средств для мытья было гораздо сложнее.

Она была рада покинуть Брэдгейт и его злобных жителей, но чего ей по-настоящему хотелось, так это вернуться в ТАРДИС и улететь. Но Доктор предельно ясно объяснил, что не собирается улетать, пока не разберётся с вриджем. И к достижению этой цели он был ничуть не ближе, чем два месяца назад, когда его корабль впервые материализовался здесь.

Она остановилась, чтобы немного отдохнуть; ручка корзины с покупками глубоко врезалась в её руку, оставляя на пальцах красные полосы. Впереди собралась тесная группа местных жителей. Заинтересовавшись, Барбара подошла поближе и прислушалась.

— Умер прошлой ночью, — сказал один старик. — Говорят, что от чахотки, но на самом деле от яда.

Среди собравшихся пронёсся удивлённый гомон.

— От яда? — спросил другой. — Кто-то отравил короля! Король Эдуард болел несколько месяцев, с чего ты взял, что это яд?

— Да я же знаки видел, — ответил первый. — В Кентише дочка Смитов родила ребёнка с двумя головами и четырьмя ногами. Подруга моей кузины была повитухой. Он целый час кричал как чёрт, а потом умер.

— Ты слишком долго сидел в таверне.

— Я не один так считаю. Об этом говорят по всему Лондону.

Барбара не стала слушать дальше. Она схватила свою корзину и поспешила домой. Со времени их прибытия в Лондон она уже сбилась со счёта дней, но если король умер вчера, значит сегодня должно быть 7 июля. Остались считанные дни до того, как герцог Нортумберленд возведёт на трон Джейн.

Она встретила Доктора, когда тот поднимался на крыльце. Он выходил в Лондон, чтобы послушать новости. Они зашли в дом, где их ждал Йен, и она быстро пересказал им то, что услышала.

Доктор угрюмо кивал:

— Я тоже слышал о смерти короля. В городе полно людей, рассказывающих странные истории. Я слышал о мертворождённых телятах и детях, а на улицах видели призрак Генриха VIII.

— Да что же это такое происходит? Все с ума посходили? — спросил Йен.

Доктор покачал головой.

— Это вридж себя так проявляет, фокусирует свою энергию. Его присутствие приводит к... возмущениям в умах людей.

Вспомнив о своём столкновении с этим существом, Барбара сказала:

— Значит, Джейн будет в опасности.

Доктор посмотрел на неё:

— Вы уверены, что видели эту тварь в ней? Я всё ещё не могу поверить, что мог провести с ней столько времени и не заметить этого. Я бы знал.

— Я видела что-то, Доктор, я уверена. Это было как будто... словно кто-то завернул её в плащ.

Барбара попыталась вспомнить в точности то, что она видела, но её воспоминания были смутными.

— Я знаю, что вам не хочется, чтобы Джейн была в опасности, но я видела что-то вокруг неё, и я однозначно чувствовала присутствие этой твари.

Йен положил руку на плечо Доктора:

— Вы уверены, что не позволяете своим чувствам к Джейн повлиять на ваше суждение?

К удивлению Йена, Доктор не стал сердито отмахиваться от его предположения. Вместо этого старик пожал плечами.

— Может быть, вы и правы, но я что-то упускаю, что-то очевидное, — он задумчиво постучал пальцами по губе. — Когда Барбара напала на вас на корабле, вы видели вокруг неё этот плащ?

Йен нахмурился:

— Нет, не думаю.

— В её внешности не было совсем никаких изменений?

Йен мельком взглянул на Барбару: она отвернулась, крепко обняв себя. Она не хотела это слышать.

— Нет, *таких* не было, — сказал, подумав, Йен.

— Быть может, присутствие существа вокруг Джейн говорит о том, что для неё была угроза извне, а не изнутри. Быть может, существо приютилось в ком-то другом, и вышло ненадолго для того, чтобы заставить Джейн произнести брачные обеты.

Барбаре надоели эти рассуждения.

— Это какая-то бессмыслица, Доктор, — сказала она. — Джейн в любом случае вышла бы замуж за Гилфорда, вы сами так сказали. Зачем вриджу пытаться заставить её выйти замуж вопреки её желанию?

— Ну, тут мы ответы на наши вопросы не найдём. Раз вридж снова действует, нам необходимо найти Джейн. Но это будет непросто. На улицах Лондона уже и так полно недовольных разговоров о герцоге Нортумберленде и его планах возвести Джейн на трон. Джейн, как ключевую фигуру этих планов, будут тщательно охранять.

— Пробраться к ней будет невозможно, — сказал Йен. — Её родители не спустят с неё глаз.

Доктор фыркнул:

— Нет ничего невозможного, дорогой мой.

Королевская баржа медленно плыла по течению Темзы. С их мест на корме Доктору и его спутникам было хорошо видно собравшихся вдоль берегов реки людей. Тысячи пришли туда для того, чтобы увидеть леди Джейн, направляющуюся в Тауэр, где её коронуют Королевой Англии.

Никто не кричал. Никто не махал рукой. Никто даже не шевелился. Как будто бы вдоль берега реки расставили тысячу статуй. Напряжение, создаваемое таким множеством стоявших молча людей, было почти

осязаемым. Оно напоминало Йену драматическую кульминацию вестерна, когда сотни индейцев стоят над обрывом жёлтого утёса, прежде чем спуститься в прерию, где белые переселенцы разбили лагерь, окружив его повозками.

Напряжённость нарушал только ритмичный плеск вёсел, которыми под палубой орудовали гребцы. Джейн стояла на носу баржи, одетая в зелёное с золотым. С утра она была обута в туфли на очень высокой платформе, чтобы казаться выше и значительнее. Но это не помогло. Она выглядела неуклюжей и уязвимой, словно скоморох на ходулях на сильном ветру.

— Почему все молчат? — прошептал Йен Доктору.

— Возможно, их молчание — единственная форма протеста, которую они могут себе позволить.

Барбара кивнула, соглашаясь:

— Большинство людей поддерживают Марию. Несмотря на то, что она католичка, её претензия на трон более легитимна. Претензия Джейн почти не имеет оснований; она лишь примерно четвёртая в списке наследников.

Под ними раздался плеск. Весь королевский антураж, как один, повернулся на звук, но это оказались всего лишь несколько парней, решивших искупаться.

Путешественники во времени погрузились на баржу выше по реке, в месте отправления, но это было непросто. Одетые в ту же одежду, которая была на них во время свадьбы Джейн, они вначале попытались просто нагло пройти на борт. Несмотря на все попытки Доктора убедить стюарда в том, что он брат герцога Ноттингемского, потерявший своё приглашение, их не пускали. В конце концов ситуацию спасла Барбара: её узнал лысый мужчина, который боялся ос, рядом с которым она сидела на свадьбе. Услышав о том, что их не пускают на борт, лысый дворянин накричал на экипаж баржи и потребовал, чтобы этих троих его друзей посадили рядом с ним. Он заверил Барбару в том, что лично проследит за тем, чтобы главного стюарда выпороли за непроявленное уважение.

На медленно двигавшуюся баржу набежала тень. Подняв взгляд, Йен увидел нависающие над ними светло-серые стены лондонского Тауэра. Знакомые силуэты зданий напомнили ему о том Лондоне, в котором он зашёл в полицейскую будку Доктора на Тоттерс Лайн, после чего его жизнь перевернулась. Он вспомнил об одной из первых встреч с Барбарой за пределами школы. Это было в его первый год работы в Коул Хилл; он помогал ей с исторической экскурсией, которую она организовала в конце летнего триместра. Экскурсия ему не понравилась. Июнь тогда выдался неожиданно жаркий, и комбинация солнцепёка и

шумных школьников, которые только и делали, что терялись, капали повсюду мороженым и орали, расшатали нервы им обоим.

Баржа прошла под низкими воротами, ведущими в Тауэр. Йен был рад тому, что они удалялись от тягостно молчавшей толпы.

— «Ворота изменников» — гордо прокомментировал он, когда они проплывали под аркой, довольный тем, что вспомнил что-то с той скучной экскурсии, с которой прошло уже несколько лет.

— Нет, — еле слышно пробормотала Барбара. Она посмотрела на нос баржи, где стояла Джейн. — Во всяком случае, — добавила она, подумав, — пока ещё нет.

Церемония была невероятно долгой, и после длительного сидения на месте Доктор был рад возможности размять ноги. Он отчаянно стремился поговорить с Джейн, у него не было такой возможности с тех самых пор, как её родители бесцеремонно его уволили. Сегодня же герцог вытолкал новую королеву из зала коронации как только завершилась церемония.

Мог ли вридж быть в ней? Он не был в этом уверен. Барбара сказала, что во время свадьбы почувствовала существо вокруг девушки, но не может

быть, чтобы за всё время, проведённое с ней в Брэдгейте, он не заметил, что в ней прячется это существо. Или же Йен прав? Может быть, он позволяет своим чувствам к этой девушке влиять на ход его мыслей?

Его размышления прервала Барбара.

— Ну что, у вас есть какие-нибудь идеи о том, как нам пробраться к Джейн?

— Хм. Да, действительно. Я видел, как тот ужасный человек потащил её в Тауэр. Наверняка для того, чтобы она издала первый указ по его требованиям. Я пойду за ними, а вы найдите Честертона и идите с ним в каюту, принесите сундук с моим оборудованием. Там до демонстрации во время банкета оставили все подарки в честь коронации. Уверен, что и сундук там же. Нам понадобится это оборудование: я уверен, что скоро мы снова увидим вриджа.

— Жаль, что ваше устройство слежения сломалось.

— Действительно, жаль. Хотя, если честно, моя дорогая, мне кажется, я и так знаю, где сейчас вридж.

— В герцоге? Что же, надеюсь, что вы правы.

Оставив Барбару выполнять его поручение, Доктор вышел из зала и начал поиски новой королевы. Он нашёл Джейн и герцога в библиотеке; они спорили. Он остановился у двери и слушал их; надменный, сердитый голос герцога было легко узнатъ.

— А я тебе говорю, — угрожал герцог, — что ты воспользуешься своей властью и сделаешь моего сына Королём.

— Если бы ты разбирался в законах так же хорошо, как в угрозах, — спокойно ответила Джейн, — то знал бы, что у меня нет власти сделать кого-то королём. Тебе придётся адресовать свои слова Парламенту, но я сомневаюсь, что эти достойные мужи хоть на секунду воспримут твоё требование всерьёз. Гилфорд просто... осёл!

Если герцога и задело это оскорбление его сына, он ничего не сказал.

— Да это в Парламенте ослы! У них не хватило ни мужества, ни власти на то, чтобы предотвратить твою коронацию, и когда ты сделаешь моего сына королём, они тоже промолчат.

Стоявший у двери Доктор одобрительно улыбался. Молодая королева явно не собиралась быть марионеткой, на которую рассчитывал герцог. Что же, молодец, — подумал Доктор. Барбара может ею гордиться!

Доктор аккуратно приоткрыл дверь. В образовавшуюся щель ему было видно только Джейн, которая настаивала на своём, стоя спиной к двери и лицом к герцогу, которого не было видно. По ходу спора голос герцога становился всё громче и жёстче.

Его же уже весь Тауэр должен слышать, — подумал Доктор. Было ощущение, что голос усилен.

Раздался громкий шлепок и Джейн вскрикнула. Схватив покрепче свою трость, Доктор распахнул дверь и ворвался в комнату. Джейн лежала на полу, закрывая руками лицо. Герцог стоял над ней, замахнувшись для нового удара.

— Прекратите! — рявкнул Доктор. — Оставьте её в покое.

Герцога это только разозлило ещё сильнее.

— Прочь с дороги, старик! Это не твоё дело. Это лишь между мной и моей невесткой, — ухмыльнулся он.

Доктор помог новой королеве встать на ноги. Придя в себя, Джейн удивила Доктора тем, что согласилась со своим обидчиком.

— Это моя битва, Доктор. Вы лучше, чем кто-либо, знаете, что я не хотела быть королевой. Но раз уж я теперь королева, то буду и вести себя как королева. Не вмешивайтесь. Герцог — мой враг, а не ваш.

— Дорогая моя, вы говорите как королева, но вы не понимаете: герцог и мой враг, быть может, даже больше, чем ваш. Вы помните, когда я впервые попал в Брэдгейт, я сказал вам, что я и мои друзья охотимся на опасную тварь? Так вот, эта тварь живёт в вашем дяде, он находится под её влиянием.

Подойдя к дрожавшему от злости герцогу, Доктор ткнул его в грудь своей тростью.

— Сэр, мне уже надоели и вы, и ваши делишки, а особенно то, что вы затравливаете эту девушку. Я больше не буду говорить с марионеткой.

Когда Доктор снова заговорил, он обращался к существу, поселившемуся в герцоге.

— Слушай меня. У тебя нет ничего общего ни с этим человеком, ни с этим миром. Твоё здесь присутствие может повредить ткань этой реальности. События истории уже и так искажены и деформированы, возможно, необратимо. Я настаиваю на том, чтобы ты немедленно покинул этот мир.

Герцог пошатнулся, будто его ударили. Его окружил алый свет, быстро становившийся плотным и непрозрачным. Доктору показалось, что на мгновение в этой дымке мелькнули крылья, но он не был в этом уверен. Несмотря на очень большую опасность, Доктор почувствовал облегчение от того, что его предположение оказалось верным.

Попытка спровоцировать появление существа была риском. Доктор был уверен, что сможет защититься от любой попытки подчинить его разум, но он понятия не имел о том, какие ещё могут быть способности у этого существа. Оставалось надеяться только на то, что Барбара и Йен уже несут сундук с ловушкой, которую он изготавлил.

Посмотрев на открытую дверь библиотеки, он подумал о том, сколько нужно времени на то, чтобы поднять сундук на два этажа. Где они?

Температура в комнате начала быстро подниматься, Доктор почувствовал, что его воротник пропитался потом. Красная аура вокруг герцога сияла ярко, словно существо фокусировало свою энергию. Доктор приготовился принять удар на себя, став между Джейн и красным облаком.

Ну же, Честертон, — думал он, наблюдая за ростом энергии в комнате. *Где тебя черти носят?* На мгновение центр облака осветила яркая вспышка. Затем оттуда вырвалась алая молния, ударившая Доктора в живот. Он вскрикнул от боли и свалился на пол.

На одной из огромных лестниц, расположенных в каждом углу Тауэра, Барбара и Йен услышали крик и от ужаса прекратили тащить вверх большой сундук.

— Йен, кажется, это был...

— Доктор. Да, очень похоже.

Чтобы двигаться быстрее, они решили не нести тяжёлый сундук, а волочить его. Он тяжело стучал, переваливаясь со ступени на ступень, словно это шагал какой-то сказочный великан. Этот стук эхо разносило по всему лестничному колодцу. Поэтому Йен не удивился, когда над балюстрадой верхнего этажа

появились лица двоих стражей Тауэра. Стражи побежали по лестнице к ним.

— Барбара, беги помоги Доктору, а я задержу их.

Барбара глянула на приближающихся солдат, затем на Йена.

— Ладно, до встречи.

Это была скорее молитва, чем прощание. Перепрыгивая через ступени, она убежала.

Когда Йен оглянулся, двое солдат были уже рядом. Он опустил сундук и упёр руки в боки, стараясь напустить на себя властный вид.

— А, ну наконец-то вы здесь! — сказал он, стараясь говорить как аристократ. — У меня для вас задание.

Забежав в библиотеку, Барбара увидела Королеву Джейн, склонившуюся над бесчувственным телом Доктора. Слёзы испортили макияж юной королевы. В ответ на вопросительный взгляд Барбары она лишь покачала головой.

Барбаре захотелось убежать, но она сдержалась. Не может быть, чтобы Доктор умер, не может быть! Она заставила себя подойти ближе.

— Он прекратил дышать, и его душа покинула его, — тихо сказала Джейн.

Барбара, понимая, что и сама находится на грани истерики, начала медленно оказывать первую помощь.

Её знания в этом вопросе были ограничены однодневным занятием, которое было десять лет назад, когда она готовилась стать учительницей. Их с однокурсниками тогда обучал сержант в отставке, дело было в спортзале университета. Она вспомнила свой стыд, когда настала её очередь делать манекену искусственное дыхание рот-в-рот. Сегодня же серьёзность ситуации превозмогла её чувства.

Она зажала Доктору нос, выдохнула воздух в его лёгкие, и его грудь высоко поднялась в пародии на дыхание. В промежутке между выдохами она заметила, что Джейн смотрит на неё со смесью ужаса и благоговения.

Когда Доктор внезапно раскрыл глаза, сел, и закашлялся, пытаясь что-то сказать, Джейн закричала.

— Что это за чертовщина?! — воскликнула она, пятясь от них. — Он был мёртв. Его сердце не билось. Я уверена, что он был мёртв.

Вынув из кармана носовой платок, Доктор протёр губы. Он тяжело встал на ноги и повернулся лицом к Барбаре.

— Вы что, вдували воздух в мои лёгкие?

Барбара улыбнулась:

— Да. У нас в колледже были курсы первой помощи. Это было так давно, я сомневалась, что вспомню. Но оно вспомнилось само. Хвала небесам, что это помогло.

Доктор непонимающе нахмурился:

— Помогло? Помогло! Боже правый, женщина, да вы меня чуть не убили!

— Что?

— Моя дыхательная система абсолютно не такая, как у вас. Я буду очень вам признателен, если в будущем вы оставите меня в покое и воздержитесь от своих варварских обычаев.

— Но, Доктор, вы же умирали. Вы даже не дышали.

— Разумеется, нет. Когда на меня напало существо из герцога, мне пришлось впасть в восстанавливающую кому, чтобы это старое тело пришло в себя после нападения.

Он подошёл к двери и выглянул в коридор.

— Я смотрю, ваша медлительность позволила герцогу сбежать, — он вздохнул, немного театрально.
— Это никуда не годится. Теперь нам придётся снова искать его, разбираться с ним и с вриджем.

— Какой же вы!.. — начала возмущаться Барбара, но вспомнила о Йене, которого бросила одного против двоих солдат.

Она помчалась к двери и тут же столкнулась с этими солдатами.

Двое коренастых мужчин аккуратно несли «шкатулку с секретом» Доктора. У них за спиной появился Йен.

— Где это поставить? — спросил он.

Зажжёные факелы были расставлены через равные интервалы вокруг общественного выпаса. Должно быть, они были пропитаны жиром: они трещали, капали горящей жидкостью на траву, и наполняли ночное небо густым дымом. Барбара скривилась: а ещё они жутко воняли.

На выпасе было полно людей, в основном мужчин. Они сидели на земле напротив таверн и вокруг наспех установленных торговых ларьков, пили крепкий тёмный эль и шумно развлекались. Из-за наплыва людей обычные дела в деревне были отменены. Одному из жителей пришлось заняться перенаправлением вечерней череды скота и повозок из Лондона через соседний городок, Бэттл Бридж, находившийся в нескольких милях к западу.

Барбара обвела взглядом выпас.

— Их тут, должно быть, тысячи, — сказала она.

Сбежав из Тауэра, герцог скрылся без следа. Они несколько дней безуспешно разыскивали его по всему Лондону. Лишь через неделю они услышали о том, что его армия собирается в Кентише. Большую часть этого дня они провели в дороге к этому городишке, который на самом деле был не намного крупнее деревни.

Барбара уже научилась хорошо ездить верхом, и они могли бы доехать сюда за пару часов, если бы не

Доктор: он быстро уставал и нуждался в частом отдыхе от тряски в седле. К месту своего назначения они добрались лишь к заходу солнца. На дороге, ведущая в центр городка, было полно людей лошадей, и повозок, движение было медленным, поэтому они привязали своих лошадей и пошли дальше пешком, Барбара и Йен при этом вдвоём несли тяжёлый сундук Доктора.

Глядя на окружавшую их массу людей, Доктор качал головой:

— Десятки тысяч, как мне кажется, и это по самым скромным подсчётам.

— И все готовы сражаться за Джейн. Как такое возможно?

— Нам нужно отследить различия и попытаться исправить их.

— Определить, чем это отличается от той истории, которую знаю я, совсем не сложно. Для начала, всех этих людей тут не должно быть. Когда герцог Нортумберленд попытался собрать войско в поддержку Джейн, у него это не получилось. Большинство людей поддерживали Марию, которая направляется в Лондон, чтобы заявить о своих правах на трон. Во всяком случае, должна направляться. История говорит о том, что герцогу удалось собрать армию из всего лишь шестисот человек. Это и было одной из причин того, почему правление Джейн было

таким коротким. К этому моменту Мария должна была собрать тридцатитысячное войско. У Джейн не было ни единого шанса.

Их разговор был прерван тем, что мимо проходили несколько пьяных мужчин, направлявшихся к одной из местных таверн, в которую и без них люди уже не помещались. Мужчины кричали что-то в поддержку Джейн и против Марии.

— Тогда отчего же сменилось их настроение? — размышлял Доктор, оперевшись на трость. Он увидел направляющегося к ним Йена. — Быть может, у Честертона есть новости? Ну, мальчик мой, — сказал он, ложа руку на плечи запыхавшегося учителя, — успешной ли была ваша разведка?

— Ну, герцога я нашёл. Он вон там, на другой стороне выпаса. Там установили сцену, и мне кажется, что он выступит с обращением к своей армии.

Словно по подсказке Йена, по деревне разнёсся голос герцога. Барбара была поражена:

— Как его голос может быть таким громким? В шестнадцатом веке нет мегафонов.

— Конечно же, нет, — подтвердил Доктор. — Это всё сидящее в нём существо, оно проецирует его голос.

— Быть может, именно этим ему удалось собрать людей на поддержку Джейн? — предположил Йен. — Из-за вриджа его может услышать гораздо больше людей.

Барбара покачала головой:

— Этого недостаточно, должно быть что-то ещё.

— Что же, нечего тут стоять и рассуждать, раз уж мы можем подойти и посмотреть, — Доктор указал в ту сторону, откуда пришёл Йен.

Они протискивались сквозь толпу до тех пор, пока им не стало видно маленькую сцену и стоявшего на ней герцога.

Барбара почувствовала уже знакомое ей присутствие вриджа. При виде Герцога Нортумберленда её поглотила мощная волна эмоций. Она распространялась по её телу как поток тёплой воды, поднимаясь вверх по позвоночнику, вызывая лёгкую тошноту. Она слышала голос герцога, но едва могла разобрать слова, которые он кричал. Сквозь хаотические ощущения, наполнившие её сознание, до неё доносились лишь фрагменты его речи; она слышала имя Джейн, что-то про Англию, что-то об опасности, которую представляли собой католики.

Толпа ревела, как чудовище. У Барбары закружилась голова, у неё возникло чувство, словно она находилась в нескольких сантиметрах позади своих глаз. Чтобы не упасть, она взялась за руку Йена. Он смотрел на сцену, и мерцающий свет факелов отражался в стекавших по его щёкам слезах.

Внезапно она снова оказалась в ТАРДИС, в тот самый момент, когда вридж в первый раз проник в её

сознание. Он пролез в её голову и начал ей шептать, пробуждать в ней чувства, которые она обычно подавляла. Он затронул её неудовлетворённость, её сожаления.

Она начала думать о том, почему она вообще устроилась в общеобразовательную школу. Почему она не стала учиться дальше? Ей нужно было идти в аспирантуру; почему она этого не сделала? Сейчас она уже могла бы преподавать в университете, изучать историю, а не пытаться втиснуть её в головы четырнадцатилетних детей, которым это не интересно. Если бы не её дурацкая работа, не её дурацкая жизнь, не этот дурацкий Йен...

Она вдруг поняла, каким невообразимым идиотом был Йен. Любимчик всей учительской, старый добрый надёжный Честертон. Один из тех учителей, кто проверял контрольные в тот же день, когда проводил их, и действительно с нетерпением ждал родительские собрания. Тряпка, вот он кто. Ни амбиций, ни характера. Внезапно она поняла, за что она его ненавидела: его устраивало то, что у него было; устраивала школа Коул-Хилл, устраивала пинта пива в пятничный вечер, после проведения у мальчиков тренировки по мини-футболу. Он был просто жалким.

Ей нужно больше. Ещё столько всего можно было испытать. Её переполняло желание сделать ему больно. По-настоящему больно. И с воодушевляющим

ощущением того, что она, наконец, взяла свою жизнь в свои руки, она пробралась в его комнату, вцепилась пальцами в его горло и сдавила...

А затем она почувствовала руку Доктора, и снова оказалось на общественном выпасе Кентиш Тауна. Она позволила им увести себя подальше от сцены.

Когда она окончательно пришла в себя, она сидела у камина в таверне, находившейся позади сцены. Она по-прежнему могла слышать голос герцога и видела в открытую дверь его сцену, но каменные стены таверны ослабляли влияние существа, и её голова постепенно прояснялась.

Доктор дал ей в руки кружку. В ней был сладкий напиток, судя по вкусу, очень алкогольный, как креплённое вино. Он него у неё покалывало губы. Йен сидел рядом, у него в руках тоже была кружка, он задумчиво глядел в огонь. Похоже, что только Доктор никак не прореагировал на случившееся. Он пошёл к бару, чтобы взять и себе напиток.

Она посмотрела на Йена. Доктор одолжил ему носовой платок, и молодой человек вытирали с лица слёзы. Барбара впервые видела его плачущим. Он пересёкся с ней взглядом и смущённо улыбнулся. Она хотела сказать ему что-нибудь обнадёживающее, или не ему, а себе самой. Что-нибудь о будущем. Об их будущем. Но тут от бара вернулся Доктор с кружкой вина, и момент был утерян.

— Это он, да? — спросила Барбара, глядя на Доктора. — Тот момент, когда история может необратимо измениться, когда вридж может запустить совсем другую череду событий.

Доктор устало кивнул.

— Да, дорогая моя, это он. Если кампания герцога будет так идти и дальше, то он вполне может победить армию Марии и... — он тяжело вздохнул, — и тогда Джейн останется королевой, будет править гораздо дольше, чем девять дней.

За всё время, проведённое в Англии шестнадцатого века, Барбара ни разу не подумала о том, какие последствия могло иметь влияние вриджа. С появлением вриджа ничто больше не было определённым. Американские горки истории больше не были ограничены рельсами. Лишь сейчас она поняла, насколько тяжёлая битва предстоит Доктору. Нанеся поражение герцогу и его анахроничной армии, Доктор вернёт те события, которые неизбежно приведут к казни Джейн.

— Мы можем остановить вриджа? — спросила она.

Доктор на секунду задумался.

— Возможно. Это было бы легче, если бы нам было больше известно о его планах и о его природе. Он не похож ни на что, с чем мне доводилось встречаться раньше.

Барбара почувствовала в голосе Доктора незаданный вопрос.

— Я знаю, что вы хотели спросить меня о том, что со мной было в корабле, и, если честно, я благодарна вам за то, что вы не спрашивали. Я не хотела думать об этом. Но там, у сцены, я только что прочувствовала это снова; я словно снова оказалась в корабле, словно всё это случилось заново.

Она замолчала, глядя внутрь своей кружки.

— Дело в высокомерии, Доктор. Оно каким-то образом овладевает той частью тебя, которая считает... которая знает, что ты лучше всех. Оно кормит эту сторону и само питается ею.

Доктор нагнулся к ней и похлопал её по плечу.

— Спасибо, — сказал он.

— Я не понимаю, как это может нам помочь победить эту тварь. Я вообще не понимаю, как мы сможем победить вриджа. Он такой... неотразимый...

— Это мы ещё посмотрим. Нет ничего невозможного. Если мы сможем включить моё устройство рядом с герцогом, то, думаю, сможем поймать вриджа и вернуть его обратно.

— Но сможем ли мы подобраться к герцогу?

Доктор захихикал:

— Это как раз должно быть довольно просто. Он снял комнату в этой таверне.

Доктору не составило труда открыть замок на двери комнаты герцога, и сейчас он и его спутники прятались внутри, ожидая возвращения постороннего. Доктор разместил в центре комнаты свой сундук, который его спутники принесли с окраины города, где они его спрятали по приезду. Ловушка была настроена так, чтобы включиться при наличии в комнате движения, и Йену с Барбарой было строго велено не шевелиться там, где они спрятались. Как только герцог, открыв дверь, пройдёт в центр комнаты, поле вихря выдернет из него вриджа и замкнёт его в механизмах сундука. Теперь им оставалось только ждать.

Стоя у закрытого ставнями окна Доктор слышал шум армии, ставшей лагерем на выпасе. Даже если ему удастся поймать вриджа, ему всё ещё нужно будет разобраться с герцогом и его людьми. Не всё сразу, — сказал он сам себе. Не всё сразу.

С лестницы донеслись шаги, и голос герцога потребовал, чтобы ему в комнату принесли еды и вина. Доктор затаил дыхание. Ручка двери повернулась, и сквозь щель между шторами он увидел в дверном проёме силуэт герцога.

Комната наполнил низкий электронный гул — машина Доктора прореагировала на движение двери и начала разогреваться. Доктор скривился: в тишине комнаты этот звук казался оглушительным.

— Что это такое? — герцог склонил голову, пытаясь определить источник звука. — Тут кто-то есть?

Он шагнул в комнату. В тот же миг крышка сундука распахнулась, и из неё вырвался конус синего и лилового света, как молния осветившего комнату. По стенам носились мерцающие калейдоскопические фигуры. Герцог закричал и в ужасе попятился обратно в коридор.

С замершим сердцем Доктор смотрел, как вихрь света без толку покружился несколько секунд, а затем с треском вернулся в сундук.

Йен перестал прятаться за дверью, он выскочил и потащил герцога обратно в комнату, ударив его предварительно кулаком по челюсти. Герцога такой удар должен был свалить, но он лишь заревел от злости и крепко вцепился руками в горло Йена. Барбара быстро вылезла из-под кровати и принялась стучать кулаками по спине герцога. Почти не замечая этого, герцог поднял Йена и швырнул его на стену, отчего тот сполз на пол без чувств.

— Нет! — заорала Барбара и сильно пнула его ногой по голени.

Тот вскрикнул от боли и упал на колени. Барбара побежала к Йену; когда она попыталась его поднять, его голова безвольно болталась. Обернувшись, она увидела, что герцог встал и направляется к ней.

— Доктор! На помощь! — закричала она.

Доктор вышел из-за шторы.

— Хватит! — закричал он таким голосом, что мог бы заглушить любого сержанта. — Хватит уже!

Он поднял перед собой кулаки, но на фоне своего крепко сложенного противника выглядел дряхлым и тощим.

— Ты! — закричал герцог. — Я думал, что ты мёртв.

Он бросился на Доктора, и они покатились по комнате и врезались в деревянные ставни. С громким треском ставни вылетели из петель, и двое мужчин вывалились из окна в ночную темень.

Они свалились на полотняный навес. Доктор вскрикнул от удара. Собравшись с последними силами, он попытался сдвинуться к краю навеса, надеясь перевалиться через него и сбежать. Но он всё время сползал обратно в углубление в ткани, образованное их весом. Обернувшись, он увидел большие ладони герцога, тянувшиеся к его горлу. Он пытался их оттолкнуть, но был не в силах противостоять одержимому.

Его мысли лихорадочно бегали. Нечего было и мечтать одолеть герцога физически. Воспользуйся своими мозгами, Доктор, — сказал он сам себе. Воспользуйся своими знаниями.

— Ты так напуган, что вынужден прятаться в теле какого-то человека? — запинаясь, сказал он, обращаясь к вриджу внутри навалившегося на него герцога. — Что же ты за существо такое, что прячешься в тени другого, хм?

Глаза герцога начали светиться в темноте красным светом. Несколько мужчин, разбуженные криками и треском сломанного окна, бежали по выпасу к навесу.

Доктор перевёл взгляд с них на герцога.

— Ты боишься показаться передо мной, стариком?

Руки герцога сомкнулись вокруг шеи Доктора.

А затем изнутри герцога донёсся шорох, вначале тихий, но быстро нараставший. Что-то происходило. Из глаз, рта, и ушей герцога начал исходить алый свет, из его тела возник вридж. Он был огромной эфемерной тенью, истекавшей из своего носителя и раздувавшейся в ночи.

Бесформенная тень наполняла небо над выпасом, и Доктор услышал хлопанье огромных крыльев. А ещё он услышал ужасные крики тысяч людей, решивших, что им пришёл конец. Он не мог отвести взгляда от вриджа, но понимал, что армия герцога разбегается. По тени пробежала дрожь: видимо, оно поняло, что его обманули, что его планы разрушили. Оно начало опускаться на Доктора, становясь ярче, готовясь нанести удар. Центр существа загорелся, и Доктор

почувствовал, что ему становится жарко. Доктор закрыл глаза, ожидая удар молнии.

Раздался электрический треск, и вридж издал долгий мучительный вой. Открыв глаза, Доктор увидел, что существо окружено голубым и лиловым светом, теребившем его поверхность, как ветер парус. Вридж снова сжался и начал спиралью опускаться вниз, сжавшись в конце концов в ничто.

Доктор остался один в кромешной темноте, которую нарушали только лиловые, алые, и голубые пятна в его глазах. Пересиливая боль, он подполз к краю навеса и медленно свесился на руках вниз, размахивая ногами в попытке дотянуться до земли. Он хотел разжать руки и упасть, но кто-то схватил его за ноги. На секунду он запаниковал и начал брыкаться.

— Перестаньте, Доктор, это я, — сказал женский голос.

— Барбара! — выдохнул Доктор.

Он упал в её руки. Она усадила его на что-то твёрдое. Он не сразу понял, что это его сундук.

— Доктор! Если вридж в сундуке, то где герцог?

— Понятия не имею, моя дорогая, — пробормотал Доктор, ложась спиной сундук, чтобы отдохнуть. — Ни малейшего понятия.

Сундук под ним потрескивал.

Доктор в последний раз осмотрел дом и подошёл к ожидающим его у входной двери Барбаре и Йену. Они сложили свои вещи в мешок, который Йен забросил себе за спину.

— Вы всё взяли? — спросил Доктор, набрасывая на себя плащ.

Его спутники кивнули.

— Хорошо. Тогда отправляемся.

Он подгонял выходить быстрее, но Барбара остановилась и спросила:

— А что вы теперь сделаете с этим домом, Доктор? Я не могу себе представить, что такому вечному страннику, как вы, нужно постоянное место жительства.

Доктор загадочно улыбнулся.

— Не думайте, что вы знаете обо мне всё. Это не первый дом, которым я владел, и мне кажется маловероятным, что последний. Пойдёмте.

Он запер за ними двери и все трое пошли через выпас Ислингтона к конюшням, где их ждала повозка, которая должна была отвезти их в Лестер, к ТАРДИС.

— Доктор, я так и не понял, что случилось с герцогом? — сказал Йен. — Ему удалось удрать или он погиб, когда мы схватили вриджа?

— Вы знаете, мальчик мой, я понятия не имею. Быть может, нам следует обратиться к нашему историку? Барбара?

— Ну, если мне не изменяет память, он направится в свой дом в Кембридже. В течение недели он будет прятаться в большом дупле на территории своего имения, но кто-то из слуг его выдаст и, хоть он и назовётся католиком, Мария казнит его за измену.

Йен пожал плечами:

— Ну, что же, он сам доигрался.

Доктор помог Барбаре подняться в повозку и вложил ей в руку ключ от ТАРДИС.

— Я присоединюсь к вам, как только смогу, дорогая. Ждите меня там. У меня в городе остались незавершённые дела.

— Вы попытаетесь найти Джейн, не так ли?

Доктор кивнул и ушёл, не сказав больше ни слова.

Когда Доктор добрался до входа в лондонский Тауэр, было уже поздно. Добираться ему пришлось гораздо дольше, чем он рассчитывал. На улицах города было полно костров и процессий в честь недавнего прибытия Марии, грязные дороги были переполнены веселящимися гуляками.

Он прибыл за момент до того, как растерянную Джейн увезли от трона.

— Спускайся оттуда, детка, — говорил ей её отец.

— Тебе там не место.

Джейн спустилась и остановилась рядом с отцом.

— Мне можно теперь вернуться домой? — спросила она.

Ответом на её вопрос была зловещая тишина.

С большим достоинством она сняла с головы корону.

— Забери этот позорный венец, — сказала она отцу, — он никогда не был моим.

Доктор хотел было обратить на себя внимание, но в этот момент в зал ворвались солдаты Марии и увели Джейн и её отца. Через какое-то время старик незаметно покинул зал.

Из своего окна в Тауэре Джейн могла видеть лишь то, как маленькая чёрная повозка тарактала по двору, начиная своё ужасное путешествие на Холм Тауэра. Джейн знала, что единственным пассажиром был её молодой муж Гилфорд. Это была поездка, из которой он не вернётся.

Повозка скрывалась из виду, и Джейн поняла, что тихо плачет о нём. Она его не любила, конечно же. Даже в этот трагический день мысль об этом была настолько абсурдна, что на её заплаканном лице промелькнула улыбка. Как там она назвала его в приступе ярости? Ослом? Как бы там ни было, это бедное глупое существо не заслужило того, что ожидало его на вершине кровавого холма.

Отвернувшись от крошечного окна, она прошептала молитву о его душе. Пробыв в заточении около года, они стали своего рода друзьями. Узникам Тауэра была позволена некоторая свобода в пределах его стен, и двое заключённых стали ужинать вместе. А затем Джейн читала Гилфорду отрывки из Библии, пытаясь успокоить его страхи. Он сидел у её ног, опустив голову на её колени, как верный щенок. Иногда она гладила его голову. Она была для него как мать, несмотря на то, что он был старше её на четыре года.

Сегодня, в их последний день, он просил её об ещё одной встрече. Джейн отказалась, считая, что такая встреча лишит их силы, которая им обоим понадобится перед лицом ожидавшего их испытания. Сидя в своей камере она начала жалеть об этом решении.

Часы тянулись медленно, но наконец подошло время казни. Джейн позволила отвести себя из Тауэра, который был её домом пятнадцать месяцев, во двор, где тёмным силуэтом на фоне неба стоял эшафот. При виде его у Джейн закружилась голова. Расстояние между ней и эшафотом словно растянулось, палач и плаха превратились в точки на горизонте.

Джейн смотрела только вверх, отводя глаза от собравшейся толпы. Прошептав молитву, она пошла от ворот Тауэра к эшафоту.

Учебники истории сообщают некоторые подробности о казни леди Джейн Грей. Как любое лицо королевской крови, приговорённое к смерти, она имела право обратиться к толпе, собравшейся во дворе лондонского Тауэра. Она воспользовалась этим правом не для того, чтобы заявить о своей невиновности, и не для того, чтобы бранить свою наследницу, подписавшую её приговор. Вместо этого она попросила собравшихся присоединиться к её молитве.

Когда её глаза завязали кружевным платком, она попросила палача прикончить её быстро. Затем она направилась к плахе. Не видя ничего, она споткнулась и промахнулась мимо плахи, хватая руками пустой воздух. На мгновение её самообладание покинуло её, и леди Джейн, в течение короткого периода бывшая Королевой Англии, стала просто перепуганной девушкой, которой едва исполнилось шестнадцать; брошенной, растерявшейся, и ужасно одинокой.

— Где она, — вскрикнула она. — Что мне делать?

В некоторых рассказах очевидцев сообщается о том, что пожилой зритель быстро поднялся на эшафот и нежно направил её руки на плаху, а затем быстро скрылся.

Джейн, не узнавшая, кто был этот утешивший её старик, положила голову на плаху и сказала:

— Отче! В руки Твои предаю дух мой.

Вот так она умерла.

О судьбе пожилого зрителя в учебниках истории не сообщается.

ОДИНОКИЕ ДНИ

Дэниел Блайз

Наблюдающий офицер второго класса Себастьян Масгроув привык к тому, что он — единственное человеческое существо на Наблюдательной Базе XL-7.

Конечно же, у него были механические помощники. Пара шарообразных роботов — серебристый и золотистый — качались в воздухе на своих маленьких реактивных выхлопах, носясь по всей базе, и выполняя свои нескончаемые задачи, связанные с ремонтом и техническим обслуживанием. Иногда Себастьяна забавляло наблюдать за тем, как они работают. Ему казалось смешным то, как они своими тощими ручками с кleşнями держали платы или вынимали похожие на макароны пучки проводов, и при этом всё время бормотали и гудели друг другу что-то, как суеверные старички.

Других развлечений у него не было. Эта маленькая планета была слишком далека, чтобы принимать чёткий сигнал с какого-нибудь галактического видео-канала, а единственным звуковым сигналом, который ему удавалось поймать, было странное неспокойное шипение, которое дёргалось, словно пытаясь вырваться из динамиков. Здесь, на задворках системы Магелланис, редко случалось что-нибудь, достойное упоминания.

Большую часть времени Себастьян проводил на галерее наблюдения, под высоким шпилем оптрископов и приборов самой обсерватории. Время от времени ему доводилось полюбоваться падающей звездой, прочерчивающей на тёмно-зелёном небе белую полосу. Иногда огни двигались слишком медленно и неровно, как для падающих звёзд, и он размышлял о том, не стал ли он в этот момент свидетелем последней агонии какого-нибудь инопланетного корабля, обломки которого дрейфовали в космосе — эхо войны.

Когда ему надоедало наблюдать, всегда можно было направиться в большой купол, в котором было зелёное море оранжереи. Тут размещался побочный проект базы, целью которого было вырастить как можно большее разнообразие растительной жизни, способной расти в почве этой планеты; растительной жизни, прикасаться к которой следовало гораздо нежнее, чем это могли сделать роботы.

Когда восемь часов сероватого естественного света подходили к концу, и база погружалась в темноту, Себастьяна в пустоте ночи охватывали дрожь и чувство полного одиночества. Языки синей пыли хлестали по плексигласовым окнам, балки скрипели, как деревянный каркас парусника, а ветер завывал так, словно вокруг базы собирались великаны и дули прямо в её устаревшие системы вентиляции.

Часто Себастьяну казалось, что в оранжерее по гектарам зелёных листьев пробегали волны, как будто их касались чьи-то невидимые руки. А когда он всматривался в темнеющие дюны и хребты, то видел на земле сине-чёрные тени, похожие на огромные синяки, в тех местах, где раньше не было впадин.

В такие моменты он направлялся в тот уголок своей комнаты, где хранил своё любимое произведение искусства.

Был холодный вечер. Себастьяну было одиноко, и он уже не сомневался, что за ним наблюдают.

В поисках успокоения, он взглянул на своё сокровище. Его успокаивала эта красота. В углублении стены, освещённая красно-золотым светом, в красном шёлковом платье и с золотыми серьгами стояло высокое и стройное изображение Тарлы МакКэйл, такой же красивой, как и в день её смерти. Голограмма могла повернуться вокруг своей оси, подмигнуть, улыбнуться... и всё. Но для Себастьяна и этого было достаточно.

В стекле её футляра он увидел своё отражение. Усталый и измученный, короткие чёрные волосы не причёсаны, лицо заросло щетиной. Он нахмурился. Иногда, глядя в бездонную зелень глаз Тарлы, и слушая завывания ветра, он удивлялся тому, что столь

длительное одиночество ещё не свело его с ума окончательно.

— Мы не выиграли, Доктор, — с укором сказала Нисса из Тракена.

— Хм? — оторвав взгляд от консоли, Доктор посмотрел на неё сквозь очки, на которые спадала светлая чёлка.

Его спутница стояла возле внутренней двери, одетая в королевский костюм из красного вельвета. Её молодое лицо было обрамлено каштановыми кудрями; держа в руках листок красно-белой бумаги, она немного хмурилась.

— Я очень сожалею, Нисса, — осторожно выбирая слова, сказал Доктор, уставившись в точку за её левым ухом, словно пытаясь уловить в эфире их прошлый разговор.

Нисса упёрлась руками в бока, и устало покачала головой. Поняв, что он о чём-то позабыл, Доктор оторвал руки от консоли и поднял их, извиняясь.

— А что... именно мы не выиграли?

Нисса сунула ему под нос билет:

— Это. Межгалактическую Лотерею.

— А, — Доктор кивнул, сложил руки за спиной, и задумчиво посмотрел на пол. — Ну, Нисса, это же азартная игра. Я с самого начала не хотел...

— А нельзя ли, — с хитрой улыбкой спросила она, — мотнуться в будущее и...

— Ни в коем случае! — крикнул Доктор. — Даже не обсуждается! — он бросился обратно к консоли, словно лихорадочно спеша перенести их в другую эпоху. — Это нарушит тонкий азартный баланс континуума! — добавил он, сняв очки и махнув ими в её сторону, словно инопланетным талисманом.

В этот момент ротор в центре консоли начал подниматься и опускаться, и Доктор, удовлетворённый, отошёл от пульта.

— Ну ладно, Доктор, — пожав плечами, сказала Нисса. — Я подумала, что это был бы интересный эксперимент по логистике факторов вероятности, вот и всё. Я... Прости, если я тебя расстроила.

— Структура удачи и судьбы — это очень тонкое, филигранное сплетение нитей, — Доктор всё ещё не мог остановиться. — Жульничать в лотерее я не смог бы так же, как и спасти Адрика.

Наступила неловкая тишина, и они оба старались не смотреть друг на друга. Нисса села в плетёное кресло в углу.

В последнее время она путешествовала с Доктором одна. Они всё ещё переживали из-за Адрика, погибшего во время сражения с киберлюдьми. А совсем недавно Тиган, их спутница-стюардесса, тоже покинула их, оставшись в аэропорту Хитроу, в

который пыталась попасть почти год. Но что-то в душе Ниссы — своего рода интуиция, которой была наделена единственная выжившая из Союза Тракена — подсказывало ей, что её дружба с девушкой-землянкой ещё не окончена, и что вскоре они ещё соберутся вместе, все трое.

— Доктор, а ты когда-нибудь выигрывал что-нибудь? — спросила Нисса, делая вид, что перебирает старую одежду в стоящем рядом с её креслом сундуке.

Доктор стоял и смотрел вверх, на ротор времени. Он задумчиво приподнял брови:

— Ну-у... Было дело с Кублай-Ханом, но это был скорее не выигрыш, а отыгрывание проигранного.

Он нахмурился:

— Однажды я выиграл небольшую планету. Но она была ужасная.

Нисса решила, что она ослышалась:

— Целую планету?

— Ну, да... У моего предыдущего воплощения было несколько безрассудных моментов. Я играл в покер с одним заносчивым драконианином... Кажется, это было на Земле, в двадцать пятом веке. В общем, эта планета оказалась невзрачным булыжником на краю системы Магелланис, так что я вернул её Земным Колониям, чтобы они её осваивали. Я всё ещё считаюсь владельцем, так что чисто формально имею

право время от времени прилетать туда под предлогом проверки.

— Но ты так ни разу этим правом и не воспользовался? — предположила Нисса.

Доктор скривился:

— Почему-то нет. Наверное, я был слишком занят спасением Вселенной от немедленного уничтожения.

— Ну, так может быть, слетаем туда сейчас? — сказала Нисса.

Доктор заулыбался, как мальчишка:

— А почему бы и нет? Больше всё равно делать нечего!

Темнело. Жуя энергетический батончик, Себастьян Масгроув прошёл в сервисном коридоре номер семь мимо золотистого робота. Тот выдвинул из корпуса все свои шесть рук и протирал металлические стены.

— Молодец, так держать, — сказал Себастьян.

Он приветливо помахал роботу рукой, а робот что-то прожужжал в ответ.

Зайдя в галерею наблюдения, Себастьян уселся в мягкое вращающееся кресло и включил все экраны.

— Ну что, — сказал он, зевая, — посмотрим, что у нас там.

Освещение вдруг погасло, его сменил тусклый оранжево-красный свет. Себастьян замер от

неожиданности, затем громко выдохнул, сообразив, что это, должно быть, очередной перебой электропитания. Днём это случилось впервые, поэтому застало его врасплох сильнее, чем когда это случалось раньше.

Он включил внутреннюю связь:

— Себастьян вызывает Серебряного.

В ответ была лишь тишина. Себастьян вздохнул, и нетерпеливо постучал пальцами по изогнутой поверхности чёрного пульта.

— Ну же, где ты? Это гораздо важнее прочистки забившихся стоков.

Из динамика донёсся пронзительный писк.

— Наконец-то! Серебряный, разберись с запасным питанием.

Робот в ответ пискнул. Себастьян заворчал и выключил связь.

Снаружи усиливался ветер. Было слышно, как он безжалостно налетает на скалы. Себастьян включил одну из низко расположенных камер и просканировал сектор в 180 градусов: синие камни и темнеющее зелёное небо. Тоска, как обычно. Но всё равно немного страшно.

Себастьян нахмурился. На панели перед ним мигал курсор. Этот курсор не появлялся так давно, что Себастьян уже почти забыл, что он означает.

Его бросало то в жар, то в холод. Он почувствовал в кончиках пальцев почти электрическое покалывание, такое же, как когда-то, ещё мальчиком на Тенос Альфа, он чувствовал перед тем, как раскрыть утром пакет полевой почты.

— Корабль... — выдохнул Себастьян. — Здесь...

Он посмотрел вверх, осмотрелся вокруг, и на его небритом лице появилась улыбка.

— Вы этого хотели. Пускай это будут они... кем бы они ни оказались! Они!

Он вскочил на ноги, радостно потёр руки, и подошёл к шкафчику в стене, из которого достал свою драгоценную бутылку Арголинского бренди.

— Пришла пора навести тут порядок, — пробормотал Себастьян сам себе.

Он налил себе немного в бокал. Затем сравнил налитое с оставшимся в бутылке, пожал плечами, и выпил прямо из горла, утерев рот рукавом.

— Ваше здоровье! — прохрипел он и побежал вниз по лестнице готовиться к встрече гостей.

— О боже, — сказал Доктор. — Похоже, они тут не очень напрягались.

Нисса, одетая в найденные в сундуке шубу и коричневую фетровую шляпу, не нашла чем возразить. Во-первых, было холодно, хотя Доктор в его костюме

для крикета, похоже, чувствовал себя комфортно. А во-вторых, было пустынно.

Она запрыгнула на большой камень, чтобы осмотреться. Вид не воодушевлял. ТАРДИС стояла на вершине синей скалы, которая нависала над равниной, покрытой синими песчаными дюнами, тощими растениями, и унылыми лужами. Небо было металлического зелёного оттенка, явно пасмурное. Её трепал холодный ветер. Начав дрожать, она укуталась в шубу и натянула шляпку до самых ушей. В доминирующем запахе она узнала какое-то серное соединение, но, раз уж Доктор установил, что оно было недостаточно концентрированным для того, чтобы сделать насыщенную кислородом атмосферу ядовитой, придётся ей смириться с запахом.

Похожим на фонарик устройством Доктор указывал вниз.

— Источник энергии в двух километрах к югу, — довольно сообщил он. — Цивилизация, что ни говори, — он подал Ниссе руку, помогая слезть с камня. — А там, Нисса, где есть цивилизация, там есть и чай. Идём!

Себастьян возбуждённо ходил за Золотым повсюду, где тот наводил порядок перед приходом гостей: высыпал содержимое пепельниц, собирая бутылки, протирал пыль.

— Хорошо, — сказал Себастьян. — Вон там ещё. И вон там пропустил.

Свет погас. Себастьян вскрикнул. На секунду или две единственным источником света были зелёные огни на панели Золотого. Затем загорелись красно-пурпурные аварийные лампы.

Себастьян выдохнул. Его сердце колотилось, его снова бросало то в жар, то в холод.

— Я так больше не могу, — рявкнул он Золотому.
— Мне нужно выпить, — он направился к двери, но неожиданно увидел, что в дверном проёме кто-то стоит, и отпрянул назад.

В дверях стояла голограмма Тарлы.

Он пошатнулся, ухватился за стол, чтобы не упасть. В горле у него пересохло. Девушка-голограмма зашла и осмотрелась, словно искала что-то. Её рыжие волосы, зелёные глаза, белая, как мрамор, кожа — всё выглядело больше и ярче, чем в жизни, выполненное энергии.

— Это невозможно, — сказал Себастьян сам себе.
— Это неподвижная голограмма, ничего более.

Тарла протянула к нему руку. Себастьян отпрянул. Золотой, беззаботно подпрыгивая на реактивной струе, умчался сквозь призрак продолжать уборку.

Больше Себастьян не мог это терпеть. Он бросился к двери, на бегу стукнув кулаком по кнопке замка.

Он бежал до тех пор, пока не оказался в гостиной на другом краю базы и не наткнулся на диван. Его неровное дыхание эхом отдавалось по всей комнате.

— Надеюсь, вы не возражаете, — раздался у него за спиной чей-то вежливый голос. — Нам показалось, что некому нас впустить.

Широко раскрыв глаза, Себастьян обернулся. Перед ним стояли два человека: высокий блондин в старомодной одежде и девушка с волнистыми каштановыми волосами. Несколько секунд он двигал губами, удивляясь тому, что вместо слов раздаются только цоканье и хрип.

Мужчина с беспокойством посмотрел на него:

— У вас тут какие-то проблемы, мистер...

— М... Масгроув, — к Себастьяну вернулся дар речи. — Се... Себастьян Масгроув.

Мужчина взял его руку и по-дружески пожал:

— Доктор Джон Смит... от имени Управления Колониями. Зовите меня просто Доктор.

Перед Себастьяном возникла длинная лента с удостоверениями, она развернулась перед ним как предмет из реквизита фокусника. Он успел мельком заметить, что на некоторых из удостоверений были

абсолютно непохожие на Доктора лица, как тут же лента была свёрнута и исчезла у мужчины в кармане.

— И моя ассистентка Нисса.

— Рад с вами познакомиться, — слабым голосом сказал Себастьян. — Думаю, вы прибыли как раз вовремя.

Небо грохнуло и задрожало, словно гонг. Песок поднялся из темноты кривыми, сверкающими вихрями, по спирали поднимаясь вверх. А внизу, словно проснувшись, вода в лужах бурлила и шипела, выделяя ядовитые пары.

Что-то волновалось.

— В этих цепях всё в порядке, мистер Масгроув, — донёсся из технического люка приглушённый голос Доктора.

— Я знаю, — сказал Себастьян Масгроу. — Именно это мне и не понятно.

Себастьян уже расслабился. Похоже, его гостям понравились чай и печенье, которые он им предложил, более того, Доктор согласился помочь ему найти причины загадочных утечек электроэнергии. Про Тарлу он пока что не решился рассказывать. Он всё ещё надеялся, что она ему привиделась.

Доктор, заручившись помощью роботов, приступил к работе. Он снял с себя с себя пиджак,

закатил рукава рубахи и, лёжа на спине, по грудь скрылся в люке.

Себастьян решил не мешать ему. Девушка Нисса произвела впечатление довольно дружелюбной. Он увеличил её изображение на экране: она стояла на галерее наблюдения и смотрела на темнеющий пейзаж. Он решил заварить ей ещё чаю.

Когда он зашёл с подносом, Нисса, улыбнувшись, поблагодарила его.

— Даже не знаю, зачем меня здесь держат, — сказал Себастьян, стоя у двери. — Я просто маяк для пролетающих мимо. По ближайшим космическим линиям корабли пролетают раз в несколько недель, — он робко улыбнулся.

— Вам тут, наверное, очень скучно, мистер Масгроув. Давно вы тут один? — спросила Нисса и надпила чай.

Один. Давно ли? Нужно что-то ответить. Во рту у него пересохло, он понял, что тянет с ответом слишком долго.

— С тех пор, как... нет моей напарницы, Тарлы. В том смысле, что ей пришлось улететь.

Себастьян почувствовал, что его руки слабеют, и он подумал о том, долго ли ещё сможет держать поднос.

На лестнице позади Ниссы появился странный бледный свет.

— Одиночество — тяжёлый груз, и для ума, и для сердца, — сочувствовала Нисса. — У меня самой больше нет семьи, так что я рада, что могу путешествовать с Доктором.

Она нахмурилась:

— Мистер Масгроув, вам плохо?

Себастьян тяжело сглотнул, думая о том, сможет ли Нисса, если обернётся, увидеть то же, что вдел он. Там, за большим растением в горшке, безмолвно появилась мерцающая фигура Тарлы, которая смотрела на них отсутствующим взглядом.

— А теперь подай, пожалуйста, измеритель линейной тенденции, — Доктор высунул наружу руку, и в неё аккуратно опустился похожий на авторучку прибор.

Золотой очень расторопен, — думал Доктор, — но куда ни с того ни с сего подевался его приятель? Должно быть, роботам всегда есть чем заняться. Доктор потыкал прибором в платы и посмотрел на мерцающий дисплей.

— Хм... Странно. Явное несоответствие...

Он вытолкнул себя обратно в помещение, отчего Золотой взмыл вверх, неодобрительно щёлкая. Внезапно Доктор замер.

— Ты это слышал? — воскликнул он.

Золотой взмахнул клешнями и пискнул. Казалось, что он извиняется.

— Нет, — сказал Доктор, — конечно, ты...

Свет стал оранжевым, а затем потускнел до тёмно-фиолетового. В дальней стороне комнаты включился динамик и начал издавать завывающий повторяющийся сигнал тревоги.

Доктор потянулся к приборам. Если локализовать источник перегрузки, проблему, возможно, удастся решить.

Металлический поднос с грохотом упал на пол.

Нисса обернулась туда, куда указывал Себастьян. Там ничего не было.

В этот момент свет ослаб, и сирена начала свой заунывный вой.

Размахивая руками в диком возбуждении, с раскалённым соплом прилетел Серебряный. В фиолетовом свете он был похож на металлического светлячка, и, словно бешеный попугай, чирикал и верещал громче сирены.

Себастьян, зажав руками уши, медленно опустился на колени.

Тяжело дыша, вбежал Доктор. Он сразу направился к лестнице, лишь на секунду задержавшись, чтобы крикнуть через плечо:

— Нисса?

— Да, Доктор.

— Оставайся тут, присмотри за Себастьяном. Я схожу в оранжерею!

— Нет! — Себастьян с бледным, как простыня лицом встал, шатаясь, на ноги и, как утопающий, протянул руку к Доктору. — Нет, нельзя...

— А почему нельзя, хм? — с напускной наивностью спросил Доктор. — А! Вы боитесь, что мне удастся понять, в чём причина ваших проблем!

Сирена неожиданно замолкла, и наступила мёртвая тишина, нарушаемая только шорохом песка, который ветром ударяло о стены базы.

Ни Доктор, ни Нисса не заметили откуда Себастьян вынул пистолет, с такой поразительной скоростью это было сделано. Себастьян, шатаясь, шёл по наблюдательной галерее, направив оружие на Доктора.

— Вы останетесь тут. Туда ходить нельзя! — приказал он, сверкая широко раскрытыми глазами.

Доктор вздохнул. Ставяясь держать руки на виду, он осторожно заговорил:

— Ну же, Себастьян! Это же неразумно.

— Не ходите туда, — дрожащим голосом сказал Себастьян.

Из-за пурпурных теней его лицо казалось демоническим. Пыхнув запахом горячих газов и раскалённого металла, Серебряный завис между

Себастьяном и Доктором, громко щебеча и вращая своим тельцем. Себастьян начал дрожать, пистолет в его руке трясся.

Пистолет упал. Нисса, наблюдавшая за происходящим сбоку, подняла его и немедленно передала Доктору. Тот осторожно взял его двумя пальцами, словно боясь подцепить какую-то заразу, и печально посмотрел на Масгроува.

— Себастьян, взрослые люди себя так не ведут, — он отбросил пистолет в сторону. — Нисса, присмотри за ним.

Нисса нагнулась, чтобы утешить дрожащего человека:

— Ты там осторожнее, Доктор.

Он ей улыбнулся.

— «Осторожный» — моё второе имя, — сказал он и поспешил вниз по лестнице.

Оранжерея была исполнена влаги и жизни. В воздухе зависло ожидание, словно вот-вот что-то здесь должно было произойти.

Под огромным прозрачным куполом было несколько платформ и полуэтажей, заполненных разноцветной флорой. Цветы, похожие на алые колокольчики, вздымались над огромными резными листьями и бирюзовыми, похожими на чашки растениями с поверхностями, сверкавшими как ртуть.

Были там и деревья, их узловатые ветви тянулись к крыше, как руки титанов. Листва простиралась далеко, зелень растворялась туманной дымке, границ не было видно.

Глядя на это с одной из самых верхних платформ, Доктор нахмурился и смахнул с бровей капли пота.

— Что же, Доктор, — пробормотал он сам себе, — если ты не в силах выдержать такую жару, то лучше, пожалуй, выйти из теплицы.

Протирая лоб платком, он обернулся, рассматривая всё окружавшее его море влажной листвы. Он принюхался. Запах земли и торфа, немножко с кислинкой.

А ещё в воздухе был металлический привкус.

Очень странно.

Краем глаза он уловил какое-то движение и побежал вдоль балкона, пытаясь найти просвет между ветвями деревьев, через который было бы лучше видно.

Вон там. Растения на той дальней платформе дрожали и трепетали, словно их трепал маленький торнадо. Смерч, похоже, перепрыгнул на соседнюю платформу, а затем на следующую. Синий шипастый куст разорвало на части, его кусочки взмыли в воздух, а за ними зашелестел ворох осыпавшихся зелёных листьев.

Теперь Доктор чувствовал во рту пощипывание воздуха сильнее, оно было одновременно сладкое и острое. Деревья перед ним задрожали, заскрипели, и застонали, словно паруса на ветру. Встревожившись, он шагнул назад и начал рыться в карманах в поиске какого-нибудь полезного устройства, которое помогло бы ему разобраться, что тут происходит. Не успел он ничего найти, как вдруг вихрь пронёсся у него под ногами и опрокинул его на мягкую, тёплую землю.

Болтая руками и ногами, Доктор катился вниз по мокрой земле. За него цеплялись шипы и колючие лианы. С громким стуком он достиг дна искусственного склона и замер там, потеряв сознание.

Несколько минут он лежал неподвижно. Шум стихал.

Наконец, он сел. Его лицо скривилось от боли в спине, но он быстро удостоверился, что отделался несколькими синяками.

— Что же, — сказал он, стряхивая землю со своего костюма для крикета, — Барбара всегда говорила, что в саду чудесно отдыхается.

Он вздохнул, и начал сложный подъём обратно на платформу, то и дело останавливаясь, чтобы извиниться перед разноцветными растениями, на которые он упал, на тот случай, если они вдруг разумные. Доктор старался никого не обижать.

За стенами базы завывал шторм. Бурлящие лужи сияли неземным, призрачным светом. Вьющиеся синие растения словно приподнялись над поверхностью земли, как будто бы они пытались получше разглядеть хрупкую базу, ютившуюся в низине.

В одной из луж появилось лицо, словно отражение.

Но это было не отражение, а действительно голова, которая отрывалась от поверхности синей воды. Глаза сияли, волосы мерцали красным — это была голограмма Тарлы МакКэйл. Плавно и бесшумно вынырнуло всё её тело.

Она вышла из лужи, словно русалка, и посмотрела на базу.

Её кроваво-красные губы медленно растягивались в улыбке.

Себастьян Масгроув сидел один у себя в каюте.

Что же, — думал он, — Доктор почти ничего не рассказывал. Вернувшись из оранжереи, стряхивая со своей одежды грязь, он сказал, что будет лучше, если они все пойдут и хорошо отдохнут до утра.

Себастьян с радостью провёл их к спальням для гостей. Хорошо, что Доктор и Нисса ему до сих пор доверяли, несмотря на его глупую выходку с пистолетом. Он до сих пор не мог поверить, что сделал

это. В конце концов, они же были нужны ему, Доктор и Нисса. О, да, ещё как нужны.

Ему нужно выполнить обещание.

— Доктор, я не доверяю мистеру Масгроуву.

Казалось, что в углах гостиной спряталась темнота. Одной из этих теней была тень Доктора. Он ходил туда-сюда, засунув руки в карманы. Когда Нисса заговорила, он остановился, повернулся в её сторону, и, приподняв брови, посмотрел на неё.

— Что же, доверие — штука хрупкая.

Нахмутившись, он на секунду задумался, словно хотел сказать что-то более глубокомысленное, но затем пожал плечами:

— Я, Нисса, тоже ему не доверяю.

Он сел в кресло и глубоко вздохнул.

— Значит, ты ему не расскажешь о том, что формально являешься владельцем этой планеты?

— Думаю, это всё только усложнит, — Доктор наклонился вперёд, сжав ладони рук. — Кроме того, я бы хотел узнать, что именно находится в моей собственности... И мне кажется, что мистер Масгроув может знать ответ на этот вопрос.

Нисса подошла и села рядом с ним. В её глазах было волнение, ей было сложно сохранять свойственное ей внутреннее спокойствие.

— Эта его напарница, — сказала она. — Меня беспокоит, что он скрывает что-то о ней.

— А-а, — кивнул Доктор, раскрыв глаза. — Ты хочешь сказать, — сказал он, указав на неё пальцем, — что Тарла была убита.

Он с неожиданной энергией вскочил на ноги и посмотрел на висящую на стене картину. На ней был стилизованный пейзаж ледяной пустыни Плутона.

— Это было бы интересно, — сказал он отстранённым голосом, — очень интересно. Но, наверное, слишком просто... А теперь, Нисса, советую тебе постараться забыть о неприятном окружении и поспать.

Нисса многозначительно на него посмотрела:

— А ты тоже спать будешь?

— Не говори глупостей. Я уже вздрогнул... — он на секунду задумался. — С тех пор ещё даже недели не прошло! — он улыбнулся. — Работы тоже не спят. Мы с ними продолжим проверку оборудования и проведём небольшое неофициальное расследование.

Даже на самых глубоких уровнях базы поломок не было. Звучал низкий тихий гул, свидетельствовавший о том, что генераторы работали, но в остальном было тихо и спокойно.

Внезапно раздался ещё один звук: тихое жужжание мотора. Во мрак ворвался луч синего света,

осветивший пылинки в воздухе. За ним последовало синее пламя. Появился Золотой, луч фонаря которого крутился во все стороны, делая его похожим на маяк. Затем позади робота появился Доктор, который со свойственным ему любопытством принюхивался и похлопывал по толстым металлическим стенам.

— Знаешь, ты очень хороший помощник, — улыбаясь, сказал Доктор. — Не думаю, что у Себастьяна хватает времени на то, чтобы проверить что-то из этого самому, а раз уж у меня всё равно что-то вроде бессонницы...

Робот щёлкнул и присвистнул.

— Ну, да... — Доктор понимающе кивнул и почесал нос. — Я бы сказал примерно то же самое. Ладно, а главное компьютерное помещение, должно быть...

Золотой, жужжа, повернулся и, махнув одной из клешней, велел Доктору идти за ним.

— Ясно. Ну, давай, веди.

Прошло несколько часов.

С наступлением утра пейзаж смягчился, словно кристаллики инея растаяли и превратились в росу. Бурлившие лужи утихли, их поверхность снова стала плоской и глянцевой, серные облака развеялись. Растения, тени которых были похожи на ужасные видения, снова стали просто длинной

растительностью, недополучавшей питательные вещества.

Небо по-прежнему было свинцово-серым.

Нисса проснулась. Она недовольно столкнула с себя одеяло, зевнула, и приподняла голову, опираясь на локоть. Спалось ей очень плохо.

— Доктор? — спросила она, протирая глаза, пытаясь рассмотреть высокую бледную фигуру, стоявшую возле окна в утренних лучах.

Через секунду она поняла, что это был не Доктор. Ей улыбалась женщина. Улыбалась ярко-красными, как кровь на фоне льда, губами.

Нисса вскрикнула и похолодела. Она схватилась за край кровати и не знала, что ей делать: то ли вскочить и сопротивляться, то ли затаиться и лежать.

Не успела она и глазом моргнуть, как женщина исчезла.

Нисса тяжело сглотнула и постаралась успокоить колотившееся сердце. Снаружи становилось всё светлее, и в углах уже не осталось теней, в которых могла бы скрыться женщина.

На Тракене было множество мифов и легенд, в некоторых из которых, как и в легендах многих других миров, были потусторонние духи.

Вздрогнув, Нисса набросила поверх своей тонкой одежды шубу. Опуская ноги на пол, она поняла, что

по-прежнему чувствует усталость. После неспокойного сна у неё болели глаза, а во рту было сухо.

Так что же она увидела?

Может быть, она ещё не совсем проснулась, и ей просто привиделся мерцающий призрак? Она зевнула и пошла искать Доктора и завтрак.

Серебряный был весь в делах. Он летал и чирикал в гостиной над тремя столиками, на которых стояли серебряные подносы с едой: золотисто-коричневые круассаны и гренки, сваренные вкрутую яйца, большие чайники с чаем и кофе, и стеклянные банки с джемом и повидлом.

Гостиная показалась Ниссе странно тихой и спокойной, но, по крайней мере, освещение вернулось к такому уровню, при котором всё не казалось призрачно мрачным. За изогнутыми окнами из плексигласа снова был синий пейзаж из песка и скал.

Она робко улыбнулась Серебряному, а робот в ответ качнул головой и ткнул клешнёй в направлении завтрака.

— Как замечательно, — сказала Нисса, пристрастившаяся за время путешествий с Доктором к земным деликатесам.

У лорда Крэнли ей уже доводилось есть тосты с повидлом, поэтому она с радостью принялась за знакомое блюдо.

— А где Доктор? — спросила она.

В ответ раздалась сумбурная каша из жужжаний и писков. Нисса нахмурилась и сложила руки вокруг своей чашки с горячим кофе.

— Ты же должен как-то общаться с мистером Масгроувом, — предположила она. — Разумный робот... реагирует на разумные идеи, — у неё загорелись глаза. — Я хочу, чтобы ты пищал вместо «да», и жужжал вместо «нет». Мистер Масгроув где-то рядом?

Серебряный покорно пискнул.

Нисса осталась довольна. Она посмотрела на служебную лестницу, ведущую на наблюдательную галерею. Ей не было ничего наверху видно, но она предположила, что Себастьян там, занят выполнением своих утренних обязанностей.

Она надпила кофе.

— А помимо меня и Доктора, — продолжила она, — мистер Масгроув — единственное разумное живое существо на базе?

Этот вопрос, похоже, озадачил робота. Он начал подпрыгивать на своей реактивной струе, чирикая, как встревоженный воробей.

Нисса многозначительно на него посмотрела и напустила на себя как можно более строгий вид.

— Я задала вопрос, — напомнила она роботу.

И последовал ответ. Это было длинное, низкое журчание.

Нисса похолодела.

Вдруг раздалась пронзительная сирена, не такая, как раньше. Она завывала и завывала, короткими рывками.

Ни с того ни с сего на металлической лестнице, ведущей на галерею наблюдения, послышался топот чьих-то ног. Нисса дёрнулась, но это оказался всего лишь Себастьян, растрёпанный и с выпученными глазами.

— Выключи её! — закричал он на Серебряного.

— Выключи немедленно!

Робот послушно подлетел к пульте управления и что-то чирикнул. Шум прекратился, наступила напряжённая тишина.

— Что случилось? — спросила Нисса. — Где Доктор?

— На нас напали! — прорычал Себастьян.

Ниссу встревожило его поведение. На лице у него появилась ярость, с какой-то первобытной злобой он вцепился в спинку одного из кресел та сильно, что его пальцы побелели.

— Вы что, не поняли? Именно это всё время и происходило, задолго до того, как вы сюда прибыли!

Раздался какой-то звук, похожий на скрежет металла, вибрации которого, казалось, расшатывали пол. Нисса испуганно огляделась, пытаясь понять, что это за новая угроза, но Себастьян засмеялся с неё и указал на окна. На них сверху медленно надвигались металлические заслонки, перекрывающие естественный свет.

— Оборона, — сказал Себастьян, усмехнувшись.
— Автоматическая, — добавил он, шатаясь подойдя кциальному шкафу и набирая код доступа. — И ручная, — он снова усмехнулся, вынув большой тяжёлый пистолет и направив на неё.

Нисса затряслась от страха, но Себастьян внезапно перевернул пистолет и швырнул его ей. Испугавшись, она неловко поймала его, краем глаза заметив, что Себастьян вынул из шкафа ещё один пистолет и взялся его заряжать.

— В случае нападения, — говорил он внятно, но повышенный тон выдавал нервозность, — весь гражданский персонал подчиняется непосредственно мне. Для отражения врага вы должны строго следовать моим приказам. Серебряный, всё понятно?

Серебряный в ответ издал сложную последовательность писков.

— Хорошо. Мисс Нисса, вам всё ясно? — Себастьян вопросительно посмотрел на неё.

Она тяжело сглотнула — в горле у неё пересохло. Пистолет в её руке казался холодным и чужеродным. Её смущало и само оружие, и идея вооружённой обороны. Но она понимала, что Себастьян настолько неуравновешен, что может и убить её, если она с ним не согласится.

— Да, — сказала она. — Всё ясно, мистер Масгроув.

Свет стал более тусклым, словно что-то вдруг высосало часть электричества. Покрывшийся потом Себастьян присел на одно колено и прицелился в закрытые окна.

Нисса вдруг поняла, что снаружи, из-за заслонок, доносится странный скрежет.

И она подумала, что Себастьян Масгроув, вполне возможно, не такой уж и сумасшедший.

Зашипев гидравлическими приводами, позади Ниссы распахнулась внутренняя дверь. Она обернулась на звук. В дверях, подняв руки перед собой, стоял Доктор. Он медленно зашёл в комнату, а позади него в воздухе качался Золотой.

— Доброго всем утра, — сказал Доктор. — Похоже, нам удалось сделать перед завтраком шесть невозможных дел.

— Назад! — бормотал Себастьян.

Нисса перевела взгляд с наведенного на Доктора пистолета Себастьяна на молчавших роботов, затем снова на Доктора.

— Назад! — закричал Себастьян. Я же сказал, что не пойду! Я не позволю себя забрать!

Царапание снаружи стало громче. Ниссе показалось, что пол опять задрожал.

— Нисса, — спокойно сказал Доктор, — ты знаешь, ты была права насчёт мистера Масгроува. То, что он нам рассказал — неправда. Но я провёл несколько интересных часов и изучил с вот этим роботом несколько довольно интересных файлов. Теперь я знаю правду, — Доктор развёл руками. — Я знаю, Себастьян. И я помогу.

— Хочешь сказать... — Нисса пялилась от Себастьяна, — он и вправду убил напарницу?

— Он никого не убивал, — Доктор продолжал идти вперёд. — Видишь ли, согласно компьютеру базы, у Себастьяна здесь никогда не было напарника. Так ведь, Себастьян?

Себастьян дрожал; пялясь, он пытался зайти за один из столов. Ниссе показалось, что он пытается отступить в маленький мир, который создал сам, и остаться там навсегда, никогда его не покидать.

— А с другой стороны, — продолжал Доктор, — на Земле когда-то действительно жила девушка по

имени Тарла МакКэйл. Девушка, которую Себастьян любил, и которую убили далеки.

Доктор сложил руки за спиной и понизил голос, понимая, что теперь говорит лишь только с Ниссой.

— Из её видеоизображений Себастьян построил голограмму. Чтобы она составила ему компанию. Чтобы он тут не сходил с ума, запертый в одиночестве по многу дней между прилётами кораблей, без единого другого человеческого существа.

Себастьян всхлипывал, держась за голову. Доктор нагнулся под стол Себастьяна, заглянул в его мир, и положил ему руку на плечо.

— Всё хорошо, — сказал он.

— Доктор, — прошептала Нисса, — я спросила у робота одни ли мы тут.

— Хм. И он, наверное, ответил тебе, что нет, — Доктор встал, полный решимости. — Тут действительно что-то есть. Всё, что мне известно — оно потребляет электроэнергию. Оно вызывает проблемы с электропитанием, портит системы, и делает что-то странное с голограммой мистера Масгроува.

— С голограммой... Так вот что я видела! Сегодня утром в моей комнате было что-то, похожее на привидение.

— Наверное, это была она. Но оригинал Себастьяна был сделан для того, чтобы стоять на

месте, как статуя. Без проектора он не должен работать.

— Так мы в опасности? — спросила Нисса, подозревая, что уже знает ответ.

— В ужасной опасности, — вздохнул Доктор, — и всё это из-за кое-чего, о чём я забыл, когда выиграл этот астероид. Оставайся тут.

— А ты куда?..

— Наверх! — крикнул он, взбегая по ступеням.

Выше наблюдательной галереи была только обсерватория. Доктор нашёл металлическую лестницу, выдвинул её вниз, и полез вверх. Внутри узкой шахты его дыхание звучало резко.

Наверху он оказался внутри просторного, слабо освещённого купола. Вдоль его края шла узкая галерея, но в основном там доминировал возвышавшийся над Доктором похожий на ракету комплекс инструментов. Торчащие в направлении неба, готовые уловить сообщения от звёзд, приборы, объективы и кабели блестели и гудели как чудовище, собранное из технологий разных эпох. Доктор вздохнул. Наверное, колонистам временами приходилось пользоваться тем, что было под рукой.

Он снова почувствовал в воздухе металлический привкус, немного сладковатый, словно кто-то прижал к его языку холодную ложку с мёдом.

Он запрокинул голову и крикнул:

— Не бойтесь! Я просто хочу поговорить!

Из-за света показалось, что тени сгостились, издавая шипящие, шепчушие звуки.

На башне из сверкающих оптических приборов появились яркие блики.

Нисса огляделась. Стало темнее, и Себастьян плакал, как ребёнок. Резкий порыв ветра охладил её лицо и спутал ей волосы. Она вздрогнула.

Себастьян посмотрел на неё; у него на лице блестели пот и слёзы.

— Нет, — бормотал он, — не в этот раз. Пожалуйста. Я же говорил, что они прилетят. Говорил, что можете забрать их вместо меня... Пожалуйста!

Нисса решила, что у неё нет ни малейшего желания оставаться в гостиной, взаперти с безумием Масгроува, когда снаружи по заслонкам скребёт какая-то невидимая тварь.

— Где Доктор? — крикнула она роботам.

Они затряслись и начали пищать друг на друга. Золотой начал плыть в направлении лестницы, жестами клешней показывая, чтобы Нисса шла за ним. Она посмотрела на Себастьяна, затем подняла взгляд на Серебряного.

— Присмотри за ним! — приказала она и поспешила вверх по ступеням.

Когда они добрались до наблюдательной галереи, Золотой указал, что ей нужно подняться по выдвижной металлической лестнице.

Сверху, из шахты, вниз проникал неземной свет. Когда она бралась за поручни, в её руках пульсировали какие-то отголоски, словно крики из ямы.

Она решительно полезла вверх. В ушах у неё звенело, во рту был металлический привкус. Когда она вылезла наверх, Доктор стоял на узкой галерее, подняв руки, словно защищаясь от существа из пляшущего света, который потрескивал вокруг телескопов и приборов. Нисса моргнула. На неё потоком нахлынули разные ощущения. Была ревущая, острая сладость, запах раскалённого металла, и яркий блеск оптических приборов. А затем щупальце из света потянулось к Доктору.

— Нет! — потрясённая Нисса бросилась к Доктору и оттолкнула его в сторону.

Потрескивающий свет ударил в стену купола и изогнулся, как змеиная голова, прицеливаясь заново. Доктор, задыхаясь от злости, пытался встать.

— Нисса, ну вот зачем было это делать?!

— Оно собиралось напасть на тебя!

— Да не собиралось оно ничего такого делать! Я хотел пообщаться с настоящей местной формой жизни!

Нисса ничего не понимала. Прикрывая глаза рукой, она попыталась рассмотреть блуждающие туда-сюда щупальца света.

— Ты хочешь сказать, что...

Неожиданным резким движением щупальце метнулось в Ниссу.

На мгновение она испугалась, почувствовав, что её тянут вверх, руки растягиваются в стороны, а голова аккуратно запрокидывается. А затем по её телу растеклось спокойствие, словно она была погружена в тёплую воду.

Она почувствовала, как наружу из неё просится голос. Инопланетный голос.

На галерее, почти парализованный ужасом, появился Себастьян. Он задрожал, когда увидел, что вниз по шахте лестницы пробивается свет.

В нём вдруг проснулась совесть, которая говорила, что то, что он сделал, несправедливо. За последние несколько месяцев он выяснил, что на этой планете была некая форма жизни, но это открытие не сделало его одиночество менее безнадёжным. Потому что Себастьян был убеждён, что это существо, чем бы оно ни было, хотело его убить.

Он умолял сохранить ему жизнь. Он пообещал существу вместо себя первых же космических путешественников, которые тут появятся. Во всяком

случае, ему казалось, что именно это он пообещал во время странных моментов общения с невидимой силой. А когда она приняла форму его любимой Тарлы, это было для него слишком.

Теперь он не понимал.

Он не понимал, чего же именно хочет это существо.

Он полез по лестнице вверх, навстречу свету и осязаемому в воздухе электричеству. Оказавшись наверху, он замер от увиденного. Стоявший рядом Доктор пальцем указал ему молчать.

Девушка Нисса сияла в колонне бело-голубого света, щупальца которого бегали по куполу обсерватории, освещая его словно фотовспышки.

Нисса заговорила чужим голосом:

— *Простите за неприятности, которые я могла причинить вам. Я Телксзана, одна из пзорсвиров. Мы вымирающая раса. Я — последняя. Это на моём теле вы сейчас стоите, на нём вы разбили свой лагерь.*

У Доктора расширились глаза. Он схватился за перила и нагнулся вперёд.

— А... Тогда всё становится понятно. Единственный континент этой планеты — вовсе не континент. Это ты! Скалы, растения, вода... Они все — часть твоей... Физической структуры?

— *Совершенно верно. Мы... были... электрочувствительными формами жизни, основанными на*

кремни. Я уже не первый раз пытаюсь с вами общаться. Но у меня было мало сил, и мои способы привлечь ваше внимание, похоже, вызывали разрушение.

Доктор прокашлялся.

— Люди, — сказал он, — сильно зависят от электричества. Ты перемещаешься в нём — я понял это, когда изучал закономерности перебоев — и для тебя это так же естественно, как для людей дышать воздухом. Ты не понимала, что вызываешь проблемы с энергообеспечением?

У Ниссы снова раскрылся рот:

— До совсем недавнего времени не понимала. А поняв, я попыталась собрать свою энергию в одном месте, чтобы пообщаться с человеком.

Доктор кивнул:

— Голограмма.

— Меня зовут Себастьян, — сказал Себастьян, тревожно глядя то на Доктора, то на светящееся существо. — Себастьян, помнишь? У нас был договор!

Доктор положил руку Себастьяну на плечо, отвёл его в сторону и тихо сказал:

— Мне кажется, что вы неправильно поняли намерения этого существа, Себастьян. Оно оставило вас в живых потому, что никогда и не собиралось вас убивать.

— Это верно. Я хотела предупредить вас о моей скорой неизбежной смерти.

Доктор резко посмотрел на существо.

— А, — сказал он. — Да. А вот об этом я мог бы и сам догадаться.

Нисса почувствовала во рту влагу. Это была прохладная свежая вода, и её пересохшему горлу она была очень нужна. Она с наслаждением пила, и глаза её постепенно фокусировались на окружающем. Она поняла, что лежит на кушетке, и по мере того, как слипшиеся глаза смогли различать детали, она узнавала гостиную базы. Над ней с озабоченным лицом склонился Доктор.

— Тише, Нисса, — сказал он. — Не торопись.

Её мучила жажда. Сев, она взяла из рук Доктора стакан и залпом выпила остатки воды, смакуя её свежесть.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Доктор.

Нисса немного задумалась:

— Голова болит, — сказала она, — а воды могу ещё пол литра выпить.

Она постаралась посмотреть на Доктора, удерживая на нём взгляд.

— Доктор... Откуда ты знал, что общение с этим существом не опасно?

— Я не знал, — строго сказал он. — Нисса, моя физиология гораздо сильнее твоей. Поэтому я и хотел сделать это один. Но, к несчастью, ты встала у него на пути, — Доктор усмехнулся. — Ладно, до свадьбы заживёт.

— А... существо?

— Телксзана всё ещё жива, хотя это и не надолго. Вот об этом она всё это время и пыталась нам сказать. Бури, дрожание почвы, проблемы с электричеством... Они все связаны с постепенным умиранием последней коренной обитательницы этой планеты.

Нисса взялась рукой за голову. Перед ней всплывали бледные воспоминания об *истории, о древней истории... Истории страданий, смерти... И ужасной боли от того, что ты — последняя в своём роду.*

Она посмотрела на Доктора.

— А когда она умрёт?

— По человеческим меркам, примерно через год, — пожал плечами Доктор. — Будет предусмотрительным сделать так, чтобы мистер Масгроув и роботы были отправлены с этой планеты до того, как она погрузится навсегда в океан.

Последняя...

Ниссе показалось, что она почувствовала запах родного дома. Увидела далёкое лицо своего отца.

Последняя в своём роду.

Себастьян Масгроув жевал круассан.

На расположенных перед ним мониторах две фигуры удалялись, направляясь к дальнему хребту. Он беззвучно засмеялся, подумав о том, к какой части тела существа относился хребет. Её плечо? Её правое веко?

Он максимально возможно увеличил фигуры Доктора и Ниссы, пока не смог различить панаму Доктора и собранные на затылке волосы Ниссы.

Он вздохнул. Ближайший патрульный корабль заберёт его отсюда. Теперь, когда существо это знало, Доктор заверил, что больше оно не будет беспокоить.

Себастьян сомневался. Чем-то ему нравилось, что его беспокоили. С ним общались. Никто по-настоящему с ним не общался уже очень давно, с того самого дня, когда ему передали сообщение о смерти Тарлы.

Была как минимум одна вещь, которую до его отлёта существо могло сделать для него. Иллюзия, которую оно умело создавать. Он откинулся на спинку кресла и усмехнулся стройной голограмме, а та подмигнула ему в ответ.

— Золотой! — крикнул Себастьян вниз. — Поставь чайник.

— Я вспомнил, — сказал Доктор, когда они брели обратно на скалистый хребет, который не был

скалистым хребтом, по синему песку, который не был синим песком, на пути обратно к ТАРДИС.

— Что, Доктор? — Нисса оторвалась от собственных мыслей.

— Когда я выиграл этот астероид, драконианин мне сказал, что сейсмические зонды его народа обнаружили тут нестабильности. Он думал, что этому астероиду оставалось не больше пары витков по орбите, — повелитель времени скривился. — Насколько я припоминаю, он злорадствовал по этому поводу. Мне всегда хотелось потом проверить это... — он развернулся, чтобы посмотреть вниз на базу, до которой было уже минут десять пути.

Нисса тоже обернулась.

— Ну что, — спросила она, — ты рад, что удовлетворил своё любопытство?

— Думаю, да. С мистером Масгроувом теперь всё будет в порядке, я позабочусь о том, чтобы на корабле, который за ним прилетит, имели подробное объяснение, — Доктор вздохнул. — Это полезно — временами вспоминать о точке зрения. О том, что есть во вселенной существа, для которых мы — лишь незаметные микробы...

Он присел и зачерпнул пригоршню песка.

— Ну, бывай, Телксзана, — сказал он и, осматривая синие просторы её тела, позволил песку высыпаться между пальцев.

Нисса смотрела, как он отряхивает руки. Странно, но лицо у Доктора было отрешённое. Должно быть, он думал о прошлом, или о будущем. О своих вечных скитаниях, или о смерти.

— Она умрёт, и после неё никого не останется, — за сухой констатацией факта скрывалось множество мыслей, не покидавших Ниссу.

— Да, — Доктор встал. — Это происходит по всей Вселенной. Старое отмирает, появляется новое. Это невозможно остановить.

Он повернулся, надел шляпу, и пошёл к ТАРДИС.

— Пойдём, Нисса, — сказал он. — Пора улетать.

Она ещё немного постояла под порывами холодного, сернистого ветра. Начал капать мелкий дождик, на песке появились тёмные пятна. Она увидела, что там, внизу, перед базой, кто-то машет ей на прощанье рукой. Она тоже помахала рукой, хотя до базы было слишком далеко, чтобы быть уверенной в том, что это Себастьян. Когда она напрягла зрение, ей показалось, что фигурка выше него и более худая.

Доктор продолжал идти, поэтому Нисса развернулась и пошла догонять его.

Дождь начал усиливаться, раздались первые раскаты грома.

НАРОД ДЕРЕВЬЕВ

Пэм Бэддели

Извините, этот рассказ ещё не переведён.

ТАЙМ-ШЕР

Ванесса Бишоп

— Ты посмотри на это!

— Хм?

— Ну, посмотри хотя бы!

— А что с ним? — Доктор присмотрелся внимательнее. — Вернее, что это такое?

— Тебе лучше знать, это ты его там оставил!

— Я сдаюсь. Что это?

— Это сандвич!

— Точно! Я так и думал! А с чем он?

Глубоко вздохнув, Пэри помахала перед носом рукой, к которой что-то прилипло.

— Гадость... Доктор, он уже почти сгнил.

— А где ты его нашла?

— В кармане твоего пиджака.

— А... — он снова потерял интерес. Задушить его было мало, когда у него такое настроение. Он становился рассеянным: — Говоришь, сандвичный карман? — равнодушным: — Пэри, не сейчас... Я занят, — и ещё более высокомерным, чем обычно: — И вообще, ты чего по моим карманам шаришь? — поднял он голос над гулом ТАРДИС, захлопнул книгу, которая полностью поглощала его внимание в последний час, и недовольно посмотрел на

темноволосую девушку, демонстративно ставшую напротив него.

— Ты сам меня попросил, — надула она губы. — Попросил достать из кармана твоего пиджака ручку. И я, как добрый, отзывчивый человек, обыскала твоё разноцветное чудовище. Я даже в тех искала, — указала она на три или четыре пиджака, висевшие в углу на вешалке.

Доктор нетерпеливо протянул руку:

— И?

— Нет ручки.

— Нет ручки? Что значит «нет ручки»? — оттолкнув её в сторону, он схватил пиджак и начал энергично перетряхивать складки ткани. — Нет ручки? Действительно, нет ручки!

Пэри сердито качала головой:

— Я же тебе сказала, нет её там. Я нашла скомканную бумажку, ложку, сандвич, вот этого малыша... — она взяла со стула, на который выложила содержимое карманов, плюшевого медведя. — Кстати, милый мишка, Доктор.

— Да, да, спасибо, — Доктор махнул рукой, чтобы она молчала.

Пытаясь изобразить занятость и сменить тему, он демонстративно поболтал пальцами над кучей предметов, и в конце концов направил руку, чтобы поднять один из них.

— Моя вело-клипса для брюк. А я-то думал, куда она делась...

Пэри чуть не рассмеялась:

— Ты? На велосипеде? Ты что, серьёзно?

Он возмущённо продолжал вертеть в пальцах клипсу:

— Я сделаю вид, что не слышал этого.

Пожалуй, она была с ним иногда немного груба, и она понимала, что ведёт себя при этом по-детски, но его упитанность и явное отвращение к физическим упражнениям никогда не переставали забавлять её. Нагнувшись над столом, она подняла мятый кусок голубой бумаги, который, когда она его расправила, оказался ровным квадратом, на котором было что-то неаккуратно написано.

Она начала читать вслух:

— «Первая неделя ноября. 1262 на 04 на 05».

— Дай мне посмотреть.

— Это было в зелёном бархатном пиджаке на вешалке.

Несколько секунд спустя Доктор уже сам изучал загадочную надпись:

— Первая неделя ноября... Первая неделя ноября...

— он снова и снова произносил эти слова, пытаясь вспомнить, что они значили. — Ах да, может быть...

— Что? Ты знаешь, что это значит?

— Возможно... Да... Нет, — он решительно покачал головой. — Но эти координаты кажутся мне почему-то знакомыми...

— А, так это координаты?

— Разумеется, это координаты, — вздохнув, ответил он.

— Что же... — Пэри ненавидела, когда он её поправлял, за эту его способность заставить её почувствовать себя ничтожеством. — Раз ты так в этом уверен, то почему не попробуешь их?

Он посмотрел на неё.

— Мне это кажется очевидным, — закончила она.

— Я как раз собирался именно это и сделать. Так... Вот, держи, и внятно диктуй мне эти цифры.

Пэри продиктовала цифры, одну за другой, стараясь не обращать внимание на то, что Доктор постоянно заглядывал ей через плечо.

— Ноль, пять, — закончила она. — Это уже последняя, Доктор, хватит заглядывать.

— Я не заглядывал, — сказал он. — А вот это, — он постучал по бумаге указательным пальцем, — не пятёрка.

— Это пятёрка! Ты что, не видишь?

— Я немного близорук на левый глаз.

— И тупой на правый!

— Это, моя дорогая Пэри, шестёрка, а не пятёрка.

— Ерунда! Печерк ужасный, согласна, но это определённо пятёрка. Готова поспорить... В общем, я бы на это поставила большую сумму.

— И это бы тебя разорило.

Всем своим видом как бы говоря «я прав», Доктор набрал последнюю цифру... шестёрку.

Расправив плечи, Доктор глубоко вдохнул.

— А! Чудесный английский аромат, Пэри. Попробуй! Ни с чем не сравнится!

Пэри провела рукой по вычурным кованым воротам, на которых скопилась дождевая вода. Она отряхнула руку.

— Типично английская погода, как я понимаю, — сказала она.

Он хлопнул её по спине так, что она чуть не упала.

— Ну же, Пэри, несколько капель дождя никому не повредят. Разве что доктору Фостеру. А так как я не он, и мы в северном Девоне, а не в Глостере, переживать нам не о чём, — он стоял прямо, грудь колесом, и осматривался. — Тысяча девятьсот двадцать девятый...

— Если прибор не врёт, — неуверенно добавила Пэри. Она явно не разделяла его непомерной уверенности.

— Знаешь, Пэри, очень много чего случилось в 1929-ом году.

— Например?

— Ну... К примеру...

— Да?

— Ну, это было важное время для...

Она сложила руки и иронично смотрела на него.

— В этом году были, — начала она, — крах Уолл Стрит, Бойня в День святого Валентина...

Внезапно он нахмурился:

— Вот именно! Сама будто не знаешь!

— Кто живёт в этом доме?

Порывшись в кармане, Доктор вынул постепенно протирающуюся бумажку, которая их сюда привела.

— Если бы я помнил.

Запрокинув голову, он сосредоточился на доме. Типичный двухэтажный загородный дом, довольно неплохой, хотя и на любителя.

— Ты договорился встретиться тут с кем-то?

Свидание, или чаю, может быть попить?

Лучше уж предполагать что попало, — подумала Пэри, — чем стоять, как некоторые, с рассеянным видом посреди этой сырости. Ожидая ответа, она провела пальцами по металлическим завиткам ворот. Ответ раздался в неожиданной форме.

— Динь-дон!

Она покачала головой:

— Что? Я не поняла...

— Смотри! — Доктор направил палец на ворота.
— ПДО. А это о чём-то напоминает!

Даже сильно повернув голову, Пэри не могла ничего увидеть, пока Доктор не распахнул ворота. С внутренней стороны на них была аббревиатура из трёх букв.

— ПДО! Видишь?

— Мне это ни о чём не напоминает, — вздохнула его спутница, раздражённая тем нелогичным путём, которым следовали его мозги. — И что? Что это означает, Доктор?

— Я вспомню. Не засыпай меня вопросами, пока я думаю! Пойдём!

Он быстро направился к парадному входу. Пэри пошла следом, то и дело подбегая, чтобы не отстать. Когда Доктор резко остановился перед дверью, она врезалась в него, за что он наградил её укоризненным взглядом.

— Если ты в состоянии стоять и не падать, — надменно сказал он, — то продолжим. Смотри, — он указал на истёртую ручку звонка, на которой тоже были инициалы «ПДО».

— Пожалуйста, Дверь Открой! — пошутила Пэри.

Ответа не последовало. Он, казалось, целую вечность что-то бормотал и ругался себе под нос, а затем снова оживился:

— «Предложения Домов для Отдыха»! Точно! Это, моя дорогая Пэри, собственность «ПДО»! Вот так имечко! Хоть в цирке выступай!

И не успела Пэри задать вопрос, как Доктор вынул три шарика для пинг-понга и начал ими жонглировать. Когда была загадка без очевидной угрозы, Доктор атаковал её с детским энтузиазмом.

— Ты уронил один!

— Что ты сказала? А! — он поднял упавший шарик.

Пэри спросила:

— И кто же эти пэдэошники?

— Эти «пэдэошники», — он бросил на неё презрительный взгляд, чтобы выразить своё мнение о её словообразовании, — это, можно сказать, операторы тайм-шера.

— Тайм-шера? — удивилась Пэри. — Так этот дом — тайм-шер?

— Именно. Хотя, поскольку мы в 1929 году, «выходной дом» будет правильнее.

— Но я думала...

Она продолжила думать молча, понимая, что Доктор всё равно её не слушал, предпочитая бормотать себе что-то под нос, заглядывая в почтовый ящик.

— Странно... Я даже и не знал, что один из них всё ещё действует. Мне казалось, что повелители времени их все закрыли.

— Повелители времени? Доктор... Что ты делаешь?
Его рука была глубоко в почтовом ящике.

— Просто проверяю, нет ли там ключа.

Вынутая из ящика рука покраснела.

Пэри осмотрела здание.

— Странно, Доктор, я всегда считала, что тайм-шер — это виллы где-нибудь в Алгарве или на Коста дель Сол, что-нибудь более гlamурное. У моей тёти была квартира на Корфу...

— Да, но это, Пэри, не обычный тайм-шер!

Доктор заявил это так театрально, что она подумала, стоит ли спрашивать дальше, или же оставить всё как есть, пока ничего плохого не случилось. Однако, любопытство и всё такое... Доктор опять водил пальцем по голубой бумажке.

— Следующая проблема, мой дорогой Ватсон, в том, как нам попасть вовнутрь.

— Может быть, постучать? — предложила Пэри, думая, не пропустила ли она что-то. — Тут и дверной звонок есть, смотри! — становилось холодно, и она плотнее замоталась в свой длинный, бутылочно-зелёного цвета плащ. — Мне интересно, зачем мы тут вообще приземлились? Ну кто станет жить в таком доме?

Доктор поднял палец, и посмотрел на неё игриво. Похоже, ему нравилась эта игра.

— Давай рассмотрим улики. Координаты. Слова «Первая неделя ноября». И знакомые инициалы «ПДО». О чём это тебе говорит?

— Ни о чём, — пробормотала она.

— Задействуй свой мозг! Быть может, кто-то пытается что-то мне сказать!

— Доктор, ты когда-нибудь покупал тайм-шер?

— Я? Покупал тайм-шер? — он возмущался всё сильнее, пока она не взяла свои слова обратно. — Да что бы я был таким наивным, таким неосмотрительным, таким... ослом! Покупал тайм-шер! Я?! — он наклонился к своей дрожащей спутнице и улыбка на его лице пошла бы незамужней тёте. — И, тем не менее, ты не думаешь, учитывая все улики, что есть возможность того, что у меня может быть ключ от этого дома?

Пэри пожала плечами:

— Может быть.

— В таком случае, какой смысл стучать в дверь, если меня нет дома?!

Пэри пошарила руками в карманах своего плаща и вынула шерстяные варежки. Доктор похлопал её по плечу:

— Пэри? У кого двенадцать ног и восемьсот пар обуви?

Её лицо было холодное и безучастное.

— У меня!

— Что?

— Правда! — он шутливо ударил её. — Ключ должен быть там, где я храню все мои ключи — в обуви... наверное.

Ему опять это удалось — разозлить её так, что ей хотелось кричать, но сил уже на это не было.

— Но у тебя же несколько сот пар туфель, Доктор! Ты же сам только что так сказал.

— Значит, чем раньше ты начнёшь искать, тем быстрее мы зайдём вовнутрь, и ты сможешь прекратить раздражать меня цоканьем своих зубов!

Дверь ТАРДИС захлопнулась, и несколько птиц испуганно сорвались с соседних деревьев. По мокрой траве, во всё сильнее промокающих ботинках, всё более тяжёлым шагом шла Пэри, крепко сжимая ручки двух пухлых сумок, и мрачно бормоча что-то себе под нос. Она высыпала в сумки всё содержимое туфлей после того, как поняла, что изучать каждый предмет по отдельности будет слишком долго. Впереди неё, весело насвистывая, шагала упитанная фигура, которой, собственно, и было адресовано её бормотание.

— У тебя всё хорошо, Пэри? — приветливо спросил Доктор.

— Чудесно... Просто чудесно! — крикнула она в ответ, готовая метать молнии. — Иди себе дальше.

— Хорошо!

Несколько секунд спустя громкое ругательство заставило его небрежно оглянуться.

— Что-то не так?

— Чёртова ручка порвалась! — рявкнула Пэри, собирая обратно в пластиковый пакет то, что рассыпалось. — Достали меня уже твои ключи! А в твоём шкафу для обуви воняет! Ты что, о дезодорантах никогда не слышал?

— Ха! — хохотнул Доктор. — Мои ноги не воняют! Наверное, просто шкаф отсырел немного.

— Так вот высуши его, потому что я как будто два часа в плесени просидела. Держи.

Они снова были у двери, и она вручила ему рваный пакет с ключами.

— Хотя и не знаю, какую дверь можно открыть вот этим, — продолжала она, вынув из другого пакета блестящий кристалл размером с мяч для гольфа.

Взяв его, Доктор повертел его у себя перед носом.

— Это самый важный ключ на планете Циркона, — размышлял он, стараясь звучать важно. — Но здесь он бесполезный. Следующий.

Она дала ему огромный «ключ тюремщика», который он тоже забраковал.

— Следующий.

Большие ключи, маленькие ключи, некоторые размером с голову — все были испробованы, но

безуспешно. Она предложила ему ключ в форме резиновой уточки, который ничем не отличался от обычной резиновой уточки.

— Это не то, что ты подумала, Пэри, — сказал он и быстро спрятал утку.

В голове Пэри постоянно вертелись слова «всю ночь тут проторчим», но вот, наконец, перед ними предстало восхитительное зрелище — ключи, на которых были буквы «ПДО».

— Ага! Наконец-то! — усмехнулся Доктор, и с триумфальным видом вставил ключ в замок.

Дверь открылась. Они оказались в небольшой прихожей.

— Тут хотя бы тепло, — сказала Пэри, вытирая ноги об коврик. — Ух ты! — она осмотрела позолоченные обои и панели из красного дерева. — Неплохой у тебя домишко, Доктор.

Доктор скривился и наклонил голову.

— Хм. Не совсем в моём вкусе.

— Да... Для тебя тут слишком элегантно.

— Превосходно! Я пригласил тебя в свой дом, а от тебя одни оскорблений!

— Милые обои, милый ковёр, милый абажур... — продолжила Пэри.

— Вот никогда не любил слово «милые». Слишком вежливое, слишком бессмысленное.

— Милое зеркало. Слушай, у тебя тут газовый счётчик есть. Я когда-то испортила счётчик у моей бабушки, когда нажала на нём кнопку...

— Чего ещё можно было от тебя ожидать? — улыбнулся Доктор.

Когда Пэри перенесла часть своего веса на пальцы его ноги, его улыбка пропала. Он немного скривился и повернул руками её голову в направлении счётчика.

— В любом случае, это не газовый счётчик. Это что-то другое... Замаскированное!

Сложив руки, Пэри заговорщицким голосом сказала:

— А, понятно. На самом деле это картина Рембрандта.

— Нет...

— Или часы с кукушкой...

— Нет, не совсем.

— Но чем бы оно ни было, оно притворяется, что оно — что-то другое.

— Хм...

— Ну, ладно... Так что это такое?

Доктор и сам немного растерялся. Почёсывая свою светлую шевелюру, он искал какое-нибудь объяснение. Он негромко ахнул, потом издал задумчивое «Хм», и наконец, кашлянул. А затем...

— Тик-так, бамм! — он указал на счётчик. — Классный звук издаёт, если ручку повернуть.

Пэри всё ещё ждала ответа.

— Это счётчик времени. Счётчик. Времени. Понимаешь, Пэри, у «ПДО» тайм-шерная собственность существует во многих временных периодах, во всех одновременно.

— Значит, это не обычный тайм-шер? — она медленно кивнула. Пока что было понятно.

— Итак. Возьмём, к примеру, эту прихожую. Сколько людей ты здесь видишь?

— Это вопрос с подколкой? — спросила Пэри.

— Просто ответь!

— Ладно... Только ты и я, наверное.

— Правильно. Но в этой прихожей полно людей, все они находятся в одном месте, но в разные периоды времени. Мы находимся в 1929 году, и нам кажется, что больше тут никого нет.

— Поняла. Кажется. Довольно неплохая идея, только немного жутковатая!

— Неплохая? Неплохая? Хм. Повелителям времени она такой не показалась, — он оторвал взгляд от бумажки, которую теребил в руках. — Нет, им она совсем не понравилась.

— Кажется, ты говорил, что они всё закрыли?

— Говорил? Да, закрыли. Мне так казалось. Нельзя, чтобы люди во время вмешивались.

— Но ты же вмешиваешься.

— Это другое дело. Я — профессионал. Нет, эти люди...

— Эти пэдэошники...

— Да, эти «пэдэошники», — продолжил он, — как ты их назвала. У них были агенты, продающие тайм-шер во всех эпохах. Но вместо того, чтобы продавать недели, и резервировать их на каждый следующий год, как это, я полагаю, принято делать на этой планете, она продавали все недели, резервировали их во всех годах, но все одновременно. У них была репутация мошенников во времени.

— А откуда они брали эти дома? — спросила Пэри.

— Отовсюду. Эта компания просто покупала подходящие дома и преобразовывала их в тайм-шеры, используя свои технологии и ноу-хау путешествий во времени. Затем на сцене появлялся агент, который находил заинтересованных лиц, продавал им тайм-шер, и исчезал с деньгами. Кстати, жаль, что я сам до этого не додумался.

— Такое впечатление, что повелители времени завидовали! Эта компания много денег зарабатывала?

— Много денег зарабатывала? Да они, можно сказать, сидели на золотом руднике. Они могли положить деньги, полученные в качестве оплаты за какой-то период, в банк, а через неделю забрать с процентами, которые накопились за триста лет!

Пэри присвистнула:

— Вот это проценты! Но если повелители времени были настолько против этой идеи, откуда у тебя взялся тайм-шер?

— Это хорошая загадка для Сфинкса, Пэри. Я не знаю, — он снова потрогал обои. — Бедненько. Очень бедненько. Я тебе всё понятно объяснил?

— По твоим меркам, Доктор, это было просто кристально ясно.

— Да, мне тоже так кажется.

— А что будет, когда ты умрёшь?

— Это теологический вопрос или ты имеешь в виду, что будет с тайм-шером?

— Да... В смысле, второе.

Доктор навис над пятившшейся от него спутницей, словно директор школы над учеником.

— Тогда говори как следует, правильными предложениями! Изъясняйся ясно! Наследование, моя дорогая, наследование. Можно оставлять свою собственность семье, друзьям, собачьи дома, кошачьи дома, как угодно. И затем наследники должны продолжить вносить платёж за содержание.

Она опять ничего не поняла.

— Содержание, — устало повторил он. — Вот этого всего, — добавил он, указывая на обои.

— Слушай, прихожая тут, конечно, замечательная, но я бы хотела взглянуть и на остальную часть дома,

если ты не возражаешь. Она шагнула вперёд и взялась за круглую дверную ручку из латуни.

— Стоп! — Доктор замер, указывая рукой на дверную ручку. — Она не откроется.

— Да я ещё даже не попробовала! — возразила Пэри.

— Не откроется! Невозможно! Мы не опусти-или день-ги в счё-отчи-ик! — громогласно пропел он на мотив какого-то мюзикла.

Пэри подумала, что уж очень ему нравится выдавать информацию по капле.

— Ну да, я забыла. Мы должны заплатить за электричество и всё остальное, да? — спросила она.

— Ага! Именно так они и хотят, чтобы это выглядело. Но...

— Давай угадаю. Это что-то другое... замаскированное!

— Да! — Доктор с детской радостью хлопнул в ладоши. — Именно так! Ты думаешь, что платишь за удобства, а на самом деле платишь за использование своего семидневного срока в доме... Если ты зарегистрирован. За регистрацией, Пэри, всегда строго следили. Эта компания была хоть и уголовная, но безответственной её не назовёшь. Представь себе, сколько можно совершить ошибок, если линии времени почти все заняты. Когда на кону стояли такие

деньги, они не были заинтересованы в том, чтобы допускать какие-то оплошности.

— А ты, Доктор, зарегистрирован?

Пэри думала, что сейчас до него дойдёт, и раздастся длинное «А-а...» но, на удивление, этого не произошло. Вместо этого он принял бодро рыться в кармане.

— Разумеется, я зарегистрирован! А как иначе? Вспомни улики. Бумажку, из-за которой мы тут оказались. И я узнал инициалы «ПДО». Да и откуда бы у меня был ключ, если бы я не должен был быть тут?

— Одному богу известно.

— Ну, вот! — он помахал перед ней бронзовыми монетами, словно собираясь показать фокус. Сверившись с небольшой инструкцией, в которой была указана необходимая сумма, он опустил их в щель счётчика: — Опускаем. Это лучше сделаю я, Пэри. Учитывая твоё прошлое, ты можешь его сломать. А вот это я проигнорирую, — добавил он, увидев в стеклянной двери прихожей отражение её высунутого языка. — Ну вот, готово, — он повернул ручку и она открылась. — Ну что же, пойдём. И сумки свои не забудь.

Какой приятный сюрприз. В доме было тепло, комфортно и так же, как и прихожая, он был обставлен со вкусом. В нём, к счастью, не было ни безвкусного

оранжевого дивана, ни ядовито-зелёных штор, которые, в представлении Пэри, должны были бы доминировать в обстановке дома, полностью принадлежащего Доктору. На самом же деле большой открытый зал был обставлен мебелью коричневых оттенков. В центре была лестница из полированного дерева; проследив взглядом вверх до лестничной площадки, Пэри смогла увидеть только дверь и несколько картин. Она улыбнулась, расстегнула плащ, и мысленно пометила одно из кресел как своё.

— Так, а это что такое? — размышлял Доктор. Двумя большими шагами он подошёл к столику, на котором лежала раскрытая книга. — А... регистрационная книга. Интересно.

Пэри подошла, чтобы посмотреть. Его ладонь метнулась к её лицу, чуть не ударив.

— Ручку! — потребовал он. — Быстро! Ручку! Ручку!

— Я тебе уже говорила, у меня нет ручки! — она посмотрела на стол. — Возьми в подставке для ручек!

— Что? А... — схватив ручку, Доктор продолжил сосредоточенно изучать книгу. — Посмотри, Пэри... Дата.

Она нагнулась, чтобы лучше было видно, и увидела, что книгу оставили открытой на последней неделе октября и первой неделе ноября.

— Первая неделя ноября, — сказала она. — По крайней мере, это совпало.

Вдвоём они продолжили изучать страницу. Как оказалось, с 1900 года первая неделя ноября регулярно резервировалась за мистером Вудрафом. Отслеживая его корявые росписи вниз, год за годом, они обнаружили нечто гораздо более интересное. Последний раз мистер Вудраф провёл здесь неделю в 1920 году. Под его последней подписью Пэри медленно прочла:

— Передано Доктору. 1920 г.

Доктор встряхнул головой, словно пытаясь вытряхнуть воду из ушей.

— Вот тебе и раз! — воскликнул он. — «Передано Доктору», — повторил он, пытаясь понять смысл этих слов. — Кем, интересно, передано?

— Ты знал этого мистера Вудрафа? — спросила Пэри.

— Первый раз о нём слышу. Как это странно.

Пэри продолжила читать.

— Похоже, что ты раньше тут не был, — она провела пальцем по восьми пустым ячейкам напротив дат, следовавших за загадочной передачей. — Постойка, — едва заметно, внизу страницы была втиснута последняя строчка на странице... 1929 год. — А я думала, что мы сейчас в 1929-ом.

Доктор сверкнул взглядом:

— Мы и есть в 1929-ом. — он посмотрел туда, куда указывал палец Пэри. Рядом с датой «1929 год» было написано «Доктор».

— Ну? — спросила Пэри. — Мы что, уже тут? Ты уже тут? Или мы совсем не в том времени, которое ты назвал?

— Погоди минутку! Это же не мой почерк! — с видом победителя Доктор тыкал пальцем в страницу в такт каждому слогу: — Э-то не мой по-черк!

— Как же я сразу об этом не догадалась, — Пэри посмотрела ещё раз. — Твой бы я не смогла прочесть.

— Ещё одна тайна! — Доктор выпрямился. — Мошенник, Пэри!

— А?

Доктор ходил вокруг неё, вскидывая руки при каждом новом слове:

— Очкивтиратель! Прохиндей! Жулик!
Самозванец! — он запнулся и перешёл на шёпот: — Пэри! Наверху лестницы стоит мужчина!

Быстро взяв себя в руки, Пэри обернулась и неуверенно подняла руку, пытаясь приветливо помахать:

— Здрасьте...

— Позвольте узнать, что вы тут делаете?

Мужчина, похоже, был так же насторожён, как и Пэри. Впрочем, так могло показаться из-за его измождённого серого лица. Доктор подумал, что с

мужчиной, которому было за сорок, и который был одет в синюю пижаму, поверх которой был наброшен бордовый халат, можно поспорить. В конце концов, мужчина в тапочках не может не прислушаться к здравому смыслу.

— С кем, позвольте узнать, я имею честь говорить? — спросил Доктор.

— А вам не кажется, сэр, что это я должен спросить?

— Я... — начал Доктор.

Пэри вздохнула. Он всегда так наслаждался этим моментом.

— Я известен как Доктор. Да, а вот это Пэри, — добавил он. — И, если я не ошибаюсь, это моя неделя.

— А, — лицо джентльмена, казалось, стало ещё более серым, и Пэри испугалась, что он сейчас упадёт в обморок. — О боже. Я очень сожалею. Думаю, мне будет лучше спуститься.

Поправив на лбу свои редеющие золотисто-коричневые волосы, он ухватился за перила и начал медленно спускаться.

— Вы сами справитесь? — спросила Пэри, озабоченная его измученным видом.

Мужчина махнул рукой:

— Да... спасибо. Всё нормально... Просто немного залежался в постели.

— Ну, хорошо... Если вы уверены.

— Ваш акцент... Вы не...

— Американка, — подтвердила Пэри.

— У меня есть кузин-американец.

— Мои соболезнования! — посочувствовал

Доктор.

Добравшись до самой нижней ступеньки, мужчина облегчённо вздохнул:

— Спасибо за ваше терпение. А сейчас, боюсь, я должен объясниться и ещё раз попросить прощения.

Он провёл их сквозь арочный вход в большую гостиную и сел в одно из кресел. Доктор уселся в кресло, которое выбрала себе Пэри, и ей пришлось скромно устроиться на краю дивана.

— Мы жильцы с последней недели октября.

— Мы? — спросил Доктор.

— Моя сестра Милли, то есть, Камилла, и я.

— А вы кто? — настаивал Доктор.

— Простите, пожалуйста, я совсем растерялся. Меня зовут Годфри Ричардсон. Мы с Милли приезжаем сюда уже много лет, но в этом году меня сразил чёртов бронхит. Даже странно: она с детства болела чаще меня. Я говорил, что нам не стоит ехать, но Милли настояла: сказала, что тут я быстрее выздоровею. И в конце концов я решил — чем чёрт не шутит — и согласился.

— Но вы и до сих пор тут, — заметил Доктор.

Потирая лоб и краснея от стыда Годфри продолжил:

— Ну, когда наша неделя подошла к концу, Милли сказала, что я до сих пор выгляжу неважно. И, знаете, она была права.

— И вы решили остаться ещё на неделю? — предположил Доктор.

— Милли заглянула в регистрационную книгу, а там всё выглядит так, словно вы никогда не появлялись во время своей недели. И она предложила остаться.

— Молодчина Милли! — весело улыбнулся Доктор, с лёгким сарказмом.

Пэри шикнула, чтобы он молчал. Неужели нельзя их понять?

— Что же, я действительно раньше не пользовался своей неделей.

— Мы пришли сюда просто из любопытства, — уверенно сказала Пэри.

Не обращая на неё внимания, Доктор непреклонным взором оглядел комнату.

— Хм, Что же, разумеется, вы можете остаться, дружище. Мы не собираемся просить вас уйти в таком состоянии. Правда, Пэри?

— Конечно.

У Годфри словно гора с плеч спала:

— Вы оба так добры. Милли тоже захочет поговорить с вами. Сейчас её тут нет, она пошла в гости к друзьям, которые живут неподалёку.

— Да, я жду не дождусь знакомства с предприимчивой мисс Милли.

Устроившись удобнее в кресле, Доктор довольно улыбался. Сейчас бы ему ещё чашку какао и немного бренди или шнапса, и он бы себя чувствовал почти как дома. Что бы это ни значило.

— Я полагаю, это она подделала мою подпись в регистрационной книге?

Годфри кивнул, но неожиданно подался вперёд, словно вспомнил что-то очень важное.

— Но деньги в счётчик мы опустили. Ещё за одну неделю. А как же иначе? Надеюсь, вы не считаете нас какими-то наглецами...

— Что вы, что вы, — Доктор поспешил отмахнуться от вопроса, хотя явно заволновался.

Он встал с кресла и начал ходить по комнате, проявляя особенный интерес ко всяkim щелям и укромным уголкам. Пэри от его поведения стало не по себе.

— Доктор?

Он стоял слева от центральной шторы и осторожно заглядывал за неё.

— В чём проблема? — Пэри заглянула за штору справа.

— Они опустили в счётчик деньги за неделю! — прошептал он.

— И что?

— Мы тоже опустили в счётчик деньги за неделю! — его голова почти полностью исчезла за шторой.

— И что?

— Значит, мы переложили денег, всунули две недели в одну!

— У вас всё в порядке? — Годфри из-за их шушуканья начал нервничать.

Головы Доктора и Пэри одновременно выгляднули из-за шторы с неправдоподобными улыбками.

— Конечно! Просто осматриваем дом. Да, Доктор?

— Хм? А... Да! И бахрома на шторе... очень... хм... милая.

Их головы одновременно снова спрятались за шторой.

— Тебе же вроде бы не нравится слово «милые»?

— Пэри!

— Прости. Так это значит, что мы, типа, повредили время или ещё что-то серьёзное?

— Да нет, не обязательно. Пока что вроде бы всё в порядке. Но на всякий случай было бы неплохо остаться на какое-то время, чтобы убедиться наверняка.

— Отлично! — радостный возглас Пэри был первым, что удалось расслышать недоумевающему Годфри.

— Мистер Ричардсон? — Доктор снова плюхнулся в кресло. — Мы решили пожить тут несколько дней.

Лишь когда большие часы с маятником пробили семь раз, они поняли, как долго разговаривали. Оказалось, что Годфри, почти как и Доктор, мог заговорить кого угодно до смерти. Для этого Доктора культура была как алкоголь — дайте ему хороший разговор, и он им упьётся. Пэри удалось несколько раз вставить «Здорово!» или «Как мило!» но не более того. Мужчины говорили обо всём, начиная с еды и литературы и заканчивая музыкой и театром. В четверть седьмого Доктор раскрыл сверхсекретный рецепт макарон, в котором важнейшую роль играли соус табаско, солёный арахис, и мясо из сосисок. В половину седьмого речь зашла о сёстрах Бронте, в частности, о Шарлотте, которая написала эту великую классику...

— «Грозовой перевал»! — провозгласил Доктор так громко, что мебель затряслась. — Одна из её лучших книг. Трагическая! Иногда я вижу в себе что-то от Хитклиффа... Это ведь Шарлотта умерла первой?

— Да, кажется она, — Годфри был очень взволнован, — но это не она написала «Грозовой Перевал»!

Доктор покраснел и был, казалось, на грани того, чтобы яростно выпалить «Чушь!».

— Вообще-то, это правда, Доктор, — осторожно заметила Пэри. — «Грозовой Перевал» написала Эмили.

И хотя по выражению его лица казалось, что он весь оставшийся вечер будет твердить «Чушь!», Доктор ограничился лишь недоверчивым «Хм...» и сменил тему.

Без четверти семь он снова был в своей стихии, превознося достоинства телепередачи «Флэндерс и Свон», представляя собственное исполнение одного из их лучшего, по его мнению, номера. Стоя одной ногой на ковре, а другую взгромоздив на кофейный столик, он раскинул руки и начал петь:

— Грязь! Грязь! Превосходная грязь! Ничто лучше не охлаждает пыл!

Годфри, разумеется, понятия не имел о том, кто такие Флэндерс и Свон, но тем не менее вежливо улыбался, в то время как Пэри спряталась за штору и закрыла уши.

А когда пробило семь часов, Годфри рассказывал Доктору о репертуаре местного театра. Судя по тому, что Доктор замолчал больше, чем на пять секунд, его

очень заинтересовала постановка одной из пьес Бернарда Шоу. Как только Годфри завершил свой рассказ, Доктор схватил Пэри под локоть:

— Пойдём, Пэри! Культура зовёт! У тебя чудесная возможность увидеть настоящих живых актёров!

— Замечательно! — ответила Пэри, натягивая плащ. — Но, знаешь, я уже бывала в театре.

Годфри, похоже, удивляло отсутствие у неё энтузиазма.

— Представление просто превосходное, — уговаривал её он. Мы с Милли уже два раза смотрели.

— Только подумай, Пэри, на трамвае прокатимся! — глаза у Доктора горели, как у ребёнка. — Можем, если хочешь, всю ночь туда-сюда ездить!

Когда он такой, — подумала Пэри, — ничего нельзя поделать, кроме как согласиться.

— Хорошо. Но в театр я с тобой не зайду, если на тебе будет это... этот пиджак!

Доктор обиженno осмотрел себя в большое зеркало в позолоченной раме (вообще-то, он пытался разглядеть своё отражение в нём весь вечер). Доктор возмущался, Пэри не соглашалась; Годфри не сдавался, он сообщил, что если это чем-то поможет, то у него есть красный бархатный смокинг.

— Спасибо сэр, но бархатных пиджаков у меня предостаточно!

— В карманах вашего пиджака есть что-нибудь? — спросила Пэри у Годфри.

— Нет.

— Значит, годится!

— Превосходно! Какой у вас размер, Доктор?

— Слоновий, — сказала Пэри, заработав ещё один недовольный взгляд.

— Можно, конечно, и примерить, — грустно пробормотал Доктор. — Но не думайте, мисс, что всё будет по-вашему, потому что у окна в трамвае буду сидеть я! Даже нет, мы сядем наверху!

— Но дождь же идёт! — крикнула Пэри.

Улыбка Доктора не предвещала ничего хорошего:

— Значит, ты промокнешь!

Годфри подошёл к большим часам с маятником. На него смотрело его сухопарое отражение. Искажённые кривизной стекла стрелки, казалось, стояли на месте. Тем не менее, они поглотили последний час, хотя и очень медленно. Доктор и Пэри скоро вернутся. Он молился о том, чтобы они вернулись.

В десять минут двенадцатого он услышал щелчок замка и голоса в прихожей.

Вначале он услышал Пэри:

— Нечего было руками двигать, если знал, что он тебе мал!

Затем возмущённый голос Доктора:

— Не двигать руками? Да как вообще можно ходить в театр не двигая руками?

— Вот не пошёл бы, и не порвал бы!

— Да не хотел я его рвать... Он слишком маленький! Ты сама виновата, что заставила меня его надеть.

Открыв дверь прихожей, парочка вломилась вовнутрь, но замерла на месте при виде выражения лица Годфри.

— Годфри? — спросил Доктор, шагнув вперёд. — В чём дело, старина?

— Милли, — Годфри хотел вести себя по-британски, но вместо этого начал теребить пояс своего халата, и не выдержал. Слова хлынули почти бесконтрольно: — О, Доктор, ей очень плохо. Она бредит, у неё галлюцинации. Говорит, что видела привидение, здесь, в своей комнате... У неё явно бред, бедняжка. Я не знаю что мне делать, но подумал, что вы, как доктор...

— Правильно сделали, — Доктор снял с себя бархатный пиджак, положил его на диван, и стало видно, что чёрная шёлковая подкладка порвалась. — А, Годфри... я вот нечаянно...

— Не волнуйтесь, это не важно. Вы можете пойти сейчас посмотреть Милли?

— Конечно.

Все вместе они поднялись по лестнице на неосвещённый верхний этаж.

Милли сидела в кровати. В тусклом свете бледность её лица подчёркивалась её чёрными волосами. Она выглядела моложе своего брата, как минимум лет на десять, как показалось Пэри. В пустой комнате раздался её стон. Милли энергично раскачивала головой вправо-влево, пока у неё не кончились силы. На несколько мгновений она замолчала. Годфри прикусил губу, пытаясь справиться с эмоциями.

— Это воспаление мозга, Доктор? Я никогда её такой раньше не видел.

— Похоже, что она испытала сильный шок, — Доктор поднял её голову с подушки и направил её взгляд на себя. — Милли! — он говорил тихо, но внятно. — Я Доктор. Расскажите, что вас расстроило?

— Милли! Это я, Годфри, — её брат подошёл ближе к кровати, но внезапно отпрянул — Милли резко поднялась навстречу.

— Вон там... где вы стоите, — её голос дрожал.

— Что вы видели, Милли? Расскажите мне, — настаивал Доктор, схватив её за плечо. — Что вы видели?

— Дух, — крикнула она, — пришёл забрать меня!

Её глаза закрылись, и она упала спиной на подушку.

Пока Пэри помогала Годфри устроить сестру удобнее и поправить её одеяла, Доктор молча расхаживал по комнате. То, что он услышал, не давало ему покоя, и частично ради очищения совести он вызвался посидеть ночью рядом с Милли.

— А вы оба отдохните, — велел он, хотя Годфри и возражал, что это он должен остаться. — Даю вам слово, что разбужу вас, если что-то изменится.

Стук. Громкий и частый. Он гремел по двери в комнату Пэри с деликатностью бешеного буйвола. Это мог быть только он.

— Пэри? Ты спиши? Пойдём. Милли опять призрака увидела.

Голос Доктора затихал — он уже уходил.

Хорошо хоть сон этот дурацкий прервал, — подумала Пэри. Это был один из тех снов, от которых сам Фрейд запросил бы пощады. В нём фигурировали «Харлей-Дэвидсон» и скачки верхом на льве с гигантской лягушкой.

Отбросив одеяло и поправив на себе пижаму, которую она не поленилась принести из ТАРДИС, Пэри слезла с кровати. Просыпаться ей всегда было тяжело. Посмотрев в высокое, узкое зеркало, она поправила волосы и ещё раз поправила на себе персиковую пижаму. Внезапно она заметила в

отражении какое-то движение. Она всмотрелась в зеркало, а затем обернулась.

Ничего.

Она вернулась к зеркалу.

Ничего.

Она закрыла глаза, затем снова открыла и увидела высокого мужчину со свечой в руке, одетого в ночную рубаху и ночной колпак.

Её крик пронёсся по всему дому, и уже через несколько секунд в её дверях стояли Годфри и Доктор. Мужчина в колпаке к тому времени уже исчез, но круглые глаза Пэри и уверенный рассказ о том, что она увидела, были для Доктора достаточными доказательствами. Отправив Годфри к его сестре, повелитель времени положил руку ей на плечи, успокаивая.

— Выше голову, Пэри! Смотри, — он указал в дальний угол, — вон ещё что-то.

Там, в темноте, сидела старуха; она вязала, улыбаясь беззубым ртом. Она существовала считанные мгновения, а затем комната словно поглотила её вместе с монотонным стуком её деревянных спиц.

— Стежок во времени, Пэри.

Доктор обращался к спутнице, но говорил при этом сам с собой.

— Я видела мужчину! Мужчину в ночном колпаке! И со свечой! Мужчину...

— Вот такого? — закончил вместо неё Доктор.

Пэри кивнула, снова увидев того мужчину. Тот задул свечу и улёгся на кровать, с которой она только что встала. Там он словно растворился.

Лицо у Доктора было необычно хмурым.

— Этого я и боялся, Пэри. Перегрузив счётчик, я нарушил линию времени.

— И из-за этого появляются призраки?

— Они не призраки, Пэри... строго говоря. Все они вполне живые и верят, что находятся в своём настоящем времени. Понимаешь, все они, в какой-то момент истории жили в этом тайм-шере в первой или второй неделе ноября.

— И теперь они попадают не в то время... Так?

— Именно.

— И что же нам делать?

— Сложный вопрос, Пэри, — Доктор покачал головой, а его лицо изобразило несколько гримас, которые навеяли его спутнице мысль о том, что ей нужно плыть вверх по пресловутому потоку... с повелителем времени, который потерял весло.

Бок о бок Доктор и Пэри сидели на предпоследней ступеньке лестницы и смотрели в зал. Пэри сказала, что это было похоже на просмотр какого-то сумасшедшего спектакля, который проходил одновременно по всему дому, а затем ненадолго

отлучилась, чтобы сменить свою персиковую пижаму на обычную одежду. Это было сделано по просьбе Доктора — ему казалось, что одежда не соответствует моменту.

Пэри подвинулась ближе к Доктору, чтобы пропустить ребёнка. Это был мальчик в костюме матроса.

— Элспет! — кричал он, несясь вверх по лестнице, прыгая через ступени. — Твоя очередь! Ты готова?

Светловолосая девочка, вся в локонах и кружевах, сидела на деревянном подносе, готовая скользить вниз по ступеням.

— Да! Начинай считать... Старт!

Громыхая по ступеням, она приехала в самый низ, когда мальчик кричал «Одннадцать!», а Доктор с Пэри поспешили уступали ей дорогу.

Затем оба ребёнка исчезли.

— Они нас видят, Доктор? — спросила Пэри, став туда, где только что стоял мальчик.

Доктор покачал головой:

— Похоже, что нет... а впрочем, может быть, и видят... да откуда мне знать!

— Обидчивый какой!

Пэри предоставила его, медведя с большой головой, самому себе. Её внимание привлекли два хорошо одетых джентльмена, занятых в дальнем углу гостиной игрой в нарды. Она предположила, что они из эпохи

короля Эдуарда (хотя и не была уверена), судя по фасону их воротников. Видимо, они оба начали играть в смокингах, но постепенно раздевались: смокинги были накинуты на спинки стульев, сверху на них висели галстуки-бабочки. Когда Пэри смотрела на них, они расстёгивали жилеты, неодобрительно отзыаясь о жаре в комнате. Мужчины вернулись к своей игре, и когда один из игроков сделал последний ход, другой воскликнул: «Гениально!» После чего они оба исчезли.

Резкий стук захлопнувшейся двери привлёк внимание Пэри к двери в прихожую, возле которой стоял Доктор, отчаянно пытаясь увернуться от мужчины в шинели, который громко топал и тяжело дышал.

Доктор, считая, что мешает пройти, спрятался за высокий книжный шкаф и смотрел, как мужчина прислонил к стене длинное охотничье ружьё, снял перчатки, и начал интенсивно растирать руки.

— Боже милостивый, ну и мороз сегодня! — сказал мужчина, расстёгивая присыпанную снегом войлочную шапку. — Уже пять или шесть лет не было такого холода! С 1896-го, как сказал сегодня один человек, и я не думаю, что он сильно ошибся. Слишком холодно, чтобы стрелять по кроликам! Мне нужны большой бокал портвейна, тёплый камин, и полная...

Что бы он ни сказал, его слова исчезли вместе с ним и его ружьём, но Доктор предположил слово «тарелка», и был уверен в своей правоте.

Доктор вышел из своего укрытия и сразу наткнулся на невысокую, энергичную молодую женщину в длинном чёрном платье, белом переднике с оборками, и в таком же белом чепце. Горничная, — подумала Пэри, уходя от лестницы за секунду до того, как по ней свалилась настойчиво пытающаяся убиться Элспет.

Доктор отошёл в сторону, чтобы горничная могла пройти и продолжить уборку. Вытирая пыль со стола, девушка бормотала себе под нос с сильным акцентом кокни:

— Да, миссис Прендергаст, нет, миссис Пренделгаст, три мешка уже, миссис Прендергаст.

К удивлению Доктора, девушка обратилась к нему:

— У-у! — взвизгнула она. — Привет, любовничек!

Доктор огляделся по сторонам и, к своему ужасу, понял, что она могла говорить это только ему.

— Знаешь, что я бы сказала этой карге, если бы у меня всё ещё была та бутылка?

У него голова всё ещё кружилась от слова «любовничек», и он не смог ничего сказать. Он просто стоял, раскрыв рот.

— Я бы сказала, — девушка захихикала, — «можете засунуть её туда, где солнце не светит, миссис Прендергаст!» Что ты на это скажешь?

У Доктора не было возможности ничего ей сказать — она исчезла, продолжая хихикать.

— Ну, она-то тебя точно видела!

— Да, Пэри, думаю, мы можем прийти к такому выводу.

Услышав, что по лестнице снова загремел поднос, Пэри решила вообще отойти от ступеней. Когда часы били три раза, Элспет свалилась на пол, игра в нарды вернулась к победному ходу, а охотник, как его назвала для себя Пэри, в очередной раз заявил, что «слишком холодно, чтобы стрелять по кроликам».

Из одной из дверей шумно вывалилось толстое видение с бакенбардами. Оно направилось прямо на Доктора, который еле успел шагнуть в сторону. Этот мужчина производил впечатление военного генерала в отставке, который последние несколько лет ел, потом пил, а затем начинал всё сначала. Пуговицы его жилета с трудом удерживали его живот, а на плохо сидевшем на нём смокинге висел ряд раскачивающихся медалей. Он прошёл по коридору, остановился у лестницы, прямо возле Доктора, который в этот раз не смог от него улизнуть. Вынув большой белый носовой платок, генерал громогласно прочистил нос, а затем начал орать во весь голос различные требования, после чего тоже исчез.

— Дыню? — спросил Доктор. — Зачем ему понадобилась дыня?

Пэри почувствовала, что её кто-то похлопал по плечу. Обернувшись, она увидела горничную, временно прекратившую протирать пыль.

— А что с любовничком-то? — прошептала она, указывая на Доктора. — Его как в воду опустили!

— Он сбит с толку.

Горничная вернулась к уборке.

— Да уж. Наверное, поспорил о чём-то с миссис Прендергаст. Можно только посочувствовать. Да, миссис Прендергаст, нет, миссис Прендергаст, три мешка, миссис Прендергаст...

И так продолжалось дальше. Когда крупный мужчина с острой дынной недостаточностью во второй раз вышел из незнакомой двери, Пэри стало настолько любопытно, что она решила заглянуть в эту комнату.

Судя по длинному столу, окружённому стульями с высокими спинками, это была столовая. Когда Пэри зашла в неё, там никого не было, но почти мгновенно там возник оживлённый торжественный ужин, и во главе стола сидел этот крупный мужчина с бакенбардами. Вокруг стола сидели джентльмены в парадных костюмах и дамы в изысканных нарядах. Шёлковые платья были дополнены перчатками и сверкающими ювелирными украшениями. Разговор, похоже, в основном был посвящён «Глэдстоуну и остальным чёртовым вигам!» Временами он дополнялся фразами человека-дыни (как его прозвала

Пэри) о том, что британцам следовало «задать чёртовым бурам хорошую трёпку у горы Маюба». Различные темы разговора сопровождались выкриками «вот именно!» от мужчин и вежливыми выражениями согласия от женщин, и так было до тех пор, пока человек-дыня не начал протестовать по поводу того, что его гостям до сих пор не принесли дыню. В конце концов он встал и пошёл к двери, проходя на своём пути мимо Пэри.

— Вы новая горничная? — властно спросил он. — Почему не подали дыню?

Пока Пэри думала, что ему ответить, он махнул рукой и взялся за дверную ручку:

— Слишком медленно! Я сам схожу. Считайте себя уволенной!

Какой обходительный, — подумала Пэри, наблюдая, как он прошёл по коридору к лестнице, от которой предусмотрительно отошёл Доктор, и рявкнул своё распоряжение.

И снова и снова, опять и опять, этот сюжет повторялся перед Пэри. В дверях гостиной появился Доктор и нетерпеливо позвал её идти за ним. И она отправилась в путь. Избегая горничной, обходя человека-дыню, уступая дорогу подносу, уклоняясь от ружья в руках охотника. Сквозь ругательства про «Прендергаст» и крики о морозе, о прошлых годах, об

играх и заказы дыни. Она пересекала головокружительный калейдоскоп слов и видений.

— Посмотри на них, Пэри, посмотри! Постоянно повторяют одно и то же. Иногда отрывки короче, иногда длиннее.

Они свернули в гостиную, к игрокам в нарды.

— Простите, — сказал один. — А вы, случайно, не Матильда — кузина Луизы?

— Нет, я... Я Пэри.

— Нет, не вы! Ваша подруга.

— А я уж тем более не она! — возмутился Доктор.

Но двое мужчин уже исчезли.

На короткое время Доктор и Пэри остались в комнате одни. Затем появились две женщины: одна пела, а другая играла на фортепьяно. Несколько секунд спустя, огибая предметы мебели, пробежал мальчик, пытающийся догнать щенка.

— Мне кажется, — предположил Доктор, — что мы в их временных линиях такие же гости, как и они в 1929-ом году, — он начал расхаживать туда-сюда вдоль дивана, регулярно уступая дорогу мальчику и собаке. — Не знаю, что и делать, Пэри. Была допущена ошибка...

— Тобой.

— Да, хорошо, мной! Незачем напоминать! *Мной* была допущена ошибка, — повторил он, с сарказмом

подчеркнув «мной», — и теперь время пытается исправить себя.

— Что это было?

— Ты о чём? — Доктор обернулся, но ничего не увидел. Эти постоянные отвлекающие события начали ему уже надоедать.

— Ну, уже пропало, но оно было типа странное... не такое, как остальное.

— «Типа странное»? «Типа странное?» Что ты этим хочешь сказать?

Его тон не вызывал у Пэри желания продолжать, но она подумала, что если ничего не расскажет, то будет ещё хуже.

— Странное. Похоже на человеческое лицо, но с... бородавками какими-то. Смотри, вот опять оно! Ты видел?

Но Доктор в этот момент опять смотрел куда-то в другую сторону.

— Оно было похоже на первое, но немного другое.

Доктор закатил глаза и схватился за голову:

— Ну зачем ты сбиваешь меня с толку? Что ты имела в виду?

Он говорил так резко и отрывисто, что Пэри решила исправиться:

— Значит, так. Они оба выглядели как один и тот же человек, но в разной одежде и... у них обоих были бородавки или язвы, что-то такое. А вот снова. У окна.

Это видение было не такое чёткое, как остальные призраки, и оно действительно было необычным, — подумал Доктор, ожидая повторного появления этой фигуры в костюме.

Его ожидание прервал голос Годфри.

Пэри почувствовала приступ вины:

— Я совсем забыла о Годфри!

— Не вини себя, Пэри, — Доктор пошёл к лестнице. — Я тоже о нём забыл.

— Сколько ударов? — спросил Доктор.

Пэри начала считать.

— Восемь, — сказала она, когда затих последний.

— Уже утро.

Скорая уехала несколько минут назад. Юная Элспет временно затихла, и охотник, похоже, пропустил свой выход, когда Доктор вместе с измученным Годфри помогали Милли спуститься в зал. Её, закутанную в несколько шалей и пальто, которые Годфри не успел упаковать, усадили в ожидающий экипаж.

— Она совсем расхворалась, Доктор, — сказал Годфри.

— Вы тоже, Годфри. Так будет лучше. Я уверен, что вы оба быстро поправитесь.

Доктор ободрял его, как мог, даже похлопал несколько раз по плечу. Он прекратил это делать,

когда понял, что от этого мужчина кашляет ещё сильнее, и тогда предложил ему мятную конфету (не нарочно вывалинную в ворсе), и помог залезть к сестре в скорую.

События в доме не сильно взволновали Годфри. В детстве ему довелось увидеть нечто, что он называл призраком, и это, по мнению Доктора, сделало его более открытым к такого рода явлениям.

— Ты знаешь, Пэри, — Доктор потянулся рукой к ручке двери в зал, — мне кажется, что стало немножко тише. Он открыл дверь, а за ней бурлила какофония, нарастающий штурм из звуков и образов.

— Хотя, с другой стороны... — добавила она.

— О нет!

— Что?

С другой стороны прихожей с большой скоростью подошло ужасное видение. Оно остановилось перед самой своей жертвой.

— Ты где пропадал, любовничек, а?

Доктор быстро снова закрыл дверь, разгневанно посмотрев на Пэри.

— Ну не можем же мы тут весь день сидеть! — сказала она.

— Нет! — раздался из-за двери визгливый голос.

— Мне некогда играться, любовничек! Мне нужно пыль вытираять!

— Между молотом и наковальней! — проворчал Доктор. Он открыл дверь и широко улыбнулся пылкой горничной: — Здравствуйте!

— И тебе здрасьте, любовничек! — подмигнула ему она.

Он в ответ закашлялся, потому что у горничной был уникальный дар лишать его дара речи.

— А что это ты так кашляешь, любовничек? Хочешь, я проведу медосмотр?

К огромному облегчению Доктора, она внезапно заметила неподалёку пропущенную паутину и бросилась её убирать, бормоча что-то о «сколько пыли в этом доме».

Пэри потянула Доктора за руку:

— Смотри, этого раньше не было, — она указала на мужчину наверху лестницы, которому, несмотря на скорость, с которой он бежал, было, наверное, как минимум шестьдесят лет.

Он был хорошо одет, а в руках держал дробовик. Не добежав до середины лестницы, он исчез.

Почти сразу он возник уже на лестничной площадке, и вошёл в комнату, в которой раньше жил Годфри. Услышав выстрел, Доктор и Пэри испуганно переглянулись. Мужчина вышел из комнаты и в панике бросился бежать вниз по лестнице, а затем опять исчез.

— Что это было? — спросила Пэри.

— Думаю, нам нужно взглянуть.

Они медленно поднялись по лестнице, держась левой стороны, чтобы не помешать мужчине снова пробежать вниз по правой... а также, чтобы уклониться от постоянных спусков Элспет.

Они снова услышали выстрел.

Когда они подошли к спальне, выстрел прогремел в третий раз. Они быстро отошли в сторону, чтобы не столкнуться с выбегающим мужчиной, а затем открыли дверь и вошли.

Пэри прошла в другой конец гостиной, туда, где в выбранном ею для себя кресле сидел, задумавшись, Доктор. Она сдалась и села в другое кресло.

— Он пропал, — начала она.

— Кто пропал?

— Мужчина с ружьём. Его больше нет на лестнице.

— О, он вернётся, Пэри, вот увидишь.

Доктор был просто зачарован тем, что они увидели, а вот Пэри от этого зрелища стало дурно.

— Неожиданно такое в загородном доме увидеть, да?

— Да, это было ужасно, — она говорила с отвращением, что показалось Доктору немножко смешным.

Вскочив с кресла, он шутливо ударил её по плечу:

— Где твоя смелость, Пэри? — спросил он и подошёл к окну.

— Это был пришелец, да?

— Да! — сказал он. — Но как он туда попал? Что с ним дальше было? В том смысле, что его же труп убрать должны были. Нельзя же просто провезти по селу пришельца в тачке, так, чтобы никто не заметил... Даже здесь, в Северном Девоне!

Пэри встала с кресла и подошла к нему.

— Ну, кто-то должен был его убрать, потому что сейчас его там нет. В сейчасном сейчас.

— Я так понял, что под этой грамматической чушью ты имела в виду 1929 год?

Пэри вспомнила о том, как оно лежало в постели, жалкое и искалеченное. Она даже не сразу смогла понять где там что. Тело было неестественно перекручено внутри складок одежды из тёмно-зелёного твида в ёлочку. Доктор ехидно назвал его «пришелец-модник», а она выругала его за это. Запах был сладковатый, ей он напомнил дельфиниумы. Кожа была грубая, покрытая бородавками, с маслянистым блеском, но не смотря на это, было в его теле что-то гуманоидное, помимо двуногости.

Доктор прервал её мысли:

— Судя по одежде этого приятеля, это не могло быть очень давно.

— Какого приятеля?

— Того, который с ружьём! Ты что, не слушаешь? Это не могло быть очень давно, потому что его одежда была довольно современная.

Пэри обернулась на стук двери, но это оказалось всего лишь очередное появление охотника.

— Доктор! — сказала она, когда повелитель времени уселся в кресло, которое она только что оставила без присмотра. — Это моё кресло!

Её протест заглушило знакомое требование принести дыню, эхом зазвеневшее на лестнице. За ним сразу же последовало нечто новое.

— Годфри! — раздался женский голос. — Я несу тебе горячий лимонад!

Это была Милли. Она спешила вверх по лестнице, с подносом в руках, весело насвистывая.

Пэри с Доктором подошли к лестнице и увидели, что она стучит в дверь спальни Годфри. Затем она резко исчезла.

— Доктор, это полное сумасшествие!

— Спасибо тебе, что рассказала об очевидном! — ответил он громко.

— ...задать чёртовым бурам хорошую трёпку... — прервал его голос.

— Это значит, что она...

— Нет... Не обязательно, Пэри. Просто возмущение линии времени усиливается.

— С 1896-го, как сказал сегодня один человек, — раздался голос из прихожей, — и я не думаю, что он сильно ошибся.

— Мы тоже появимся?

— Надеюсь, что нет... Это может вызвать столько проблем...

— Элспет! Твоя очередь! Ты готова?

— Ты слушаешь, Пэри?

— Тсс... Что это было?

— Что было?

Дзыинниь!

— Вот это! — сказала она. Затем, недоверчиво: — Это в дверь позвонили!

Снова зазвенел звонок.

— Ну кто ходит в гости в такое время?! — воскликнул Доктор, уперев руки в боки, как домохозяйка, которую отвлекли от большой выпечки.

— Кто это?

— А мне откуда знать? — вздохнул Доктор. — Я тебе что, гадалка?

Снова раздался звонок.

— Сделай что-нибудь, Доктор! — простонала Пэри.

— Ну, не могу же я пригласить их на чай с печеньками?

— Может быть, они уйдут?

Дзыинниь!

В сотый раз по коридору пронёсся генерал.

— Пэри, открай ты. Что бы они ни предложили, скажи, что нам это не нужно.

— Где моя дыня?

— Ой, да заткнись ты уже! — не выдержал Доктор.

— Всем уже надоел!

Снова звонок.

— Придумал!

— Что?

Открыв дверь в прихожую, Доктор крикнул на входную дверь:

— Уходите! Я голову мою!

Снова звонок, в этот раз дольше. Доктор надул губы. Настойчивый посетитель у него уже в печёнках сидел.

— Не могу больше! — он распахнул почтовый ящик и заревел в него: — Я в душе! Ясно?!

— Впустите меня, пожалуйста, Доктор.

Голос по другую сторону двери был усталый. Настойчивый, но усталый.

— Да ну что же это такое, неужели это так важно?..

— он замолчал, внезапно осознав, что его назвали по имени.

— Я пришёл снять показания счётчика, — продолжил голос.

— О, нет! — Доктор выпрямился; сначала его бросило в жар, потом в холод. Тяжело сглотнув, он открыл дверь.

Лицо и манеры зашедшего в дверь мужчины полностью соответствовали его голосу. Из-за обилия морщин на лбу он казался всё время озабоченным, время от времени он неосознанно проводил правой рукой по щеке, цепляя ею губы. Из-под кепки выглядывали густые седые волосы, одет он был в синий комбинезон (который он считал исторически правильным), а на плече висела коричневая сумка.

Увидев Доктора, он явно расстроился.

Плотно закрыв за собой дверь в зал, чтобы не было слышно царившего за ней хаоса, Пэри постаралась вежливо улыбнуться:

— Счётчик вон там. Уверена, что с ним всё в порядке.

— Не трудись, Пэри. — вздохнул Доктор. — Это один из них.

— Один из кого? — не поняла Пэри.

— Повелитель времени решил сунуть сюда свой длинный нос и, несомненно, прочесть мне длинную лекцию о том, что мне следует делать, а что нет!

— Так и знал, что это вы окажетесь, — повелитель времени, который был уже стар в своём двенадцатом теле и близок к выходу на пенсию, обратился к Пэри:

— Так и знал, что это он окажется. Я это просто

спинным мозгом чувствовал. Я сказал «Это будет он», я им сказал «я это спинным мозгом чувствую». Я сказал им «Если это он, то будут проблемы», так и сказал.

Качая головой, он щокал языком.

— Я сказал: «Я могу иметь дело с джентльменом в бархате. Он мне нравился. Или же тот милый молодой человек с овощем. Но если это он», сказал я...

— Что же, сожалею, что так разочаровал вас! — ответил Доктор.

Пройдя мимо счётчика и Пэри, повелитель времени открыл дверь в зал:

— Боже, ну и беспорядок!

Он снова повернулся к Пэри:

— Я им сказал, что если это он, то будет бардак. Я сказал «бардак будет», а они не слушали. Я не хотел идти сюда. Я сказал им «не хочу идти». Но вот я тут, и понятия не имею, что теперь делать.

Доктор терпеливо сложил руки на груди:

— Вы пришли сюда с какой-то целью, или решили нас усыпить разговорами?

Повелитель времени вздохнул.

— Знаете, мы наблюдали за этим, — осмотрев коридор, он снова провёл рукой по щеке и покачал головой: — Я сказал, что будет бардак. «Будет бардак», говорил я. Я всё это предвидел, что вы

напутаете с линией времени. Я им сразу так сказал. И, разумеется, всё пошло не так, как должно было...

— Должно было? — теперь возмущался Доктор. — Что значит «должно было»?

— Надо было послушаться эту девушку, Доктор, она, по крайней мере, читать умеет.

— Что вы имеете в виду?

Пэри было приятно увидеть растерянность Доктора.

— Записку, Доктор. Записку из кармана. Вы должны были прибыть в 1920 год и раз и навсегда положить конец этой тайм-шерной ерунде. И там бы вы и оказались, — он закатил глаза, — если бы не прочли неправильно координаты. Последняя цифра была пятёркой, а не шестёркой.

— Неправильно прочёл координаты? Неправильно? — Доктор стал в свою самую высокомерную позу. — Да их невозможно было прочесть правильно! С таким ужасным почерком... не удивительно, что я ошибся!

— Ваша спутница не ошиблась.

— Она не считается — она американка. — Доктор отчаянно пытался сместить предмет разговора. — И вообще, что значит «раз и навсегда положить конец этой тайм-шерной ерунде»? Опять пользуетесь мной?

— О, он начинает вредничать! Я им так и говорил. «Он будет вредничать», сказал я, — морщины на лбу

повелителя времени почти слились. — О, я знал, что с вами будет непросто. Вы всегда были трудным ребёнком!

— Я был примерным ребёнком! — возразил Доктор.

— А что именно должно было произойти в 1920 году? — встяла в разговор Пэри.

— В 1920 году первая неделя ноября переходила в его, Доктора, собственность, а передавали её мы, повелители времени, — он хохотнул. — Не я это придумал, но что случилось, то случилось.

— Это объясняет регистрационную книгу! — воскликнула Пэри.

— Правда? Хорошо, — повелитель времени прокашлялся и продолжил: — Это было сделано после смерти предыдущего владельца этой недели, известного на Земле как мистер Вудраф. На самом деле мистер Вудраф (имя выдуманное) был выслан со своей планеты собственным народом.

— Как же мне это знакомо, — ехидно пробормотал Доктор.

Повелитель времени считал эту иронию забавной, и поведал Пэри, что по отношению к Земле это была довольно обычная практика. Эта планета просто кишила ссыльными. Особенно много их было в Рэдстоке, плюс они составляли почти всё население Люксембурга.

— Так на чём я остановился?

— Мистер Вудраф, — подсказала Пэри.

— Ах, да. Спасибо, дорогая. Этот мистер Вудраф — из расы вампиров, и для того, чтобы он мог жить на Земле, ему нужно было поглощать энергию молодых людей. Знаю, это не самая приятная черта, но что поделаешь. Разумеется, этот тайм-шер был для него идеальным прикрытием. Каждый год он пользовался телом некоего молодого человека, который регулярно владел этим тайм-шером в последнюю неделю октября. А затем, в первую неделю ноября «Вудраф» приходил в себя. Он меня слушает?

— Конечно, я слушаю! — резко сказал Доктор. — Вот так вот, Пэри... Это объясняет твоё «типа странное» видение с бородавками.

Пожилой повелитель времени посмотрел на лестницу.

— Я им казал, что явиться сюда — поднять шум. «Мы поднимем шум», сказал я, «если появимся». С девочкой на подносе несчастный случай может произойти.

Пэри заверила его, что ребёнок катается по лестнице уже шесть часов, и пока что с ней всё в порядке, а Доктор потребовал не отвлекаться от темы.

— Хм, — взволнованно почесал затылок повелитель времени. — Короче говоря, в 1920 году этот молодой человек почему-то не явился в свою

неделю. Вместо него приехала его пожилая тётя. И мистеру Вудрафу пришлось воспользоваться её старым телом. К несчастью, бедная женщина умерла во время поглощения. Из-за этого мистер Вудраф частично обратился в свою естественную форму, которую, я полагаю, вы уже видели на верхнем этаже, — он подождал, пока они утвердительно кивнули. — А вот этот приятель, который всё время бегает вверх-вниз и никак не выдохнется, — он указал на мужчину с ружьём, который как раз в этот момент был виден, — был тогда владельцем второй недели ноября, и его по прибытии сюда ожидало отвратительное зрелище.

— Тогда кто убрал тело мистера Вудрафа? — Доктор ждал ответа, но из продолжительного молчания и так всё было понятно. — А, ясно. Я понял. Это должен был сделать всё тот же простофиля! Это ведь всё спланировано, так ведь?

— Вообще-то, да, — заявил повелитель времени. — Вы должны были вернуться в 1920 год, убрать тело пришельца, и закрыть этот последний тайм-шер «ПДО». Я говорил, что будут осложнения. Я сказал «Будут осложнения».

— Но я не убирал.

— Что?

— Я не убирал его тело.

— Ну, нет... Ещё нет.

— Опять мной манипулируют! — крикнул Доктор.

— Вы хоть что-нибудь можете сами сделать?

— Вы же знаете наши правила, Доктор — никакого вмешательства. А вы всегда были исключением из него. Вы смутьян, я им так сказал. «Этот — смутьян», сказал я. В отличие от того милого молодого человека...

— С овощем, — закончил Доктор. — Хотите, я кабачок из кухни принесу?

— Да что я сказал такого? — воскликнул повелитель времени. — Ну, попытался я им сказать, но что поделаешь?

— Лицемеры вы все! — закричал Доктор.

Готовясь уходить, повелитель времени сказал Пэри:

— Уладьте это, дорогуша... Тут же чёрт знает что творится, — он коснулся пальцем козырька: — Всего доброго! — и с этими словами ушёл.

Доктор сел на ковре гостиной, словно упавшая свысока кукла. Ноги вытянуты вперёд, фалды пиджака — назад, а голова повисла над, как показалось его спутнице, разноцветными спагетти. Призрак-щенок стал оббегать его стороной после того, как однажды, громко тявкая, беспомощно запутался в этих проводах.

— Доктор! — Пэри присела рядом и поставила на сводное место на полу тарелку. — Я тебе сандвич принесла.

— Сандвич бандвич! — истошно заорал Доктор. — Ты что, не видишь, что я занят? Где мне взять время на сандвич?

Затем его кудрявая голова неожиданно поднялась:

— С чем он?

— Арахисовое масло, листья салата, жареная картошка.

Наступила долгая тишина. Это были его любимые. Удержится ли он? Словно змея, проглатывающая добычу, его рука метнулась, схватила сандвич, и целиком затолкала в рот.

Пэри скривилась:

— Ну, ты и обжора!

— Возможно. А теперь уйди.

Она проигнорировала.

— Ты что-то задумал?

— Возможно, — он неожиданно запел: — *Англия раскачивается, как маятник...* Время, Пэри, это загадка.

Пэри встала, чтобы уйти. Она всегда уходила, когда у Доктора возникало желание петь.

— Слушай, какую проблему мы пытаемся решить?

— спросил Доктор.

— Мы пытаемся восстановить нормальный ход времени... Так?

— Так. Я не смогу изъять лишние дни, вынув из счётчика свои деньги. Это просто невозможно. Но что, если я придумаю способ, как израсходовать время с удвоенной скоростью, и таким образом верну этот дом в обычное состояние?

Его глаза сверкнули, и Пэри поняла, что наступил момент, где подразумевалось, что она скажет, какой он умный.

— Доктор, ты гений!

Он гордо задрал нос:

— Я знаю.

— И что? Ты сможешь это сделать?

— Я, моя дорогая Пэри, если хорошо подумаю, смогу что угодно сделать, — он с воодушевлением схватился за детали. — Это, — провозгласил он, — измеритель.

— Из счётчика времени?

— Именно.

— Но не опасно ли его разбирать вот так, Доктор?

— Большая его часть до сих пор тикает на своём месте. А вот это, — продолжал он, покачивая проводами, — кое-что из его внутренностей. Временные потроха, так сказать. И они пойдут обратно вовнутрь! А вот это...

Вот оно что, — подумала Пэри.

— Это «жучок».

— Гениально! — воскликнул игрок в нарды, и более подходящего момента он выбрать не мог.

— Я изменю счётчик так, чтобы он работал с удвоенной скоростью.

— Двадцатичетырёхчасовой день израсходует сорок восемь часов?

Доктор хлопнул её по спине:

— Правильно! И к концу недели я сожму четырнадцать дней в семь!

— Но не получится же. Четырнадцать в семь не поместится.

— Если счётчик будет думать, что всё в порядке, время исправит себя само. В точности, как часы. Можно установить на часах любое время, и они сами будут считать его правильным. Но оно же не обязательно правильное, верно?

— Уже заканчиваешь?

— Почти. Минут десять ещё нужно, — он с тоской посмотрел на пустую тарелку. — Но небольшое пропитание, несомненно, ускорило бы этот процесс.

Она смотрела на него, не понимая. Он громко вздохнул:

— Съестное? Хавчик? Пища!

— А, хорошо! Если ты хотел ещё сандвичей, то почему так прямо не сказал?

Это стало лишь первым из многих перекусов, многих ругательств, и большой кучи мусора.

Они уже седьмой раз сворачивали на этом перекрёстке, мимо этого магазина с рекламой табака дальше к парку. Семь раз. На трамвае. На втором этаже. И Пэри замёрзла.

— Доктор, мы из него когда-нибудь выйдем?

«Они, конечно, замечательные, трамваи твои», — подумала она, — «но всё хорошо в меру».

— Ещё раз вокруг квартала, Пэри! Оно до шести не начнётся. Это же наш последний день.

«Оно» означало киносеанс. Доктор держался руками за спинку сидения перед ним, и Пэри готова была поклясться, что он представляет себе, что рулит.

— Давай... Ещё минут десять примерно.

Она вспомнила последний случай, когда он так говорил — среди груды деталей счётчика времени. Ещё минут десять тогда превратились в час, а затем в несколько часов. Наступил даже момент, когда она засомневалась, что время вообще удастся когда-нибудь привести в порядок. Но он справился. Изменённый счётчик, к которому неуклюже, при помощи ленты от поздравительной коробки, был примотан жучок, установили на прежнее место. И тогда наступило самое худшее — ожидание. Это она хорошо запомнила. Несколько часов без изменений,

непреходящее ощущение, что у них ничего не вышло, плюс постоянная паранойя Доктора относительно горничной. А затем настал волшебный момент, когда он сказал:

— Её больше нет!

— Кого нет?

— Милли! Уже пять минут с её последнего появления, я засёк.

Пэри была рада за него, но...

— А не слишком ли медленно это происходит?

Он тяжело вздохнул. В последнее время он очень часто вздыхает.

— Мы же перенастраиваем линии времени, а не какую-то лампочку меняем!

В этом он, конечно, был прав. В течение следующих нескольких дней видения постепенно пропадали. Двери прихожей больше не хлопали, пыль с мебели никто не протирал, в конце концов остались только дети, которые играли на лестнице. А затем и они пропали. Снова наступила странная тишина.

И дом стал казаться каким-то пустым. Доктор объяснил, что им нужно остаться до конца своей недели, чтобы он потом отсоединил счётчик как раз в тот момент, когда «жучок» позволит времени наверстать себя. Поэтому Пэри пришлось найти себе развлечения, включая несколько исполнений детских упражнений на фортепьяно, а Доктор постоянно

составлял ей компанию: как правило, заснув в углу комнаты.

В один из таких моментов она, оторвав взгляд от клавиш, увидела, что его уже нет в её любимом кресле. В конце концов она обнаружила его на кухне, где он рылся в коробке для печенья.

— Где ты был?

— Ничего интересного, — будничным тоном ответил он. — Всего лишь в 1920 году.

— В 1920 году?

— Ну, ты как попугай, Пэри! Да, в 1920-ом! Убрал тело мистера Вудрафа, незаметно избавился от него, и только что вернулся. Довольна?

— Что будет с этим домом дальше? — всё, что она смогла ответить.

Доктор был на этот счёт безразличен:

— Кто знает? Тайм-шером он больше не будет, это точно. Так что, как насчёт посмотреть кино в «Кинодворце» и ещё раз прокатиться на трамвае?.. Эй! — он захлопнул крышку коробки. — А где печенье с начинкой?

Пэри извинилась.

В очередной раз навстречу Пэри двигался магазин с рекламой табака, и она решила, что с неё достаточно.

— Хватит, Доктор. Я выхожу. Меня уже тошнит от трамваев!

Несмотря на громкие, несдержаные протесты Доктора, они вышли из трамвая и пошли к «Кинодворцу».

Возле кинотеатра их приветствовало большое чёрно-белое изображение Микки-Мауса.

— «Пароходик Вилли»! — Доктор радостно потёр руки. — Как тебе удаётся сдерживать свой восторг?

Пэри внимательнее взгляделась в афишу.

— Знаешь, тебе твой восторг точно придётся попридержать. Ты перепутал начало сеанса.

— Невозможно! — он тоже посмотрел на афишу, затем на бумажку, на которой раньше записал начало сеанса, и увидел, что показ на самом деле начинался...

— В пять часов, а не в шесть! Доктор, ты даже собственный почерк разобрать не можешь!

— Могу! Это ты сказала, что в шесть, а не я! Разумеется, пять... Как ты могла так... — расстроился он, осознав весь масштаб своей потери. — Теперь я пропустил «Пароходик Вилли»!

Он развернулся и пошёл к трамвайной остановке, и Пэри понимала, что он доведёт счёт трамвайных поездок до десяти... Чтобы скомпенсировать.

ПИЖАМА С ВОПРОСИТЕЛЬНЫМИ ЗНАКАМИ

Роберт Перри и Майк Такер

*Что есть «дом», и что есть «дома»
Где тебе всегда есть место
Где ответишь всем тиранам:
Этого вам не отнять.*

Джосеф Бомон

— Это фигня, Профессор. Валим отсюда, — Эйс пнула землю, выбив фонтан гравия.

— Не спеши с выводами, Эйс, — голос у Доктора был раздражённый; Эйс знала, что он оправдывается. Оправдывает свой неудачный выбор.

— Но это же просто камень.

Это и был просто камень. Поганый астероид у чёрта на куличках. Камень, пыль, и пригодная для дыхания атмосфера, дышать которой было некому. Некому, если не считать их: Доктора, Бенни, и Эйс. Даже Бенни была несколько разочарована. Поначалу, когда Доктор сказал им, где находится астероид, она была полна надежд: это была мало изученная часть

галактики, в которой временами случались восхитительные археологические открытия. Она побрела вверх по серому склону, на котором материализовалась ТАРДИС. Эйс была права. Эйс вечно была чем-то недовольна, но в этот раз она была права: это была унылая дыра. Небо было свинцовым, как на Земле перед сильным дождём. Только вот дождя в перспективе не было. Небо было такое же мёртвое, как и грунт. Она остановилась. За гребнем холма была всё та же серость, за исключением... Не может быть...

— Доктор! — Бенни побежала вниз по противоположной стороне холма, поднимая ногами пыль.

Тяжело дыша, она остановилась возле самой стены сооружения и опёрлась руками на колени. Оно было настоящим. Узкие, немного загнутые блоки из тёмно-зелёного камня торчали из земли, похожие на клинки самурайских мечей. Жилище марсиан.

— Вот это да, — догнав свою спутницу, Доктор опёрся на зонт. — Как ты думаешь, как оно сюда попало?

— Не знаю, — ответила Бенни. — Нет никаких свидетельств того, что в этой части галактики были марсианские поселения. Они никогда так далеко не забирались.

— Я знаю. Странно, правда?

— Здание настоящее, Доктор. Это не подделка. И тем не менее...

— Обстановка...

— Точно! Всё не так! Марсианское жилище никогда бы не воткнули в такой пустыне. Обстановка была бы очень упорядоченной... красивой...

— Отлично. Вигвам, — лениво шагая, Эйс пнула ногой камень, и тот ударился об стену здания.

Никто её не слушал. Бенни пыталась открыть дверь. Доктор предложил вначале постучать. Эйс было скучно.

— Заперто, — сказала Бенни.

— Хм, никого нет дома. Что же, прежде, чем заходить в запертый жилой дом, я предлагаю найти кого-нибудь снаружи. Не хотелось бы нечаянно разбудить спящего ледяного воина, — Доктор развернулся и пошёл вдоль стены здания. — Вон там! — сказал он, указывая что-то на горизонте.

На таком большом расстоянии детали различить не удавалось. Из кармана своего мешковатого светлого пиджака он вынул оперный бинокль и приставил его к глазам.

— Всё страньше и страньше, — он дал бинокль Бенни.

— Это здание я не узнаю, Доктор. Явно не марсианское.

— Арголинское, — заявил Доктор, уже направляясь туда.

Бенни посеменила следом за ним. Эйс провела их взглядом. Ей бинокль никто не предложил. Выражая каждым своим движением презрение, она неторопливо пошла за своими спутниками.

Когда она их догнала, из-за горизонта появились и другие здания; эти три здания отличались друг от друга так же сильно, как арголинский клош (как его назвал Доктор) отличался от марсианского здания. Это напомнило Эйс одну ужасную школьную экскурсию.

— Это прямо как то место в Уэльсе, где собирали старые здания. Крестьянские дома, старые церкви, ещё что-то. Сэйнт-...

— Разумеется! Эйс, ты гений. Бенни, ты что, не видишь — она абсолютно права. Это что-то вроде выставки. Если не ошибаюсь, на Земле в двадцатом веке это называлось... — он пытался вспомнить слово.

— Музей архитектуры. Да, музей архитектуры.

— Пожалуйста, не ходите по газону.

Эйс мгновенно развернулась, автоматически потянувшись рукой к поясу. Оружия при себе не было.

— Пожалуйста, не ходите по газону, — снова прожужжал электронный голос, исполненный вежливости и услужливости.

Перед путешественниками стояло (вернее, скорее висело в воздухе в полутора метрах над землёй) нечто,

немного напоминающее вертикально стоящий мяч для регби. Но оно было немного крупнее, сделано из металла, на нём были вентиляционные щели, сканеры, большая красная кнопка — все они были расположены в таком порядке, что были похожи на лицо. Милое, улыбающееся лицико. Мяч для регби с лициком. Он немного покачивался в воздухе перед ними:

— Пожалуйста, не ходите по газону.

Какому газону? Тут нет нигде травы, только пыль и камни.

Предмет подплыл ближе. Он это сделал, можно сказать, целеустремлённо.

— Мне кажется, что оно пытается нас куда-то загнать, — почти шёпотом сказал Доктор. — Пойдём, посмотрим, куда именно?

Он начал уходить от плавающего в воздухе робота, и остальные пошли за ним.

Их конвойир плавал из стороны в сторону, словно пастушья собака:

— Пожалуйста, не сходите с дорожки.

По большой дуге он обогнул Доктора слева. Доктор повернулся. Его спутники тоже повернули.

— Что-то он не очень многословный, Профессор. Может, нажать на его кнопку?

— Ничего не трогай, Эйс, — иногда Доктору казалось, что она это нарочно делает. Она его называла профессором только тогда, когда пыталась разозлить

его. — Давай для разнообразия попробуем проявить терпение, хорошо?

Они шли, должно быть, минут двадцать. По-прежнему не было ни газонов, ни дорожек, только вежливые указания в те моменты, когда кто-то из них нарушал правила движения по этой невидимой дороге. Они прошли мимо очень большого числа зданий — гондской избушки, центра занятости с Интер Минор — сумасшедшая смесь стилей и технологий с сотен планет, которые даже не догадывались о существовании друг друга. Эйс снова заскучала. Всё в точности, как в чёртовом Уэльсе.

А затем она стала как вкопанная:

— Доктор...

Они только что обогнули крутой скальный выход. А там, в большой неглубокой котловине среди холмов стоял дом, который она знала. Дом, который они все знали, а особенно хорошо его знал Доктор.

Это был его дом. Его дом на планете Земля. Англия, графство Кент.

— Это *мой* дом! — сказал он дрожащим от негодования голосом.

Оттолкнувшись от земли кончиком зонта, он свернул в направлении тёмных каменных стен, фронтона и карнизов, которые были так хорошо ему знакомы.

— Этот экспонат в данный момент закрыт, —
робот-гид висел прямо перед ним.

Доктор ловко отпрыгнул в сторону. Робот сместился за ним:

— Этот экспонат в данный момент закрыт.

Доктор шагнул в другую сторону. Робот тоже сместился:

— Пожалуйста, не сходите с дорожки.

— Пожалуйста, не сходите с дорожки, — эхом откликнулся второй электронный голос.

Перед ними появился второй робот, а затем и третий. Все трое собрались вокруг путешественников, и энергично подгоняли их.

Теперь настроение испортилось у Доктора.

— Даже разрешения не спросили... — бормотал он.

Они брали молча. Бенни начала уставать. В её туфли забились камешки, одежда запылилась. И голова начала болеть. Доктор шёл рядом, уткнувшись взглядом в землю. По другую сторону от него спотыкалась и хмурилась Эйс.

— Не хотите ли расслабиться и выпить горячий напиток, или даже пообедать в нашем центре для посетителей?

— Не хотите заглянуть в наш магазин сувениров?

Перед ними был длинный приземистый купол. Он был розовый. Цветные огоньки поднялись по

колоннам, стоявшим по бокам двойной стеклянной двери, а затем снова опустились.

Внезапно двери распахнулись.

— Дамы, дамы... и господин... Добро пожаловать! Добро пожаловать на Араакс XIV, в Центр Наследия. Здания присланы по камешку, по блоку, по заклётке, по модулю со всех концов галактики! Самый большой и самый новый центр наследия в трёх квадрантах!

Существо поскакало к ним. Большое, радостное, добродушное лицо (почти человеческое, только немного краснее) кивало поверх пухлого тела, одетого в элегантный тёмный костюм в тонкую полоску. К гостям были протянуты две толстые руки.

— Центр Наследия... — медленно кивнул Доктор.

— Не музей архитектуры, значит.

— О, конечно же, нет. Позвольте представиться. Меня зовут Гарпол. Я владелец и управляющий. А это мой помощник, мистер Блинт.

Откуда-то из-за спины крупного хозяина появилась фигурка поменьше и побледнее, которая в костюме смотрелась ещё более глупо.

— Правда, мы ещё не открылись, — заявила эта фигурка, запыхавшись. — Мы открываемся только через месяц. Ещё столько всего нужно сделать. Одних только реплик представителей всех видов...

— Не открылись? Ерунда! — Гарпол широко развёл руки. — Вы наши первые клиенты. Бесплатно,

разумеется. Обустройство Центра ещё несколько... не завершено... — он по-заговорщицки наклонился к ним. — Честно говоря, вам повезло, что вы не прибыли на прошлой неделе. Мы тут атмосферу создали всего несколько дней назад, — он взмахнул руками, словно прогоняя эту мысль. — Не важно, не важно. Я уверен, что всё это не помешает вам получить удовольствие от наших экспонатов. Пойдёмте, пойдёмте! — он пятился обратно под розовый купол, жестами приглашая их идти следом.

Устало посмотрев на Эйс и Бенни, Доктор побрёл к стеклянным дверям. Обе женщины пошли следом.

Проколзнув между ними, Блинт подбежал к Доктору, держа в одной руке блокнот, а в другой — ручку:

— Позвольте задать вам несколько вопросов. Как вы узнали о Центре Наследия на Араксе XIV? а) из рекламы в телепередаче; б) из одной из наших брошюр; в) от друзей?

— «Г», — отрезал Доктор и захлопнул дверь перед носом маленького человечка.

По одну сторону от входа была карта галактики, на которой были нанесены исходные расположения экспонатов. Она плавно изгибалась и переходила в ресторан. А по другую сторону от входа, в фойе, большая площадь была заставлена металлическими

подставками с теле-книгами, голографическими открытками, и палочками с низко-калорийными леденцами. Гарпол повернулся к ним лицом и вынул из кармана пиджака какую-то бумажку:

— Я хочу подарить вам наш особый семейный билет, который даёт вам право посещать все экспонаты, а также содержит купон, который можно обменять на бесплатную еду для ребёнка в нашем просторном кафетерии. Это ваша? — его пухлая рука ущипнула Эйс за щёку.

Эйс напряглась. Этот урод был в пяти секундах от сломанной руки.

— Милый ребёнок. Мы просто обожаем семьи. Хочу вас попросить лишь об одном. При посещении экспонатов, пожалуйста, не ходите по газонам. Их только что уложили, знаете ли.

— Каким газонам? — (урод вовремя убрал руку).
— Там нет нигде травы.

Из-за тыльной части хозяина появилась озабоченная голова Блинта:

— Эмм... с травой была небольшая проблема, мистер Гарпол.

— Проблема?.. — голос толстяка внезапно стал ниже.

— Подрядчики сказали, что не смогут её установить как минимум до конца месяца.

— Месяца! — жирная рука поднялась, сжавшись в кулак. — Но мы же открываемся со следующего месяца!

Словно внезапно опомнившись, Гарпол снова положил руку на своё обширное пузо. Оскол на его лице снова сменился слащавой улыбкой.

— Просто небольшие проблемы, связанные с выходом на стабильную работу. Ничего более. Позвольте, я угадаю... Вы терране? У нас есть пара терранских экспонатов, которые могут вас заинтересовать.

— Да, — у Доктора заканчивалось терпение, — один из них меня очень интересует. Терранское жилище, большое, девятнадцатый век, Англия.

— Ах, да. Экспонат 19. Я хорошо его знаю.

— Я тоже его хорошо знаю, мистер Гарпол. Я тоже. Видите ли, я — его владелец.

Гарпол медленно вежливо засмеялся, словно с шутки, которую не совсем понял:

— Нет, нет. Заверяю вас, его владелец я. Мне принадлежит всё на Арааксе XIV. Я купил весь астероид. Полное владение, а значит, всё, что находится на нём, принадлежит мне.

— Позвольте спросить, а каким образом этот конкретный дом попал на этот конкретный астероид?

— О боже. Позвольте мне вам объяснить, — Гарпол теперь говорил медленно. В его голосе

появилась не то неприязнь, не то разочарование. Это были совсем не такие клиенты, которых они хотели привлечь. Этот человек явно не оценил место, в которое попал. — Это Центр Наследия. Мы собираем памятники и здания со всех возможных цивилизаций, не только терранские, и мы переносим их сюда, чтобы все могли на них посмотреть. Заверяю вас, беспокоиться не о чем. Полагаю, увидеть дом со своей планеты было для вас некоторым шоком, не так ли?

— Во-первых, я вообще-то с Галлифрея.

— Ах, да, Галлифрей. Я о нём слышал. Дайте-ка угадаю... Это в Ирландии?

— А во-вторых, — оборвал его Доктор, — вы меня, похоже, не слушаете. В моей собственности находится недвижимое имущество, которое, как я думал, находится там, где я его оставил — на Земле, — Доктор ткнул зонтиком в элегантно изогнутую галактическую карту. — И вот я, к своему удивлению, обнаруживаю, что вышеназванная моя собственность перемещена без моего на то согласия сюда, — он снова ткнул в карту, — где её бросили... в пыль! Я требую объяснений.

Глаза Гарполя прищурились, а затем расширились. Затем снова прищурились. На его лице то появлялась, то пропадала лёгкая улыбка. Он переваривал услышанное от терранина и пытался согласовать это со своими планами. Возможности были весьма

привлекательными. Было ли в своём уме это маленькое создание? Он и вправду был владельцем этого дома? Он принадлежит к подходящему для этого биологическому виду. А впрочем, какая разница? Он явно считает этот дом своим. Это же намного лучше, чем дорогие и неубедительные реплики!

— В таком случае вам следует пойти в свой дом, — жеманно улыбнулся Гарпол. Он потёр ладони друг о друга, отчего они стали красными. — Живите тут. Считайте Араакс своим домом. Вы тут будете счастливы. И множество людей будут вас посещать, — на мгновение взгляд Гарполя стал отрешённым. — Настоящая терранская семья.

Широко улыбаясь Эйс, он протянул руку и взъерошил ей волосы. Это стало последней каплей, толстяк перешёл черту. Захват — бросок. Двести килограмм костей и жира обрушились на полированный пол.

— О боже, о боже! — Блинт суетился вокруг своего хозяина, как муха вокруг скелета кита. — Гиды, сюда! Гиды, сюда! Код тревоги номер три!

С глухим гулом из-за угла появились два летающих робота.

— Ты чего стоишь, Блинт?! — взревел Гарпол, пытаясь встать на ноги. — Где твоё оружие, а?! Пристрели их!

Трясущимися руками Блинт снял с пояса бластер, который непостижимым образом выглядел таким же дружелюбным, как и роботы. Дрожа, Блинт неумело направлял бластер с одного спутника на другого.

Бенни фыркнула:

— Вы бы поосторожнее с этим. Ещё ногу себе прострелите.

— Глупо, — огрызнулась Эйс на перепуганного карлика. — Очень, очень глупо.

Она бросилась на него. Блинт от неожиданности выстрелил, разнеся элегантную космическую карту на тысячи острых осколков.

Неожиданно один из роботов взвизгнул и бросился на перехват девушки. Раздался электрический треск, и Эйс, отскочив от стены, налетела на полки с поликерамическими репродукциями марсианских жилищ, арголинских клошей, драконианских храмов...

Последним, что она услышала перед тем, как потеряла сознание, был хриплый приказ Гарполя:

— Отвести их в Экспонат 19!

— Эйс!.. Эйс!..

Она резко выпрямилась и сжала кулаки. Перед ней были деревянные панели. И книги. Книги нависали над ней. Это был кабинет в доме Доктора. Она лежала на кожаной кушетке, на неё сверху смотрела Бенни.

— Что произошло? Где эта железяка?

— У робота корпус был под напряжением. Тебя ударило током.

Эйс встала на ноги:

— Я цела. Что будем делать?

— В данный момент — почти ничего, Эйс, — зашёл в кабинет Доктор. — Уже темнеет. А наш хозяин окружил дом своими маленькими друзьями.

— Так что, мы будем просто сидеть? — она снова опустилась на кушетку.

— О нет, нет, — в комнате внезапно раздался сладкий голос Гарполя.

Эйс тут же снова подскочила на ноги.

— Простите, что перебиваю вас, но подошло время ужина, — бубнил из скрытых динамиков голос Гарполя.

Где-то зазвенел маленький обеденный гонг.

— Ужина? Вы что, с ума сошли?

— Юная леди, очень важно принимать пищу регулярно. Вы же хотите вырасти большая и сильная?

Поражённая Эйс качала головой: спорить с ним было бессмысленно.

— Пройдите, пожалуйста, на кухню. Блинт для вашей встречи приготовил что-то особенное, впрочем, не ждите, что так будет каждый день. С завтрашнего дня вы будете сами о себе заботиться.

Мысль о еде показалась Бенни не такой уж и плохой. Всё-таки, это лучше, чем просто сидеть. Она с надеждой посмотрела на Доктора.

Тот улыбнулся:

— Что же, пойдём. Может быть, даже вкусно будет. Этот дом любит запасаться продуктами. На случай, если кто-нибудь вдруг нагрянет.

Подмигнув, он повёл их прочь из комнаты с дубовой мебелью и книгами.

В этом была особенность этого дома: он был почти излишне идеальным. Бенни понимала, почему Гарпол его приобрёл. На кухне с рёвом горели поленья, со стропил свисали дичь и окорока. На дальней стене глухо тикали часы. Они раздражали Бенни.

Доктор вытер салфеткой рот и откинулся на спинку стула:

— Отлично. Передавайте повару, что я в восторге.

— Спасибо, Доктор, — казалось, что голос Гарполя доносится одновременно отовсюду; ещё сильнее, чем часы, сильнее, чем скрип стула под Доктором, чем потрескивание огня, чем почти чрезмерная достоверность старинного дома, этот голос действовал Бенни на нервы сильнее всего. — Обязательно передам.

— Я смотрю, вы тут ещё и прибрались немного, — сказал Доктор, запрокинув голову и говоря как бы в никуда.

— Да. Эта комната мне особенно нравится. Она намного уютнее, чем столовая, вы не находите?

— Что мы будем делать? — не выдержала Бенни.

Доктор во время ужина болтал о какой-то ерунде, словно у них действительно был семейный ужин в викторианском особняке в графстве Кент. Эйс с хмурым видом яростно грызла куриное крылышко. Доктор пожурил её за её манеры.

— Делать? Как насчёт того, чтобы попить чаю? Всегда приятно завершить ужин чаем.

— Я имела в виду попытки выбраться отсюда. И выяснить, что тут происходит.

— Что касается того, что тут происходит... — голос Доктора внезапно стал серьёзным, — то на мой взгляд всё очевидно. Наш друг мистер Гарпол ворует дома по всей галактике и свозит их сюда.

— Почему ворует? — спросила Эйс, скорее из вредности. — Может быть, он их покупает.

— Этот дом был доставлен сюда против своей воли. Я это чувствую.

— Ты говоришь о нём так, словно он живой, — пожала плечами Бенни.

Она была археологом. Её учили обращаться с мёртвыми домами.

— В нём есть призраки? — встряла в разговор Эйс.

— Во всех домах в некотором смысле есть призраки, Эйс. Во всех зданиях. Что-то в них всегда происходит, люди вселяются и выселяются, здания запоминают.

— Доктор, как мы собираемся отсюда выбраться?

— Никак, Бенни. Это мой дом, я никуда из него выбираться не собираюсь. Да и бесполезно это, если наш всевидящий и всеслышащий хозяин хочет, чтобы мы остались.

— Очень разумно, Доктор, — это был снова Гарпол. — Я смотрю, вы не такой уж и простак, как я поначалу подумал.

— И как же мы себя пока что проявили?

— Поедание ужина было превосходно, Доктор, хотя я должен заметить, что манеры вашей дочери вести себя за столом оставляют желать лучшего. Я уверен, что на Земле не было принято, чтобы юные леди во время еды задирали ноги на стол.

— Да, вы правы. Сними ноги со стола, Эйс.

Эйс выругалась и позволила ногам со стуком сползти на пол.

— Доктор, а вы не думаете, что юной леди уже пора ложиться спать?

— Спать?! — это была последняя капля. — Слушай сюда, толстяк. Встретимся снаружи, приходи

без своих летучих друзей, и я тебе покажу, кто тут юная леди!

— Мы можем заменить вас репликами, знаете ли, — раздражённо сказал Гарпол. — И вы понимаете, что это значит.

— Да ладно тебе, Эйс! — вмешалась Бенни. — Обычно, чтобы уложить тебя в постель, так долго уговаривать не приходится.

— Да пошла ты!

— Не смей так с матерью разговаривать! — ужаснулся Гарпол. — Если бы я так говорил со своей мамой...

У Эйс отвисла челюсть. С матерью!

После того, как до всех дошли все следствия из сказанного Гарполом, к Бенни дар речи вернулся первой:

— Если вы считаете, что я достаточно стара, чтобы...

— Эйс, Бенни, успокойтесь, — голос Доктора был мягкий, но взгляд был настойчивый.

Им обеим был знаком этот взгляд. Это было серьёзно.

— Доктор, — голос Гарполя дрожал от едва сдерживаемого гнева. — Уложите девочку спать!

Доктор тяжело вздохнул:

— Эйс, иди в свою комнату. Вверх по лестнице, первая дверь налево.

Сердито на него глянув, Эйс встала и пошла к двери.

— Я поднимусь рассказать тебе сказку, — крикнул он ей вслед.

Эйс прикусила губу.

Она чувствовала себя полной дурой.

Она лежала, натянув одеяло до подбородка, одетая в полосатую пижаму, а в руке держала плюшевого мишку.

Она была на грани того, чтобы спуститься вниз и потребовать другую комнату. На стенах висели картонные утятта. Всё было в розовых тонах. На кой чёрт Доктору понадобилась комната, оформленная как ясли?

И вот он сам: сидит на краю кровати и читает ей книгу «Лев, ведьма, и платяной шкаф». Она помнила её со школы. Доктор убаюкивающим голосом рассказывал сказку о девочке, такой же, как она, которая стала жить в таком же доме, как этот. Ей там не нравилось, но однажды она нашла на каминной полке сувенир. Волшебный сувенир. Девочка взяла его и с его помощью прошла через синюю дверь в волшебное царство.

Голос рассказывающего сказку Доктора завораживал Эйс, и очень скоро она осознала, что это ведь совсем не «Лев, ведьма, и платяной шкаф».

Она хотела что-то сказать, но в этот момент Доктор захлопнул книгу:

— На сегодня достаточно, Эйс. День был тяжёлый. Ты, должно быть, устала.

— Да ты спятил, если думаешь, что я засну...

— Ты, должно быть, устала, Эйс.

Ублюдок, он не посмеет. Не посме... Её глаза уже закрывались.

Бенни опустилась на мягкие подушки софы и попыталась расслабиться. Её раздражало поведение Доктора. Ни плана, ничего. Он настоял на том, чтобы подняться наверх и прочитать «дочке» сказку на ночь, заверив Гарполя в том, что это нерушимая земная традиция. Гарпол ответил, что проследит за этим. Несколько минут спустя снова раздался его голос — он, сдерживая смех, сказал, что Доктор может продолжать. Бенни от этого стало очень неспокойно.

Перед Бенни в камине горел ещё один настоящий огонь. Гостиная. Кабинетный рояль (хотя она ни разу не видела, чтобы Доктор играл на чём-нибудь, кроме ложек), искусственная картина на стене, восемнадцатого века, если настоящая; рама была настолько кричащая, в стиле барокко, что просто обязана была быть настоящей. На фоне этих крупных элементов обстановки стоявший в углу телевизор терялся. Телевизор работал. Она его не включала. Из него

слышалась болтовня ещё с того момента, когда она только зашла в комнату. Новости. Одна из тех бесконечных войн двадцатого века. Танки стреляют по крестьянам.

— Приятно видеть, что вы устроились удобно, моя дорогая. Такой чудесный семейный дом.

Тут есть хоть какое-то место, свободное от присутствия Гарполя?

— Может быть, посмотрим, что показывают по другим каналам?

Танки и крестьяне пропали. Вместо них появился высокий мужчина с большим заострённым подбородком и в неестественно выглядевшем парике. Он подбадривал четырёх дородных мужчин из зрительного зала, которые пытались что-то вылепить из теста. Они делали это наперегонки. Они все вымазались в тесте. Бенни никогда не переставало удивлять то, чем развлекались люди за несколько столетий до её рождения.

— А, вот ты где, Бенни, — сказал Доктор, выглянув из-за двери.

— Хорошая сказка, Доктор, — голос Гарполя сочился гордостью своим последним приобретением.

— О, всё будет очень хорошо. Зрители вас будут обожать.

— Послушайте, а не могли бы вы оставить нас, чтобы могли... провести вечер в кругу семьи... —

Бенни пыталась передать интонацией переполнявшее её презрение, — в покое?

— Итак, мистер Гарпол, — сказал Доктор, хлопнув в предвкушении ладонями, — какие планы на этот вечер?

— О, мы с вашей очаровательной женой смотрели телевидение двадцатого века, Доктор.

Изображение в углу снова сменилось: матч по снукеру.

— У меня тысячи часов записей, Доктор. Просто поразительно, как все человеческие желания, все человеческие потребности удовлетворяются этим маленьким ящиком.

— О да, — ответил Доктор, опускаясь на софу, — превосходная машина. А «Свидание вслепую» у вас есть?

Они посмотрели Силлу, Джереми, Профессора Икс, интервью, взятое Билом Гранди у «Секс Пистолс», и финал кубка мира 1966 года. У Бенни уже голова шла кругом. Доктору всё это, похоже, нравилось; а она предпочла бы изучить глубже те обрывки истории, которыми хвастался перед ними Гарпол. Впрочем, не в такое позднее время суток. В конце концов она невольно зевнула.

Доктор вскочил на ноги:

— Ну же, мистер Гарпол, давайте ещё посмотрим!

— Мне кажется, что вашей жене на сегодня уже достаточно телевидения, Доктор. Мне кажется, что уже пора переходить к следующему номеру нашей программы, — (Бенни готова была поклясться, что бестелесный голос сделал драматическую паузу). — К постели!

Доктор, волоча ноги, вышел из ванной в спальню. Бенни, уже лежавшая в огромной кровати с пологом, не смогла удержать смех: на нём была бледно-голубая пижама с вышитыми красной нитью вопросительными знаками.

— Знаешь, не тебе с твоим костюмом с меня смеяться, — отрезал Доктор.

Это было справедливо. Она была просто в шоке, когда, подняв подушку, обнаружила там приготовленное для неё розовое неглиже. А рядом с кроватью на полу стояла пара пушистых розовых тапочек.

— Ну что, — жеманно сказала Бенни, — ты уже идёшь в кроватку?

Повелитель времени с невозмутимым лицом залез под одеяло. Когда Бенни протянула руку и выключила свет, он прошептал:

— Будь со мной ласкова...

Будильник в виде Микки-Мауса дважды успел взвестить о том, что утро — лучшее время суток, а затем был разбит одним ударом детской биты для крикета. Эйс не любила просыпаться. Не любила, когда была в Перивейле, не любила в Ледяном мире. Почему-то на ТАРДИС подъёмы всегда воспринимались так, словно это было лежание в постели допоздна, даже если на самом деле Доктор и Бенни тащили её ни свет ни заря в очередную авантюру. Несомненно, это было как-то связано с относительностью времени на корабле.

Она скривилась. Каким-то образом этот дом и то, что она была в нём частью семьи — пускай даже, семьи в понимании Гарполя — вызвало на поверхность воспоминания о прошлом, и ей это не нравилось. Она встала с кровати на холодный деревянный пол и швырнула биту для крикета в сундук с игрушками, где она её и нашла. Она по-кошачьи потянула носом воздух. Откуда-то снизу доносились запахи завтрака. Они могут подождать. Всё, чего ей хотелось сейчас — долгая горячая ванна, которая вернёт ей человечность.

Она пошла по коридору в ванную, вспоминая тот последний раз, когда она была в доме Доктора — случай с мальчиком в бочке. Это было уже так давно.

Она открыла краны и сняла с себя пижаму. Ненадолго задержалась перед зеркалом, рассматривая себя. Девочки-подростка из Перивейла давно не было.

На её месте стояла закалённая в боях женщина, которая выглядела старше своих лет. На секунду Эйс подумала о том, какой могла бы быть её жизнь, если бы не вмешательство Фенрика и Доктора. Обычная жизнь, жизнь лондонского подростка. Ей вспомнилось лицо матери, и она прогнала эти мысли.

Она погрузилась в ванную, блаженствуя этим старинным способом. Звуковой душ в ТАРДИС не шёл ни в какое сравнение. Расслабившись, она вспомнила рассказалную Доктором сказку про сувенир на полке. Что этот хитрый ублюдок задумал?

Сидевшая на первом этаже Бенни была не в лучшей форме. Она пила уже третью чашку кофе, отчаянно пытаясь проснуться. Ночь была не из лучших. Доктор не пробыл в постели и пяти минут — пяти минут, в течение которых он только вертелся и дёргался — а затем он вскочил на ноги и начал ходить туда-сюда по комнате, бормоча что-то на галлифрейском. Бенни в конце концов не выдержала и велела ему прекратить ходить и вернуться в постель. Доктор так и сделал, и тут же погрузился в глубокий, почти коматозный сон.

Остаток ночи ей пришлось выслушивать непрерывный громкий храп Доктора. Храп прекратился лишь один раз. И только Бенни начала засыпать, как Доктор внезапно встал и закричал:

— Но, бригадир, автоны же замаскировались под дорожные знаки! — и затем он опять крепко заснул.

Бенни же провела остаток ночи в ожидании следующего его пробуждения. Оно так и не наступило, но заснуть она смогла только в три часа ночи. Через четыре часа Доктор выскочил из постели и ушёл вниз. Бенни пыталась снова заснуть, но безуспешно. В конце концов она решила пойти позавтракать в эту несусветную, по её мнению, рань. И теперь не спала уже четыре часа.

Она подняла взгляд на зашедшую в столовую Эйс. Младшая спутница выглядела свежей и воодушевлённой.

— Какая ты сегодня бодрая.

Эйс усмехнулась:

— Я же ночь одна провела, чего ещё ты ожидала?

Бенни фыркнула и продолжила пить кофе. Эйс тоже налила себе чашку кофе:

— Ну что, тебе есть о чём рассказать?

Бенни посмотрела ей в глаза:

— Нет!

Эйс с невинным лицом посмотрела на неё:

— Просто спросила. Кстати, а где Доктор?

Словно по команде, он тотчас зашёл из кухни, неся в каждой руке по сковороде. На нём был фартук со Снупи.

— Рыбу или бекон?

Эйс обернулась к нему:

— И то, и другое!

— Ага! Ценительница завтрака!

Улыбнувшись своей неповторимой улыбкой, он снова исчез в кухне, а через несколько секунд опять появился, неся блюдо, нагруженное «с горкой». Масло с копчёной рыбы смешалось с белками яиц; среди них втиснулись поджаренные ломтики хлеба. На этом блюде было всё, что только можно было подать на завтрак. Он поставил его перед Эйс, тоже сел за стол, и начал намазывать гренку толстым слоем джема. Бенни застонала, увидев, как Эйс набросилась на завтрак, который большинство людей сочли бы несъедобным. И Эйс, и Доктор были поразительно спокойны, учитывая обстоятельства, и Бенни внезапно почувствовала себя немного чужой. Её мысли всё время вертелись вокруг того, сколько эти двое пережили до того, как появилась она.

Обе женщины смотрели на Доктора, измазавшегося в джеме, рассчитывая, что он начнёт излагать план действий, который у него, безусловно, должен был быть. Эйс раскрыла рот, чтобы что-то сказать, но Доктор поднёс палец к губам. Затем он облизал с пальца джем и с торжественным видом поднял палец, как дирижёрскую палочку.

Как по команде, в комнате начал бубнить слашавый голос Гарполя:

— Доброе утро, мои замечательные! Я так рад видеть вас всех за завтраком. Это так хорошо, когда семьи начинают новый день вместе.

Доктор приветливо помахал рукой:

— Доброе утро, мистер Гарпол! Чем мы можем вам помочь?

— Я просто хочу сообщить вам распорядок дня. Вам будет лучше, если вы привыкните к нему, пока мы ещё не начали принимать посетителей.

— И что вы для нас придумали? Долгие прогулки по окрестностям? Поездки к морю? Или, быть может, дневной тур вокруг астероида на воздушном шаре?

Гарпол театрально хихикнул:

— Ничего настолько масштабного, Доктор. Я изучил семейную жизнь двадцатого века. В идеале, я бы хотел, чтобы вы всю первую половину дня мыли машину, но, к сожалению, Блинт не сумел пока что раздобыть автомобиль. По части механизмов он не очень расторопен. Тем не менее, мы придумали подходящую альтернативу. Вы будете подстригать газон! Нам даже удалось найти настоящую газонокосилку двадцатого века. У моего знакомого метатракси она висела в его улье на стене: он думал, что это оружие.

Эйс оторвалась от еды:

— Идиот, как Доктор может подстригать газон, если у вас ещё травы нет?

В голосе Гарполя появилось раздражение:

— Он может пока что отрепетировать движения! Я же вам сказал, к концу месяца трава будет, — он вздохнул. — О, Доктор, вам с таким непослушным ребёнком не позавидуешь. И вам тоже, Бернис. Можно мне называть вас Бернис?

Бернис мило улыбнулась:

— Разумеется. Меня только друзья называют Бенни. А что вы на сегодня придумали для меня?

Гарпол радостно хлопнул в ладоши:

— О, дорогая, чего только я не придумал. Мытьё посуды, уборка — у меня аж голова кружится от обилия альтернатив. Вы даже не представляете, как хорошо будут продаваться эти видео!

Бенни рассердилась:

— Если вы решили, что я...

Доктор отложил свою гренку и подошёл к ней:

— Постой, Бенни, минуточку, — он посмотрел вверх. — А что насчёт Эйс?

— Она будет с вами в саду, Доктор. Вы сможете присматривать за ней, пока она играет.

Доктор встал:

— Хорошо, тогда всё понятно. Эйс! Кажется, сегодня прохладно. Думаю, тебе будет лучше надеть куртку.

Эйс собралась возразить, но увидела выражение лица Доктора. Она усмехнулась:

— Хорошо, папа.

Она оттолкнула остатки своего завтрака на середину стола, и вышла из комнаты, направляясь в гостиную, в которой оставила вчера свою боевую куртку.

Доктор подошёл к задней двери и раскрыл её. Затем повернулся к Бенни:

— До встречи, дорогая. Приготовь нам на обед что-нибудь вкусненькое.

Дверь едва успела захлопнуться перед полетевшей в Доктора розовой тапкой.

Эйс шмыгнула в гостиную, выискивая взглядом скрытые камеры. Она посмотрела на каминную полку. Там стоял сувенир, о котором Доктор рассказывал в своей сказке на ночь. Стеклянный колпак. Она нахмурилась и взяла его в руки. Внутри была модель дома Доктора. Она потрясла его и посмотрела, как кружится и оседает снег. И чем же это может помочь? Повинуясь непонятному импульсу, она потёрла стекло рукавом. Ничего. Джинна не было. Не было трёх желаний. Вообще ни черта не произошло.

— Похоже, у него уже совсем крыша съехала.

Она взяла с софы свою куртку и вышла. Увидев, что в конце дорожки было несколько роботов Гарполя, она не удивилась. Обойдя вокруг дома, она увидела, что те замкнули весь двор, выстроившись цепью с

интервалом в полтора метра. Гарпол явно не собирался рисковать.

Она нашла Доктора, который, закатив рукава рубашки, толкал туда-сюда по пыльной поверхности астероида древнюю газонокосилку, которая подбрасывала в воздух мелкие камешки и оставляла позади себя серое облако пыли.

— Ты даже не представляешь, как ты сейчас глупо выглядишь!

Доктор обиделся:

— Не веди себя так, Эйс, иди играйся, — его серые глаза сверкнули в её сторону. — Ты же взяла свои игрушки?

— Конечно. Я же хорошая девочка, — и упавшим голосом добавила. — Хотя и не понимаю, на хрена они мне нужны.

Доктор сурово на неё посмотрел, и Эйс вздохнула. Сейчас она от него больше ничего не добьётся. Вообще-то он, похоже, получал удовольствие.

— И где же ты хочешь, чтобы я «играла»?

Он махнул рукой в конец сада:

— Может быть, достанешь из сарайчика свой велосипед?

Эйс посмотрела туда. К стене дома был пристроен сарай из досок. Она снова повернулась к Доктору, но он уже ушёл, бессмысленно подстригая гравий. Она подняла с земли увесистый камень, и швырнула его в

одного из роботов, довольно прислушавшись к раздавшемуся металлическому стуку. Ей стало немного легче. Она подошла к сараю и попыталась открыть дверь.

Замок после долгого бездействия открывался туго. Эйс вошла во мрак; в нос ей ударил запах перегноя. Сарай был заставлен цветочными горшками, инструментами, ящиками. Надо было отдать должное Гарполу: когда он сказал, что перевёз всё, он действительно имел в виду «всё».

Внезапно она краем глаза что-то заметила. Вверху. Слева от неё. Что-то оранжевое. С рогами и упругим телом. Глаза и оскалившаяся зубастая пасть. Она схватила садовые вилы, обернулась, и пронзила нападавшего. Раздался лёгкий хлопок и шипение воздуха. Эйс мысленно выругала себя. Она швырнула на пол вилы вместе со сдувающимся мячом для прыгания, на котором были нарисованная рожица и рожки-рукоятки. Какая же она нервная! Где этот чёртов велосипед?

Она отодвинула несколько ящиков. Перед ней было что-то невысокое, накрытое брезентом. Она потянула брезент за край. Он сполз на пол, как театральный занавес, открыв самый клёвый байк из всех, которые когда-либо видела Эйс.

Её лицо растянулось в улыбке:

— Охренеть!

Когда в конце сада раздалось низкое урчание, Доктор улыбнулся. Урчание перешло в хриплый рёв и, разметав по сторонам горшки и доски, из сарая вылетела Эйс верхом на винтажном «Harley-Davidson». Описав вираж и помахав Доктору рукой, она выжала из движка полную мощность, выехала из ворот сада, и помчалась по поверхности астероида.

Шокированные роботы несколько секунд стояли неподвижно. Они послали запросы. Они получили приказ. С оживлённым бряканьем металла несколько из них отправились ловить Эйс, а остальные сомкнули свои ряды, уставив свои глаза-камеры на Доктора.

Довольно насвистывая, Доктор снял со стены свой пиджак и пошёл обратно в дом.

У Бенни день проходил ничем не лучше, чем утро. После ухода Доктора и Эйс, Гарпол взялся рассказывать ей о том, какой она станет знаменитой. Видео, книги. Он даже заикнулся о гастролях. Доктор, Бенни, и Эйс — чудеса современного мира. Земная семья двадцатого века. Её и без того слабое терпение не выдержало, и она, с привлечением всех ругательств двадцатого века, которые только смогла вспомнить, объяснила Гарполу, что он может сделать со своими гастролями. Громкость его голоса сразу ослабла, последнее, что ей удалось расслышать — его крики

Блинту о цензуре и «видео не для семейного просмотра».

Не имея других занятий, она взялась разгребать то, что осталось после завтрака. Именно тогда она услышала шум во дворе. Она хотела было выйти, но открылась дверь, и в кухню, отряхивая с туфель пыль, зашёл Доктор.

Она посмотрела на него:

— Я правильно понимаю, что ты нашёл способ сильно разозлить нашего хозяина?

Доктор улыбнулся:

— Просто Эйс катается на байке.

— На байке, который ревёт, как королевская тварь Пеладона! — в ней внезапно проснулось профессиональная любознательность. — Просто из любопытства, что это за «байк»?

— «Harley-Davidson». Купил его несколько перевоплощений назад. Мне всегда нравились гэджеты.

Бенни покачала головой:

— Мальчишек не перевоспитать. То есть, уже начата реализация твоего плана?

Не успел Доктор ответить, как дверь с грохотом распахнулась, и в неё ворвался с трудом сдерживающий себя Гарпол, за спиной которого семенил Блинт.

— Доктор! Извольте объяснить, что вы затеяли?

Доктор повернулся к нему с лицом, полным смиренного извинения:

— Мистер Гарпол, ну что тут сказать? Что бы я ни делал, ничто не может снизить потребность этой девочки пошалить. Вы же знаете подростков.

Гарпол от злости стал почти фиолетовым:

— Нет, не знаю! Но начинаю узнавать! — он показал останки сдувшегося шара. — Посмотрите, что она сделала! Вы хоть представляете, как сложно будет заменить это? Представляете?

Он опустился на стул, качая головой. Блинт похлопал его по плечу:

— Не переживайте, мистер Гарпол. Я немедленно свяжусь с нашими поставщиками. Уверен, что смогу найти вам замену.

После небольшой паузы он добавил:

— И почти недорого.

Гарпол посмотрел на Доктора так, что у того с лица мигом сдуло всё легкомыслие:

— Слушайте меня, Доктор. Если эта девочка испортит ещё хоть один предмет из моей коллекции, я тут же сделаю из неё филе и скормлю его своему стигораксу, ясно?

Доктор ничего не ответил, лишь провёл взглядом Гарполя, который поднял своё тело со стула и повернулся к двери, подгоняя перед собой Блинта.

— До последующих распоряжений вы не имеете права выходить из дома.

Дверь захлопнулась.

Бенни повернулась к Доктору и быстро спустила весь накопленный пар:

— Проследи, пожалуйста, чтобы я нечаянно не пролила красное вино на его ковёр. Что теперь будем делать?

— Как насчёт того, чтобы приготовить обед?

Бенни не верила своим ушам.

— Уже ведь почти полдень. Пойду накрою на стол, — он вышел из комнаты, оставив ошарашенную Бенни молча глядеть на рожицу, нарисованную на проколотом мяче.

Волосы Эйс развевались на ветру. Она готова была кричать от радости. После всех тревог, через которые они в последнее время прошли, особенно после того дела с Монахом, это было что-то новенькое. Это было именно то, ради чего она стала путешествовать с Доктором. Это было весело!

Она посмотрела в зеркало заднего вида. Позади неё, едва различимые в поднятой ею пыли, проблескивали догоняющие её роботы. Она доедет до ТАРДИС раньше, чем они хотя бы приблизятся.

Над ней сквозь облака начали пробиваться звёзды, с такой яркостью, которая никогда не была бы

возможна на Земле — во всяком случае посреди дня — и её поразила абсурдность этой ситуации. Громко хохоча, она повернула ручку газа, и байк рванул вперёд.

Бенни наблюдала за тем, как Доктор суетится на кухне. Он чувствовал себя как дома. Впрочем, это ведь и был его дом. Она подумала о том, каким мог быть дом Доктора — его настоящий дом, на Галлифре. Он редко рассказывал о своём прошлом и о своей семье. Иногда он упоминал он внучке, но следствия из наличия внучки всегда заставляли Бенни чувствовать себя не в своей тарелке.

Он обернулся, держа перед собой полную миску картофеля, и пересёкся взглядом с Бенни. Она торопливо отвела взгляд, опасаясь, что он спросит, о чём она думает. Или, что ещё хуже, он уже знает, о чём она думает.

— Ты собираешься мне помогать или нет? — спросил он.

Она отобрала у него миску:

— С тех пор, как Эйс уехала, ты только и делаешь, что накрываешь на стол и печёшь что-то в духовке! Мы что, только этим и будем тут заниматься — есть?

— Не только! Я подумал, что можно ещё и бутылочку вина открыть. Поторопись с чисткой картошки, и тогда сможешь спуститься со мной в

подвал и помочь мне выбрать вино, — и он отвернулся.

Бенни хотела было швырнуть ему в затылок одной из картофелин, но тут у неё разыгралось воображение: что может представлять собой винный погреб Доктора? Обед, в конце концов, мог оказаться не такой уж и плохой идеей.

Эйс резко нажала на тормоз, и заднее колесо занесло, поднимая тучи пыли в небо, полное звёзд.

— Вот дерьмо!

ТАРДИС не было. Единственным признаком того, что она тут когда-то была, был квадрат утрамбованной пыли. У Эйс сердце опустилось. В чём бы ни состоял план Доктора, до этого момента всё шло хорошо. Она осмотрелась. Роботы её уже почти догнали. Если она вообще хотела сбежать, то надо был делать это сейчас. Она замерла. А куда сбегать? Этой секунды замешательства было достаточно. Со всех сторон на неё надвигались роботы. Она приготовилась к тому, что один из них её сейчас коснётся.

— Пожалуйста, не ходите по газону.

Электрошока не было. Не было никаких признаков того, что он хочет сделать ей что-то плохое.

— Пожалуйста, не сходите с дорожки, — подгонял её робот к едва заметным в пыли следам.

Когда она направила байк в ту сторону, круг роботов разомкнулся. Как только она оказалась на твёрдой дорожке, роботы начали улетать. Эйс улыбнулась: этот идиот Гарпол не поменял их программу. Они до сих пор действовали в соответствии со старыми приказами — не пускать никого с дорожек на траву. А если они запрограммированы помогать посетителям...

— Эй! Голова-жестянка!

Ближайший робот развернулся и медленно подплыл к ней.

— А где тут девушке можно посмотреть на полицейскую будку?

— Пожалуйста, посмотрите в путеводителе список всех экспонатов.

— Нет у меня путеводителя, болван ты металлический!

— Все роботы-кураторы укомплектованы путеводителями. Если ваш робот недоукомплектован, пожалуйста, обратитесь в билетную кассу.

Эйс внимательно осмотрела висевший перед ней металлический объект.

— Говоришь, все роботы-кураторы укомплектованы путеводителями?

Она внимательно присмотрелась. У этого было имя. Рядом с красной кнопкой висела табличка с

надписью «Привет, я Бэз, чем я могу вам помочь?» Кнопка... Она нажала на неё.

Зажужжали какие-то механизмы, и в руки Эйс из щели в корпусе робота выпал глянцевый ламинированный лист. Это была карта всех экспонатов на выставке Гарполя. Эйс осмотрела её, выискивая место, где была бы уместна телефонная будка. Она улыбнулась. План Доктора всё ещё мог сработать.

— Вот что, Бэз, веди меня на Трафальгарскую Площадь.

Бенни от счастья была на седьмом небе. После того, как она почистила казавшуюся ей бесконечной кучу картофеля, Доктор провёл её через дом к двери под лестницей. Отперев дверь вынутым из кармана огромным ключом, он повёл её в кромешный мрак.

На секунду Бенни перепугалась, когда её рука выскользнула из руки Доктора, но через несколько секунд щёлкнул выключатель, и её натура археолога испытала дикий восторг.

Винный погреб Доктора оказался огромным! К тому же, он не был пустым! Первая же бутылка, которую она взяла, была датирована эпохой Крестовых Походов. На каждой полке, куда бы она ни посмотрела, лежала жидкая история. Лучше всего была представлена Земля, в коллекции были вина любого столетия; но за те несколько минут, которые она там

пробыла, она также обнаружила целую полку с винами Райбоса, ещё одну — с шампанскими с Мануссы, а ещё одна полка была забита всеми марками огронского эля.

Она взяла одну бутылку и внимательно её осмотрела:

— Для того, кто мало пьёт, у тебя чертовски хороший вкус!

Доктор улыбнулся:

— Я часто принимаю гостей. Пойдём, — он указал на уставленный бочками коридор. — Посмотрим, чем там Эйс занимается, — и он исчез во мраке раньше, чем Бенни успела его спросить.

Бенни пошла за ним, прижимая к себе бутылку, как ребёнка, и обещая себе, что когда это всё закончится, она обязательно проведёт какое-то время в этом подвале. Около года.

— Что?! — сидя за столом из имитации под красное дерево, двухсот килограммовая туша Гарполя тряслась от ярости. — И эти глупые машины указывают ей дорогу?

Блинт перебирал документы в папке, с которой был неразлучен. Он всегда перебирал документы, когда нервничал, а нервничал он почти всегда.

— Но... так они запрограммированы, мистер Гарпол.

— Остановите их, Блинт!

— Это не так просто, мистер Гарпол. Нужно соблюсти процедуру. Нельзя просто взять и перепрограммировать роботов-гидов. Нужно вызвать сертифицированного инженера. Иначе мы потеряем гарантию.

— С меня достаточно, Блинт, — рука Гарполя тяжело ударила по столешнице. — Мы задействуем роботов охраны Группы 5.

Уже и без того бледный, Блинт попытался побледнеть ещё сильнее:

— Но... Но... Они ещё не проверены, мистер Гарпол. Ещё даже не распакованы.

— Вот и будет отличная возможность их проверить.

Эйс всё больше восхищалась Гарполом. Прямо перед ней, в середине кратера стояла колонна Нельсона. И не только колонна, но и львы, фонтаны, а рядом — полицейская будка.

Она похлопала усердного робота по голове:

— Спасибо, Бэз, именно сюда я и хотела попасть.

Робот радостно зачирикал:

— Приятно было быть полезным. Пожалуйста, не сходите с дорожки, — сказав это, он улетел.

Эйс добавила газу и поехала к ТАРДИС. Подъезжая к ней, она заметила на руле небольшое

устройство, которого там не должно было быть: кнопка с подписью «Дверь». Она нажала её. Дверь ТАРДИС перед ней раскрылась, и Эйс направила взвизгнувшего шинами «Харлея» прямо в отсек с консолью.

Она слезла с мотоцикла и облокотила его о вешалку для шляп. Ей нравилось, как мотоцикл смотрелся в ТАРДИС. Она попросит у Доктора разрешение оставить его. Итак. Порывшись в карманах, она нашла «снегопад» и пошла вокруг консоли, внимательно осматривая её поверхность. Вот. Углубление. Углубление, которое идеально подходит к основанию шарика с метелью. Углубление, которого раньше тут не было. Эйс насупилась. Как обычно, ТАРДИС была такая же несносная, как и Доктор.

Она протянула руку и поставила сувенир на место. Его тут же вырвало из руки и закрепило на поверхности консоли. Свет начал меркнуть, привычный гул приборов устрашающе снизился.

— Вот дермо! — Эйс отчаянно вцепилась в шарик, пытаясь вынуть его из панели, но консоль, казалось, затягивала его в себя.

Её пальцы беспомощно соскользнули со стеклянного купола. Снег завертелся, украшение начало светиться изнутри. Тем временем освещение в ТАРДИС постепенно тухло, и в результате свет

исходил только от бушующей мерцающей метели. Эйс уселась в угол и стала ждать.

Бенни и Доктор шли очень долго. Вообще-то, гораздо дольше, чем можно было бы ходить в погребе. Вдоль стен стояли бочки. Бенни уже не могла запоминать их содержимое. Она похлопала Доктора по плечу:

— Мне это только кажется, или этот дом — не совсем то, чем он кажется?

Доктор улыбнулся:

— Тебе уже пора бы знать, что ничто никогда не является тем, чем кажется.

— Тогда права ли я, предполагая, что этот дом, по сути, является ещё одной ТАРДИС?

Доктор стал, как вкопанный:

— Боже правый, нет! Я не смог бы иметь сразу две ТАРДИС. Они же жутко ревнивые. Скажем так, за долгие годы дом кое-чему у неё научился. Идём, кажется, мы уже почти пришли, — и он пошёл по очередному проходу.

Бенни смотрела по сторонам. Бочки были всё глубже и глубже в стенах, и постепенно превращались в знакомый сотовый орнамент из кругов. Очень-очень знакомый.

— Возвращаемся к плану «А», — сказал Гарпол. — К репликам, мистер Блинт. Отправьте роботов безопасности Группы 5 уничтожить терран.

Потом он передумал:

— А впрочем, я сам это сделаю. Я хочу это видеть. А вы можете составить мне компанию.

Гарпол всерьёз подумал о том, что лучше бы его здесь не было. Это был первый раз, когда он собственными глазами видел роботов охраны Группы 5; их доставили всего лишь день или два назад, и они до сих пор были запакованы в ящики. Его впечатляло то, как они выплывали из темноты своей упаковки. Они выглядели очень внушительно. Даже и намёка не было на улыбающиеся лица; никаких красных кнопок и щелей для выдачи путеводителей; и уж тем более не было значков с надписью «Привет, я Бэз». Они были коренастее и тяжелее, чем роботы-гиды, и у каждого впереди было крупнокалиберное оружие. Даже низкий гул, с которым они летали, казалось, был спроектирован для запугивания. Со злобной радостью он потёр руки, представляя, как эти роботы набросятся на жалких людышек.

Проблема была лишь в том, что роботы не работали. Они постоянно натыкались друг на друга и стреляли куда-то за горизонт сверхзвуковыми снарядами. Они уже взорвали Павильон Летних Ветров с Тары. Когда они подходили к Экспонату 19

— дому Доктора — Гарпол уже смирился с неизбежным. Поначалу он надеялся сохранить экспонат в качестве примера своей эпохи, и посмотреть, как его жители медленно умрут. Но теперь уже было ясно, что это невозможно. Ну и ладно, пускай роботы делают, что хотят. С домом будет тоже, что и с его владельцем.

И он был уже прямо перед ними. Гарпол сменил свой обычный костюм на нечто более военного покроя: бледное хаки, латунные пуговицы, нечто, похожее на золотые щётки на плечах, и несколько шнурков, развивающихся у него подмышками. Блинт нарядился во что-то столь же нелепое. Гарпол протянул руку вперёд в подобии военного жеста и вся процессия — генерал, его адъютант, и когорта гудящих летающих роботов — пошли вниз по склону в направлении своей цели. Они продвинулись буквально на десять шагов.

А затем начался хаос. Вокруг них взвыл дикий холодный ветер. С Гарполя сорвало шляпу. Блinta чуть самого не унесло. Этот дикий ветер принёс с собой густую пелену кружашего снега. Снега, которого в системе Араракс раньше никогда не было. Из-за ветра роботы охраны начали натыкаться друг на друга, как кегли; снег их слепил, забивая их навигационные системы, от чего они начали вращаться, как волчки. Один из них выстрелил. Снаряд

попал в другого робота. Взрывом помимо их самих убило ещё двоих роботов.

Гарпол орал приказы, но из-за ветра их никто не слышал. Блинт гонялся за бумагами, которые ветром вырвало из его папки и разметало по серой поверхности астероида. Роботы хаотически вальсировали.

Во мраке ТАРДИС беззвучно открылась дверь, ведущая во внутренности корабля. Эйс вскочила на ноги, ругая себя за то, что позволила себе задуматься.

— Всё в порядке, Эйс. Это мы.

Из тёмного коридора вышли Доктор и Бенни. У Бенни был отрешённый вид. Она обнимала пыльную тёмную бутылку красного вина.

— Молодец, Эйс, — Доктор потряс её руку.

— А что именно я сделала?

— Создала пространственно трансцендентный коридор, соединяющий технические этажи ТАРДИС с винным погребом дома. Так вот просто, — он посмотрел на бушующую под колпаком выногу. — Только вот обычно это возмущает атмосферу.

Он нагнулся над шестиугольной консолью и сильно нажал на стеклянный купол. Тот выпрыгнул из панели.

— Ну вот, — сказал Доктор. — Чпоктоматика.

Гул приборов снова вырос до нормального уровня. Стало снова светло. Доктор спрятал украшение в карман:

— Это чтобы никто за нами не пошёл. А теперь...

Он привычно щёлкал переключателями на панели. Ротор времени в центре консоли начал подниматься и опускаться.

Буря прекратилась так же быстро и необъяснимо, как и началась. Ветер, снег — всё исчезло. Гарпол осмотрелся вокруг. Блинт собирал свои разлетевшиеся документы. Осталось всего три робота. Остальные погибли, сталкиваясь друг с другом, либо от снарядов собратьев.

Не важно. Трёх вполне достаточно.

— Вперёд! — крикнул жирный командир.

Он маршировал к дому, а трое роботов неровным строем шли следом.

Блинт с кипой бумаг замыкал шествие, несчастным голосом бормоча:

— Моё расписание...

Эти люди пожалеют, что... Гарпол остановился. Звук. Он был похож на звук его кишечника после приёма тяжёлой пищи. Несколько секунд он ощупывал живот, а потом понял, что звук доносится от дома. Воздух перед ними задрожал; вспыхнул слабый белый свет, затем раздался глухой стук, и стало тихо.

Дом исчез. На его месте стояла синяя прямоугольная будка.

— Неплохо, если простите меня за хвастовство. Непростая была посадка, — Доктор нажал на кнопку, и экран ТАРДИС ожил.

Красное, переходящее в пунцовое изображение, заполнявшее их экран, было шарообразными щеками и вытаращенными глазами их бывшего хозяина, который, казалось, вот-вот взорвётся.

Доктор снова нажал на кнопку, и экран погас:

— Хм. Лучше на такое перед едой не смотреть, — Доктор быстро переключал что-то на консоли. Ротор времени снова пришёл в движение. — Итак... Домой!

— Доктор? — спросила из-за его плеча Бенни.

Эйс, не обращая на них внимания, присела возле мотоцикла; её руки были уже в машинном масле.

— Я материализовался вокруг дома, Бенни. Теперь мы его вернём на место. Ты когда-нибудь слышала выражение «Где бы я ни установил свой дом, там и есть мой дом?»

— Эмм... — Бенни не слышала.

— Нет? А как на счёт «Дом там, где стоит мой дом»?

— Доктор, а как же все остальные здания? А как же эта пара жуликов?

— Ах, да. Напомни мне послать сообщение в Общество Наследия Браксиателя. Я вхожу в его Совет Управляющих. Ирвинг всё уладит. То, чем занимается наш друг Гарпол — незаконно. Общество предъявит ему иск и вернёт все здания на надлежащие места. Они в этих вопросах очень щепетильные.

Он повернулся к присевшей у мотоцикла Эйс:

— Эйс, не разводи тут грязь. И вымой руки перед обедом, хорошо?

— Обедом? — удивилась Бенни. Обычно, приём пищи на ТАРДИС не отличался регулярностью.

— Я думаю, что всё уже приготовилось. Пойдём, Эйс, — Доктор снова вышел в дверь, ведущую вовнутрь ТАРДИС.

Бенни пошла за ним; она улыбалась, постукивая пальцами по бутылке, которую ни на секунду не выпускала из рук. Отлично; у неё будет возможность отведать это вино в надлежащей обстановке.

Ворча и вытирая грязные руки об штаны, Эйс пошла за ними.

Спутников Доктора всегда поражало то, как он находит дорогу в корабле. Для Эйс и Бенни коридоры казались бесконечными и одинаковыми. В этот раз путь оказался довольно коротким. Доктор остановился у небольшой незаметной дверцы в углу. Сервант, наверное, — подумала Эйс. Или платяной шкаф.

Доктор легонько толкнул дверь и она открылась. За дверью был свет, и он был какой-то не такой. Слишком яркий. Слишком... настоящий.

Это был дневной свет. Лёгкий ветерок. Голоса птиц вдали. Сад в английской глубинке.

— Я была права, — сказала Эйс, скорее сама себе.
— Это был платяной шкаф. Волшебный!

Перед ними был дом. Вокруг него были безупречные газоны, клумбы; хвойные деревья были подстрижены в виде высоких элегантных конусов. Когда они шли к парадной двери, их ноги хрустели по круглой гальке.

Внезапно Доктор настороженно остановился. Он принюхался к воздуху. На его лице появилась едва сдерживаемая паника.

— Нет, — сказал он. — О нет! — он побежал вперёд, придерживая на голове шляпу. — Ростбиф! — проревел он, врываясь в двери.

Эйс посмотрела на Бенни, Бенни посмотрела на Эйс. Они улыбнулись.

— Мисс Саммерфилд, — сказала Эйс, протягивая руку подруге, — а не зайти ли нам пообедать?